

не разбивай
мое
СЕРДЦЕ

НИКОЛЬ ЖАКЛИН

Что делать, когда твоя родственная душа женат на твоей лучшей подруге? Если ты Кейт Эванс, то ты сохранишь дружбу со своей подругой Рейчел, привяжешься к ее детям и похоронишь свои чувства к ее мужу. Тот факт, что Шейн — военный, и часто находится вдалеке? — помогает, но когда случается трагедия, все меняется. После того как Рейчел, беременная в четвертый раз, погибает в автомобильной аварии, а ребенок чудом выживает, Кейт меняет всю свою жизнь, чтобы разделить родительские обязанности. Затем на первой годовщине смерти Рейчел, Кейт и Шейн находят утешение друг в друге на одну ночь, о которой оба сожалеют. Шейн зол на протяжении года, а сейчас к этому добавляется и чувство вины за то, что он переспал с лучшей подругой своей жены и ему понравилось это... ему понравилась она. Из-за того что Кейт способна читать его как открытую книгу, он сбегает, но их жизни навсегда переплетаются, и они сближаются. Теперь, когда Шейн на семь месяцев присоединился к своему войску, Кейт остается сама по себе и пытается быть родителем-одиночкой. Шейн любит и поддерживает на расстоянии, но его возвращение домой приводит к предательству, которое Кейт от него никогда не ожидала. Поэтому Кейт остается только бороться за будущее, которое она заслуживает... с Шейном или без.

Николь Жаклин
Не разбивай мое сердце
Серия Приемная любовь — 1

Переводчик: Matreshka

Редактор: Нютка

Вычитка, обложка и оформление: Mistress

— Почему мы снова это делаем? — спросил я свою жену, когда она поправляла макияж в зеркале с пассажирской стороны.

— Потому что это важно для твоей кухни.

— Она не моя кухня, — напомнил я ей, поворачивая машину.

— Хорошо. Это важно для Кейт, — ответила она, теряя терпение. — Не понимаю, почему ты ведешь себя как придурок из-за этого?

— Как часто мы покидаем дом без детей, Рейч? Редко. Я бы предпочел не тратить такой редкий вечер, когда мы только вдвоем, на посиделки в какой-то гребаной кофейне, заполненной восемнадцатилетними.

— Черт, а ты в ударе сегодня, — пробормотала она в раздражении. — Кейт попросила меня об этом недели назад. Я не знала, что ты будешь дома.

— Верно, планы меняются.

— Я пообещала прийти! Я бросаю все ради тебя каждый раз, когда ты возвращаешься со службы. Ты знаешь это. Не могу поверить, что ты ведешь себя как придурок из-за одного вечера, когда я не могу изменить планы.

— Я очень сомневаюсь, что Кейт ждет меня здесь, — ворчу я в ответ, выруливая на небольшую парковку, которая уже заполнена машинами. — Она возненавидит то, что я увижу ее провал.

Я вышел из машины и обошел ее, чтобы помочь Рейчел. Я никогда не понимал, почему она настаивала на том, что будет носить такие чертовски высокие каблуки, будучи беременной — я волновался по этому поводу. Она выглядела сексуально, но однажды она может упасть, и я боялся, что меня не будет рядом, чтобы поймать ее.

— Ты и правда понятия не имеешь? — спросила она, смеясь, когда я взял ее за руку и осторожно потянул с сиденья. — Как, ради всего святого, вы выросли вместе, а ты все еще так мало знаешь о Кейт?

— Ты знаешь, я не рос с ней. — Я захлопнул дверь и медленно повел жену к небольшому зданию. — Я переехал, когда мне было уже семнадцать, и уехал из города в девятнадцать. Она не моя семья, ради всего святого. Она испорченная, странная племянница людей, которые заботились обо мне очень короткий период времени.

Рейчел остановилась из-за раздражения в моем голосе.

— Она моя лучшая подруга. Моя единственная подруга. И она познакомила нас, на случай, если ты забыл.

— Нецеленаправленно.

— Что это значит? Что значит нецеленаправленно?

— Она была чертовски взбешена, когда мы стали встречаться.

— Нет, — спорила Рейчел. — О чем ты говоришь?

— Неважно. Это не имеет значения.

— Ты можешь, пожалуйста-пожалуйста, быть милым и не вести себя как мученик, когда мы там окажемся? Я не знаю, что между вами...

— Между нами ничего нет, я просто хотел отвести свою красавицу жену на ужин сегодня, а вместо этого мы идем смотреть, как ее подруга поет перед кучкой подростков. Не совсем то, на что я надеялся.

Я вытянул руку, чтобы обхватить ее щеку ладонью, и потер кожу под ее губами пальцем. Я хотел ее поцеловать, но так как она нанесла кучу блеска для губ в машине, я знал, что она не поблагодарит меня за это.

— Мы пойдем куда-нибудь после этого, хорошо? Думаю, она выступает первая, поэтому мы не пробудем долго, — заверила она меня с небольшой улыбкой, ее взгляд смягчился. Она знала, что я хотел ее поцеловать, моя рука на ее лице — знакомый жест.

— Хорошо, детка, — я наклонился и нежно поцеловал ее в нос. — Ты выглядишь прекрасно. Я уже говорил тебе это?

— Нет.

— Ну, так и есть.

Она улыбнулась и снова начала идти к зданию, а я провел руками по коротким волосам у себя на затылке.

Не то чтобы мне не нравилась Кейт. Совсем наоборот, на самом деле. В детстве мы были друзьями, и я думал, что она чертовски забавная. У нее было своеобразное, иногда странное чувство юмора, и она была самым искренним человеком, которого я знал. Но по какой-то причине все эти годы назад она внезапно сосредоточилась на мне, и из-за этого внимания я чувствовал себя некомфортно.

Я не был ею увлечен, и из-за ее влюбленности чувствовал себя странно, неуютно в своем собственном теле. Я не хотел ранить ее чувства, но, дерьмо, она не оставляла мне выбора. Она была слишком приятной, наивной и доверчивой. Даже тогда меня больше привлекали более сложные, чуть жестче женщины, нежели девочка, у которой в семнадцать лет все еще висели постеры с феями.

Поэтому я начал как можно большее ее избегать, пока после первого семестра в колледже она не привела домой девушку, покрашенную красной помадой, и с татуировками. Я игнорировал то, как Кейт наблюдала за мной с печальными глазами, когда занял все время ее подруги, и полностью игнорировал ее чувства. Я никогда не любил Кейт в таком плане, и я не видел ничего плохо в том, чтобы приударить за ее подругой.

Закончилось все тем, что я женился на ее соседке по комнате, и с того момента вел себя так, будто мы с Кейт никогда не были друзьями. Так было проще.

— Пойдем, малыш, — позвала Рейчел, утягивая меня в темноту кофейни. — Я вижу столик, а мои ступни убивают меня.

Какого хрена она настояла обуть эти туфли?

— Могу я принести что-нибудь выпить? — спросила нас официантка небольшого роста. На самом деле очень маленькая. Она была едва выше стола, за которым мы сидели.

— Можно мне зеленый чай, пожалуйста? — спросила Рейчел.

— Конечно! У нас есть невероятный зеленый чай. Когда ждете пополнение?

— Совсем скоро.

— Поздравляю!

— Черный кофе, — заказал я, когда дружелюбная официантка наконец посмотрела в мою сторону. Ее улыбка увяла, и я осознал, что мои слова вышли резче, чем я намеревался.

— Конечно! — прощебетала она с натянутой улыбкой, когда уходила.

— Серьезно, Шейн? — зарычала Рейчел в раздражении.

— Что? — я знал, о чем она. Я вел себя как придурок, но не собирался объяснять, что чувствую беспокойство в кофейне полной людей. Люди громко смеялись, толкались и натыкались друг на друга в помещении, и я не мог видеть выход с места, где мы сидели.

— Привет, Сан-Диего, — заговорил в микрофон знакомый голос. — Как ваши дела сегодня?

Помещение наполнилось криками, и лицо Рейчел осветилось, когда она посмотрела мимо меня на сцену.

— Разве вы не милашки? — прохрипела Кейт с коротким смешком. — Я тоже рада вас видеть, ребята.

Рев толпы становился громче, и мои плечи напряглись в ответ.

— Есть кофейная банка, которая будет перемещаться в толпе, у кого она сейчас? — она сделала паузу. — Хорошо, у Лолы... она в фиолетовой рубашке с ирокезом. Когда банка дойдет до вас, киньте туда пару долларов, если можете, и передавайте дальше.

Толпа зааплодировала, и Кейт рассмеялась.

— Я лучше начну, прежде чем, вы, ребята, взбунтуетесь.

Я все еще не повернулся посмотреть на нее. Откровенно говоря, я не хотел смущать ее, если она налажает. Я не...

Чистые ноты гитары раздались в микрофон, и я замер, когда все помещение погрузилось в тишину. Полнейшую тишину. Даже бариста за стойкой перестал заниматься своим делом, когда наблюдал за сценой, где Кейт начала петь.

Святое дерьмо. Я резко повернул голову и почувствовал, будто мне выстрелили в грудь.

Ее голос быть чуть хриплый и томный, и она держала свою гитару как ребенка, которого качала каждый день своей жизни. Она чувствовала себя как рыба в воде, постукивая ногой и улыбаясь разным людям в толпе, когда они начинали петь с ней.

Это было невероятно. Она была невероятной. Я не мог оторвать взгляда. Это была не просто какая-то глупая идея-экспромт. Она точно знала, что делает, и эти подростки были в курсе. Они обожали ее.

И она выглядела великолепно.

Дерьмо.

Ее волосы были закручены по бокам — Рейчел пробовала делать подобное несколько раз. Думаю, это называлось «Виктори ролз»? Я уверен, что Рейчел называла ее так, когда не могла разобраться с этой прической. Кожа Кейт была гладкой, а на губах темно-розовый блеск, из-за чего ее зубы ярко сияли под прожекторами. Футболка свисала с одного ее плеча, также на ней были рваные джинсы, которые были такими узкими, что я не был уверен, как она могла сидеть.

Я медленно моргнул, а она все еще была здесь.

— Я пыталась сказать тебе, что она хороша, — сказала самодовольно Рейчел сбоку от меня.

— Она сама написала эту песню? — спросил я, повернувшись к жене.

— Малыш, серьезно? Это песня Тейлор Свифт.

— Ох.

— Это одна из песен Кенни Чесни.

— Я знаю эту, — пробормотал я, снова смотря на сцену. — Она поет только кантри?

— Черт, нет. В основном другое, но обычно есть тематика. Сегодня очевидно о подростках... так как пожертвования собираются для благотворительности, чтобы остановить издевательства над ними.

Я кивнул, но мои глаза снова были прикованы к сцене, когда Кейт немного пританцовывала на сиденье, выбивая ритм новой песни на передней части гитары. Над Кейт

издевались в школе? Я не помнил ничего подобного, но, как и сказал Рейчел, я жил с тетей и дядей Кейт чуть больше года, перед отъездом в тренировочный лагерь. Может, я пропустил это. От этой мысли, я со злостью стиснул зубы.

Кейт сложила губы трубочкой, затем послала воздушный поцелуй и подмигнула толпе. Мое дыхание перехватило.

Иисус Христос.

Я отодвинул свой стул подальше от стола и схватил Рейчел за руку, пересаживая к себе на колени.

— Что ты делаешь? — прошептала она со смехом.

— Если я останусь здесь, то мне нужны бонусы.

— О да?

— Да. — Я наклонился и страстно ее поцеловал, игнорируя блеск, который размазывался над моими губами. Я скользнул языком ей в рот, и ее ногти впились в мои плечи, когда она наклонила голову. Боже, каждый поцелуй с ней был так же хорош, как и первый. До нее я не знал, что возможно любить кого-то так сильно.

— Дома тебя ждет продолжение, — сказала она, когда потянулась вслепую и схватила пару салфеток, чтобы вытереть наши лица. Ее лицо горело, а я хотел просто покинуть эту гребаную кофейню и побыть с ней наедине.

Моя жена была самой красивой женщиной из всех, кого я знал, и не только из-за внешности. Она выросла в таких же условиях, как и я: добывала и боролась за то, что ей нужно. И я был горд семьей и жизнью, что мы построили вместе. Мы прошли долгий путь из-за нашего скверного воспитания.

— Мы еще не можем поехать домой? — спросил я с ухмылкой, когда вытер лицо.

— Эй, вы, двое в углу! — закричала Кейт в микрофон, прерывая невероятно сексуальный взгляд, который Рейчел мне послала. — Не здесь, тут дети.

Толпа рассмеялась, а я резко посмотрел на сцену.

Кейт улыбалась так ярко, что выглядела легкомысленной.

— Это моя лучшая подруга. Разве она не красавица?

Толпа начала улюлюкать, а Рейчел мягко рассмеялась мне в ухо и послала Кейт поцелуй.

— Я хочу знать, что это за парень! — закричала какая-то девчонка, из-за чего все рассмеялись.

— Оу, это просто ее муж, — ответила Кейт ровно, и толпа захихикала. Она встретилась со мной взглядом и подмигнула, затем улыбнулась, прежде чем отвела взгляд и начала следующую песню, как будто из-за нее мой желудок только что не перевернулся.

Мы смотрели на нее еще около часа, пока она чертовски отжигала на сцене. Затем я выволок Рейчел из здания, не попрощавшись, оправдываясь желанием пользоваться возможностью, пока нет детей.

У меня сложилось впечатление, что я очень мало знаю о женщине, которую избегал десять лет, и задавался вопросом, как я это пропустил. Она не была неловкой девочкой, которую я помнил, или неряшливой женщиной в трениках и майке, которую Рейчел время от времени звала к нам, пока я был дома.

Кейт, которую я видел на сцене, сражала наповал — уверенная и дерзкая. Я знал, что продолжу избегать ее, но уже по совсем другим причинам, чем прежде.

Два месяца спустя

— «Эванс веб-дизайн», — ответила я на звонок, когда перешла на другую полосу движения на шоссе. Боже, движение просто кошмарное.

— Это Кэтрин Эванс?

— Да, кто это?

— Извините, это Тиффани из Лаурельской начальной школы. Я звоню, потому что вы числитесь как контактное лицо для экстренной связи у Сейдж Андерсон...

— С Сейдж все в порядке? — перебила я, показывая фак водителю, который сигнализировал мне. Какого черта они звонят мне, а не ее матери?

— С Сейдж все хорошо, мисс Эванс. Мы просто хотим узнать, вы случайно не в курсе, кто должен забрать ее из школы сегодня? Уроки закончились около тридцати минут назад, и никто за ней не пришел.

— Ее мама забирает ее, — ответила я, смотря на часы. — Она не звонила?

— Нет, мэм. Мы пытаемся до нее дозвониться, но не получается.

— Странно.

— Так и есть, — согласилась она.

— Хорошо, ну, я приеду за ней и попытаюсь связаться с Рейчел, но у меня займет это примерно полчаса. — Похоже, мою встречу в центре города придется отложить.

— Все хорошо. Сейдж может посидеть со мной в кабинете.

— Хорошо, скажите ей, что тетя Кейт скоро приедет.

Я повесила в трубку и съехала с шоссе, чтобы развернуться. Дерьмо, если я поеду на север, то застряну в огромной пробке часа на два.

Я ехала по улицам к школе Сейдж, названивая Рейчел снова и снова. Чем дальше она не отвечала, тем сильнее сжимался мой желудок.

Моя лучшая подруга не могла забыть забрать своего ребенка из школы. Она была во втором классе, ради всего святого. Не то чтобы время забирать ее изменилось, все было так же, как и последние два года. Что-то было не так.

Мне потребовалось меньше времени, чем я думала, чтобы добраться до школы Сейдж. И я зарулила на парковочное место, трясущимися руками.

У меня было ужасное предчувствие, и я никак не могла успокоиться.

— Эй, я ищу девочку: небольшого роста, с темными волосами, с нелепым именем, похожим на растение^[1] ... — сказала я своим самым серьезным тоном, когда дошла до кабинета администрации.

— Тетушка Кейт! Я здесь!

— Оу, да. Вот кого я ищу, — подразнила я, улыбаясь своей самой любимой девочке в мире, пока та меня обнимала.

— Вы должны расписаться, что забрали ее, — сказала секретарь с улыбкой.

— Никаких проблем.

Я расписалась и повела Сейдж к своей машине, затем копалась в багажнике в поисках детского сиденья.

— Где моя мама? — спросила Сейдж, прыгая рядом на носочках. Радость прокатиться

на моей машине, очевидно, затмила травму, которую она получила, когда ее оставили в школе.

— Я не знаю, малышка, — сказала я, когда ставила ее кресло на заднее сиденье.

— Папочка на полигоне сегодня! — проинформировала она меня, пока мы ехали к ее дому.

— О да?

— Да. Он был дома долго.

— Да, это точно, — ответила я весело. Она и понятия не имела.

Я не возражала, что Рейчел хотела проводить время с Шейном, пока он был дома. Я понимала. Но отстойно быть подругой, которую игнорируют, когда кто-то другой значительный приезжает с очередного военного назначения. Я почти жила с Рейчел, пока Шейн был в отъезде — она ненавидела находиться одна, — но как только ее муж делал шаг на американскую землю, я снова становилась персоной нон грата.

Так продолжалось годы. Я не была уверена, беспокоило ли это все еще меня.

— Скоро у мамы будет ребеночек, — пропищала Сейдж с заднего сиденья, когда я повернула на их улицу.

— Я знаю, это довольно волнительно, верно?

— Да. Хотя это будет еще один брат.

— Что не так с братьями? У меня два брата, — напомнила я ей, выруливая на пустую подъездную дорожку.

Я вылезла из машины, когда она начала отвечать, и посмотрела на пустой дом в недоумении, когда никто нас не встретил. Где, черт побери, Рейчел и мальчики?

Сейдж продолжала болтать, когда я отстегнула ее от кресла.

— ... хотела сестру. Мальчики воняют, и они играют только с мальчиковыми...

— Кейт? — кто-то позвал через улицу. — Где Рейчел? Она должна была забрать мальчишек два часа назад!

Я повернулась и увидела соседку Рейчел, Меган, которая пересекала улицу с Гевинном на бедре и Келлером рядом с ней.

— Понятия не имею, — сказала я тихо, когда она дошла до меня. — Позвонили из школы, потому что она не забрала Сейдж. Я пыталась дозвониться до нее последние сорок минут.

— Где мама? — спросила Сейдж, смотря между нами в недоумении.

— Эй, сис, отведешь мальчиков внутрь? — Я протянула ей ключи, когда Меган поставила Гевина на землю. — Я зайду через секунду, и мы перекусим. Ребята, хотите сделать печенье?

— Да! — закричал Келлер, подбрасывая кулачки в воздух.

— И никакого привет любимой тетушке? — спросила я, приподняв бровь.

— Привет, тетушка Кейт! — закричал он, побежав к двери с Гевинном и Сейдж, которые следовали за ним.

Я наблюдала, как Сейдж открыла дверь, оставив ключ висеть в замке, когда зашла внутрь.

— Какого черта происходит? — сказала я, повернувшись к Меган.

— Понятия не имею. Она сказала, что собирается на маникюр и вернется примерно через час. Сейчас прошло почти три, — ответила она в растерянности, обняв себя за талию.

— На нее не похоже.

— Нет, знаю, что нет. — Она поспешила добавить: — Я не злюсь, а беспокоюсь.

Обычно она возвращается до назначенного времени.

— Тетя Кейт, печеньки! — закричал мне Келлер со стороны передней двери.

— Я лучше пойду, — сказала я Меган, смотря через плечо на Келлера, раскачивающего переднюю дверь. — Спасибо большое, что присмотрела за ними.

— Никаких проблем, — ответила с кивком. — Дашь мне знать, когда что-нибудь услышишь?

— Конечно, — сказала я, уже направляясь туда, где моя маленькая мартышка пытался забраться на дверную раму.

— Пойдем устроим беспорядок на кухне! — громко провозгласила я, поднимая Келлера как футбольный мяч, когда он захихикал. Я изо всех сил старалась не паниковать перед детьми, когда мы вытащили ингредиенты из шкафчиков и начали крушить кухню. Я сказала себе, что Рейчел скоро позвонит, но чем больше времени проходило без вестей от нее, тем меньше я верила в это.

Мы не слышали ничего в течение нескольких часов.

Я пыталась позвонить Рейчел, по крайней мере, сто раз, но она не отвечала, и через некоторое время я даже не могла оставить сообщение ей на голосовой почте.

Когда готовила ужин для детей, зазвонил мой телефон, и я почти уронила его в спешке, чтобы ответить.

— Алло? — сказала я, направляясь в прачечную, чтобы было тише. — Алло?

— Могу я, пожалуйста, поговорить с Кэтрин Эванс?

— Я Кэтрин.

— Здравствуйте, это Марджи из медицинского центра Три-Сити. Я звоню насчет Рейчел Андерсон.

Мои колени подогнулись, и я потянулась, чтобы ухватиться за стиральную машину и удержаться на ногах.

— С ней все хорошо?

— Мэм, она попала в аварию.

— Она в порядке? — я слышала, как мой голос становился более настойчивым с каждым словом, и сжала челюсти, чтобы не закричать.

— Вы можете приехать в больницу, мэм?

Голос женщины был неестественно спокоен, и я знала, что бы я ни сказала, она не даст мне прямого ответа. Черт, ее работой было предупреждать людей, что их родственники в больнице. Ей не было дела до того, что я сходила с ума.

— Я... — я осмотрела прачечную в панике. Что мне делать? — Я еду. Скажите ей, что я еду.

— Направляйтесь сразу в отделение реанимации, когда приедете.

— Хорошо.

В минуту, когда она положила трубку, я наклонилась и прижала руки к коленям, пытаюсь взять себя в руки.

С Рейчел все было хорошо. С ребенком тоже. Я раздуваю из мухи слона. Это просто несчастный случай.

— Сейдж! — кричала я, когда быстро проходила по дому. — Присмотри за братьями. Я очень быстро схожу до Меган... я буду снаружи!

От переднего крыльца я начала бежать, и к моменту, когда оказалась у двери Меган, я задыхалась и находилась на грани слез.

— Кейт? Что случилось? — спросила Меган, когда открыла дверь.

— Ты можешь присмотреть за детьми? Я должна уехать... только что звонили из больницы. — Болезненное рыдание вырвалось из моего горла, и я накрыла рукой лицо, чтобы хоть немного взять себя по контроль. — Они сказали, что Рейчел попала в аварию. Мне нужно добраться туда.

— Конечно, милая. Не переживай, — ответила она, даже прежде чем я договорила. — Кaleb, надевай обувь. Мы пойдем к Андерсонам ненадолго!

— Юхуууу! — услышала я откуда-то из задней части дома.

— Ты звонила Шейну? — сказала она, надевая сандалии, стоящие у двери.

— Я даже не подумала, — ответила я, слегка покачав головой. — Он редко здесь. Я и забыла, что он в городе. — Я чувствовала себя дерьмово из-за того, что не позвонила ему, но я настолько привыкла заботиться обо всем, пока его не было, что меня даже не осенило. Я возила Рейчел в больницу, когда она рожала Гевина, заботилась обо всем, когда Келлер сломал руку, и помогла еще с тысячью вещей за последние несколько лет. Я вступала каждый раз, когда он уезжал, и во второй половине дня я не подумала о нем ни на секунду, когда бродила по дому с беспокойством.

— Мы придем через минуту. Уверена, с ней все хорошо, — заверила меня Меган с кивком. — Иди обуейся и дай детям знать, что я приду в гости.

— Я не сказала им... — я покачала головой и посмотрела на свои босые ноги. Я даже не заметила горячий тротуар, когда бежала. Почему я не обулась?

— Давай, — сказала она мягко, отталкивая меня от двери, когда ее ребенок подбежал к нам. — Мы отведем тебя.

Я не уверена, какую причину отъезда придумала для детей, и не помнила поездку до больницы, или где припарковалась. Я не могла вспомнить, как выглядела медсестра, которая искала имя Рейчел в компьютерной системе или дорогу к комнате, где ждала, пока кто-нибудь заговорит со мной.

Первое, что я помню ясно, это доброе лицо седовласого врача, который сел напротив меня, и небольшую улыбку молодого священника, который выбрал стул слева. Их слова стали приговором, который я буду слушать в своих снах еще много лет.

Моя Рейчел умерла, но ее сын жив и находился в отделении реанимации новорожденных.

— Вы хотите, чтобы мы кому-нибудь позвонили? Семья или друзья, которые вы хотели бы, чтобы приехали?

Вопрос вытолкнул меня из тумана, который, казалось, становился все гуще и гуще

вокруг меня. Господи.

— Я позвоню сама, — ответила я, смотря на стену пустым взглядом. — Могу я остаться одна, пожалуйста?

— Конечно, я буду снаружи, если нужен вам, — ответил священник, потянувшись, чтобы похлопать мою руку. — Я отведу вас в реанимацию, когда будете готовы.

Комната погрузилась в тишину после их ухода, и я боролась с желанием закричать во всю силу своих легких, просто чтобы услышать эхо вокруг себя. Тогда я поняла, почему люди нанимали плакальщиков для похорон. Иногда отсутствие звука более болезненное, чем мучительный шум того, как разбивается сердце.

Мои руки дрожали, когда я вытащила телефон из переднего кармана и положила на стол перед собой.

Прошло мгновение, прежде чем гудки наполнили помещение, и я положила голову на руки, когда уставилась на имя на экране.

— Алло? Кейт? Что случилось?

— Шейн... — сказала я тихо, мой голос запнулся.

— Что? Почему ты мне звонишь? — его голос источал замешательство, но я могла слышать небольшую долю паники в настойчивости его слов.

— Мне нужно, чтобы ты приехал в больницу Три-Сити, — ответила я, слезы стекали по моему лицу и опускались на экран передо мной, искажая буквы и цифры.

— Кто? — Он тяжело дышал, и его голос был безумным, я могла слышать, как он куда-то шел.

— Рейчел попала в аварию, — рыдала я, накрыв лицо, чтобы попытаться заглушить шум.

— Нет, — спорил он с отчаянием, когда я услышала, как две двери автомобиля закрылись почти одновременно. — Она в порядке?

Я покачала головой, пытаюсь перевести дыхание.

— Кейт! С ней все хорошо? — кричал он мне, его страдающий голос заполнил комнату, как и мой всего пару минут назад.

— Нет, — ответила я сквозь стиснутые зубы, чувствуя, как сопли текли по моей верхней губе, когда я услышала звук из глубины его горла. — Она умерла.

Он не сказал ни слова, и меньше чем через секунду соединение было разорвано.

Я едва смогла дотянуться через стол за салфеткой, когда прокручивала список контактов, и снова нажала на ВЫЗОВ. Я не закончила.

— Алло! — из-за ее голоса я захныкала в облегчении и в печали.

— Мам? — прохрипела я.

— Кэти?

— Я... я...

— Сделай глубокий вдох, малышка. Затем, расскажи мне, что не так.

— Мне нужно, чтобы вы с тетей Элли приехали сюда, — плакала я, выпрямив спину и стерев слезы с лица. — Я не... я не знаю, что делать.

— Хорошо мы найдем рейс, — сразу же ответила она, как будто прилететь из Портленда в Сан-Диего было как перейти улицу. — Теперь скажи, что случилось.

— Рейчел попала в аварию, — прохрипела я, как будто в моем горле был песок. — Она не выжила, и я переживаю за Шейна.

— Ох, Кэти. Моя сладкая девочка, — сказала она печально. — Мы прилетим первым же

рейсом, хорошо? — его голос зазвучал приглушенно, когда она накрыла телефон и пронзительно закричала моему отцу.

— Я просто не уверена, что мне нужно делать, — призналась я, рыдая. — Шейн еще не здесь, а я не думаю, что смогу увидеть ее, а ребенок в отделении реанимации новорожденных.

— Ребенок в порядке?

— Да, они сказали, что просто держат его под наблюдением. — Я потеряла лоб, пытаюсь убедить саму себя, что это просто ночной кошмар. Что я должна делать? Моя лучшая во всем мире подруга была в этой больнице, но не на самом деле. Я не смогла помочь ей. Какого черт я должна делать?

— Что мне делать, мам?

— Ты должна пойти увидеть своего племянника.

— Что?

— Иди в отделение реанимации и возьми на руки своего племянника, скажи ему, что все будет хорошо, — сказала она мне со слезами в голосе. — Ты полюбишь этого малыша. Где Сейдж и мальчики?

— Они с соседями. С ними все хорошо.

— Замечательно. Это хорошо.

— Да.

— Папа нашел кое-какие рейсы. Я в пути, принцесса, — сказала она мне нежно. — Мы скоро будем. Теперь иди позаботься о нашем новом мальчишке.

— Люблю тебя, мам.

— Я тоже люблю тебя. Мы выезжаем.

Я направилась к отделению реанимации новорожденных так быстро, как могла, и через пару минут уже держала своего нового племянника на руках. Медсестры сказали мне, что он прошел все тесты с блеском, и в благоговении я села в кресло-качалку, прижимая его к груди.

— Ты получил дерьмовое начало, малыш, — прошептала я у его пушистой головы, раскачиваясь взад и вперед. — Мне так жаль, дружок. Ты, вероятно, скучаешь по своей маме и теплому пузырьку, в котором так долго находился, но я помогу тебе здесь.

Я всхлипнула, закрыла глаза, и слезы покатались по моим щекам. Все тело болело, и несмотря на то, что в руках я держала маленького мальчика, день казался каким-то сюрреалистичным сном, туманным в одних частях и кристально ясным в других. Я хотела подскочить и отнести это спящее тельце Рейчел, чтобы пошутить о том, как мужчины всегда спят в самые тяжелые периоды жизни. Хотела увидеть ее гордую улыбку из-за этого крепкого мальчика, которого она произвела на свет, и услышать ее ворчание, что я слишком крепко его держу.

Я хотела, чтобы все было по-другому.

Я тихо напевала с закрытыми глазами долгое время, держала малыша близко к себе. Там где мы сидели было тихо, ничего не нарушало тишину, пока я не услышала, как открылась дверь.

— Вот он, — прошептала медсестра из дверного проема.

Мои глаза открылись, и я увидела Шейна с опустошенным выражением лица в метре от себя. Он выглядел так, будто едва держался. Я тяжело сглотнула, когда его покрасневшие глаза внимательно осматривали сына, затем он посмотрел на меня.

— Он в порядке? — спросил он хрипло, осматривая мое лицо. Я никогда не видела его таким напуганным.

— Да, он идеален, — ответила я, мой голос дрожал от эмоций. — Медсестры сказали, что он рок-звезда.

Он дважды кивнул, затем накрыл рукой, но прежде чем смог сказать хоть слово, споткнулся и упал на колени с почти неслышным рыданием.

Год спустя

— Где мои монстрики? — закричала я, проходя через переднюю дверь.

В доме было тихо, когда я проходила через гостиную, неся ужасно тяжелую коробку с подарком. Я должна была обернуть подарок Ганнера, но не думала, что у меня было время. Мне казалось, что я все время опаздывала в течение последнего года, и это утро не стало другим.

Боже, я не могла поверить, что прошел год со дня смерти Рейчел. Иногда казалось, что буквально вчера мне позвонили из школы Сейдж. А в другое время ощущалось, будто в моей груди всегда была дыра от потери лучшей подруги.

Задняя дверь открылась, когда я достигла ее, почти ударив меня по лицу.

— Оу, эй. Ты здесь, — сказал Шейн рассеянно, когда заводил Келлера внутрь.

— Почему я не должна быть здесь?

— Иди в ванную, дружище, — приказал он, немного подталкивая Келла, прежде чем встретиться со мной взглядом. — Элли здесь. Я думал, ты возьмешь пару дней выходных.

— С каких пор проводить время с детьми стало моей работой? — спросила я решительно, когда Келлер похлопал меня по бедру в знак приветствия, проходя мимо.

Я ненавидела, когда Шейн вел себя так, будто я была гребаной няней. Я не была ею. Я была частью семьи, и почти заменила этим детям мать, которую они потеряли.

— Ты здесь каждый гребаный день, Кейт. Я просто подумал, что ты захочешь день для себя.

Я сильнее сжала кулаки вокруг подарка Ганнера, игнорируя то, как коробка скрипнула в протесте.

— Это день рождения Ганн...

— Я знаю, что это за гребаный день, — прервал Шейн, проходя мимо меня, чтобы вытащить пиво из холодильника.

— Какого хрена с тобой происходит?

— Никакого.

— Послушай, — начала я, смягчив голос. — Я понимаю, сегодня тяжелый...

— Не заканчивай это предложение.

— Шейн...

— Ты не имеешь гребаного понятия. Никакого. Скажешь еще одно слово, и я выпну твою задницу из моего дома.

Это противостояние набирало негативные обороты. Чем ближе была годовщина, тем, казалось, сильнее наэлектризовывался воздух, но я и понятия не имела, что он начнет это во время дня рождения своего сына.

— Она была моей лучшей подругой.

— Она не была твоей женой, — ответил он упрямо.

Я хотела закричать на него. Хотела бросить подарок Ганнера ему в голову. Хотела сказать, что за последние девять лет провела с Рейчел больше времени, чем он, потому что пока он играл в войнушку, я поддерживала ее.

Но я не сказала ничего из этого, потому что это не поможет. У него были искаженные

воспоминания о своей жене и их взаимоотношениях, и теперь, когда она умерла, не будет ничего хорошего, если сказать ему, что он ошибался.

Я повернулась, чтобы выйти на улицу, но сделала только несколько шагов.

— Вечеринка заканчивается в три часа, — крикнул он мне.

— Что?

— Вечеринка заканчивается в три часа.

Он не смотрел на меня, но его намек был понятен.

Мне не будут рады в доме после окончания вечеринки.

— Тетушка Кейт! — закричал Гевин, когда опустился в пластиковый бассейн на заднем дворе.

— Привет, малыш! — крикнула я в ответ, поставив подарок на стол. — Веселишься?

— Плаваю! — закричал он, расплескивая воду вокруг себя.

— Я вижу.

— Привет, тетушка Кейт, — пробормотала Сейдж, обнимая меня за талию.

— Сейдж-Рейдж. Хорошо выглядишь, лапочка.

— Я скучала по тебе, — сказала она тихо, крепче обнимая меня.

— Ты видела меня позавчера, сумасшедшая ты девчушка, — спорила я, сгибая ноги в коленях, чтобы поднять ее на руки. — И твоя бабушка преодолела весь путь из Орегона, чтобы позависать с вами.

— Я не хочу бабушку, — ответила она. — Я хочу тебя.

— Ну, я у тебя есть, — я пошла к лавочке, где сидела моя тетья Элли, и плюхнулась рядом с ней.

Я оглядела двор и поняла, что больше никого не было. Келлер побежал и прыгнул в бассейн к Гевину, расплескав воду, но, за исключением нашей семьи, двор был пустой.

— Где остальные дети?

— Шейн не хотел ничего грандиозного, — пробормотала тетья Элли. — Ганнер уснул примерно двадцать минут назад, поэтому мы ждем, пока он проснется, чтобы поесть торт и подарить подарки.

— Что? Почему он спит в полдень? Он не спит до двух часов дня. — Я быстро начала вставать, но вес, внезапно уснувшей Сейдж, и рука тети, остановили меня.

— Он в порядке, милая, — заверила она меня тихо, ее глаза наполнились пониманием. — Вчера у них был тяжелый день, и Шейн не уложил их спать до полуночи. У них просто немного сбилось расписание, вот и все. — Она кивнула на спящую Сейдж, и я снова устроилась на своем месте.

— Мне стоило прийти вчера, — пробормотала я, потеряв спину девочки. Она была слишком взрослой, чтобы я носила ее на руках, и почти слишком большой, но я не могла перестать это делать. Она нуждалась во мне.

— Ты заслуживаешь отдохнуть денек.

— Я не хочу денек отдыхать, — выплюнула я в раздражении.

Уверена, для внешнего мира мои взаимоотношения с детьми выглядели довольно

странно. Я не была их матерью. Я даже не была их законным родственником. Но я помогала Рейчел и Шейну так долго, что вмешалась после смерти Рейчел, даже не думая.

Первые несколько недель после несчастного случая, моя мама и тетя оставались в Сан-Диего, чтобы помочь нам с Шейном с детьми. Они убеждались, что все накормлены, и всегда кто-то есть с Ганнером в больнице, и в миллионе других вещей, для которых у нас не было энергии. Но они жили в Орегоне, и после их отъезда нам нужно было вернуть детей к обычной жизни.

Обычная жизнь. Я уже была не уверена, что это означало.

В течение нескольких недель Шейн был в отпуске в связи со смертью близкого, и использовал кое-какое накопленное отпускное время еще на неделю после этого, но ему нужно было возвращаться к работе. Он не мог себе позволить валяться на диване и быть уверенным, что с его детьми все хорошо, так как начал покидать дом на целый день.

Поэтому я была здесь.

Я передала несколько своих клиентов другим дизайнерам, которым доверяла, и взялась за жизнь, которая не была моей. Я заботилась о детях, которых любила больше себя, отказавшись от небольшого подобия жизни, которая была у меня прежде, и стала заменой. И я не жалела об этом. Ни на секунду.

Но было время, как вчера: когда Шейн звонил мне сказать, что я не буду нужна, потому что его приемная мама в городе, и я вспоминала, как у меня мало власти, когда дело касалось детей.

Это убивало меня.

— Я отнесу ее в кровать, — внезапно сказал Шейн, оказываясь позади лавки, на которой мы сидели.

— С ней все хорошо и так, — сказала я, не смотря на него. Я ощущала, как моя грудь сжалась, представляя, как, должно быть, проходил вчерашний день. Сейдж бы не уснула под крики своих братьев, если бы не была по-настоящему уставшей.

— Она слишком большая, чтобы ты носила ее...

— Все в порядке.

Тетя Элли посмотрела между нами, нахмурив брови, прежде чем встала.

— Пойду проверю Ганнера.

Я бы хотела, чтобы Шейн ушел, пока мои эмоции были на поверхности, но, конечно, он не сделал этого.

— Извини, что сорвался на тебя, — пробормотал Шейн, усаживаясь на свободное место рядом со мной.

— Ничего страшного.

— Ты здесь часто. Знаю, что у тебя есть своя жизнь...

Я фыркнула, прежде чем смогла остановить себя, перебивая его. У меня едва была жизнь. Я находилась с его женой каждый день, что его не было.

— ... но нам нужно поговорить, — закончил он.

— Насчет чего? — спросила я, и мой желудок перевернулся.

— Моя командировка в зону военных действий приближается, — сказал он тихо, глядя на Сейдж, убедившись, что она еще спит.

— Я думала, ты хотел попытаться отказаться? — зашипела я в ответ в изумлении, посмотрев в сторону и заметив, что Гевин писает в траву. Брр.

— Я не могу, Кэти, — сказал он мягко, от этого давнего выражения привязанности я

затряслась. — Я не могу отправить своих парней без себя.

— Поэтому, вместо этого ты просто оставишь своих детей?

— Ты не понимаешь...

— Нет, не понимаю.

Наконец, я повернулась посмотреть на него, и захотела сбить решительный взгляд на его лице, но у меня не было и шанса сказать что-нибудь еще.

— Смотрите, кто проснулся! — радостно закричала тетя Элли, неся Ганнера. О, боже мой, он вырос за день, что я не видела его? Он выглядит больше.

— Сейдж, просыпайся, малышка, — позвала я, немного потряся ее на своих коленях. — Братик проснулся. Время резать торт.

Она проснулась, дернувшись, именно так она просыпалась последний год, и посмотрела вокруг в замешательстве.

— Время торта, принцесса, — сказал ей Шейн с небольшой улыбкой, поднимаясь на ноги.

Когда мы подошли к столу в патио, я забрала Ганнера у своей тети.

— Посмотри на себя, крепыш, — сказала я тихо, когда он уткнулся лицом мне в шею. — Это твой день рождения.

Он отстранился и улыбнулся мне, отчего мое сердце расколосось.

— Когда прорезался верхний зубик? — спросила я Шейна, повернув голову, увидев, что он пялится на меня.

— Я заметил это прошлым вечером.

— Черт, я пропустила, — прошептала я, улыбаясь Ганнеру. — Посмотри на этот клык, чувачок, ты скоро попросишь стейк.

— Думаю, у нас есть время, прежде чем это произойдет, — пошутил Шейн, обходя меня, положив руку мне на спину, чтобы встать у стола.

Я закрыла глаза на это небольшое прикосновение. Было время, вроде этого: простых разговоров, когда он использовал слова «мы» или «у нас», тогда мне стоило бы закалиться. Как бы я ни любила их, как бы ни заботилась о них — эти дети не были моими. Я должна была помнить это.

Я покинула дом в три, как Шейн и сказал мне.

Я понимала, что у него был тяжелый день, и честно говоря, у меня тоже. Поэтому не хотела находиться в это время с ним.

За последний год между нами образовалось что-то вроде шаткого перемирия. В то время, как Шейн неплохо справлялся с отцовством, он знал свои пределы, и мне нравилось думать, что он понимал, что я была его опорой, пусть и никогда не признавал этого. Я не была няней — наши роли не были так уж просты.

Я приходила, когда он работал, но также оставалась на ночь, когда у Сейдж или Келлера болели животики. Мы ужинали вместе как семья примерно раз в неделю, и несколько раз даже водили детей на целый день в зоопарк или на пляж.

Я знала, что не была его любимым человеком — это стало довольно очевидно, когда

Рейчел еще была жива, а меня полностью игнорировали. Черт, я поняла это еще в тот первый раз, когда привела Рейчел домой, приехав из колледжа, и он ухаживал за ней, делая вид, что меня не существует. Наша, сформировавшаяся еще в детстве, дружба ухудшилась без моего ведома, я осталась с незнакомцем, который в итоге женился на моей лучшей подруге.

Но за прошедший год мы стали своего рода партнерами, заботясь о детях, и я поняла, что, вероятно, сейчас то самое близкое к дружбе общение, которое могло между нами быть.

Я боялась того дня, когда он найдет кого-то, ведь это когда-нибудь случится. Пройдут годы, и он захочет того, с кем сможет провести остаток жизни, и я знала, что как только придет этот день, я больше не буду нужна.

Я покачала головой и стянула джинсы. Я хотела быть в доме с детьми, но заставила себя думать какими нервными и уставшими они, вероятно, были. Они будут в порядке с Шейном и моей тетей. Мне просто нужно научиться немного проще к этому относиться.

Несколько часов спустя, когда я обжиралась под эпизод «Вызовите акушерку» по Netflix, мой телефон зазвонил рядом со мной на кровати.

— Алло? — ответила я, жуя большой кусок шоколадки.

— Привет, сис, — сказала моя тетя со смешком. Мне нравилось, когда моя семья называла меня «сис». Это напоминало мне о времени, когда я была ребенком, и жизнь была гораздо проще.

— Эй, как детишки?

— Они спят, — ответила она со вздохом. — А я вымотана.

— Держу пари. Где Шейн?

— Ну, вот поэтому я и звоню.

Я села в кровати и стряхнула шоколадные крошки с груди.

— Что происходит?

— Он ушел, Кэти, и я не уверена куда.

— Он большой мальчик, тетя Элли. Уверена, с ним все хорошо.

— Нет-нет, я понимаю это, — ответила она, прежде чем затихла. Я могла отчетливо представить ее образ: как она покусывает кутикулу на ногтях, делая так каждый раз, когда волнуется.

— Что ты хочешь от меня? — спросила я, наконец, вставая и подбирая штаны с пола.

— Ты знаешь, где он? — спросила она. — Он сказал, что не вернется до утра.

Дерьмо.

— У меня есть мысль, — пробормотала я, ставя телефон на громкую связь, чтобы напаять лифчик. — Я попробую найти его и перезвоню.

— Ты уверена?

— Разве не из-за этого ты звонила мне?

— Ну... да.

— Тогда, да. Если ты беспокоишься, я проверю его.

Мы повесили трубки несколько минут спустя, и я была на пути в центр города вскоре после этого. У меня было подозрение, где он может быть, и чем ближе я подъезжала к гостинице, тем больше нервничала.

У Рейчел и Шейна была глупая традиция после каждого его боевого задания встречаться в гостинице в центре города. Прежде чем они включались в повседневную жизнь с детьми и счетами, и выносом мусора, они выделяли одну ночь для себя. И каждый год я сидела с детьми, пока они встречались здесь и занимались сексом, не боясь, что их

потревожат.

После первого раза, когда это случилось, и Рейчел вернулась домой, хвастаясь об этом, меня затошнило. Я знала, что у них был секс. Они были женаты, и уже была Сейдж, но знать об этом и слышать детали — две совершенно разные вещи. И это был первый раз, когда я была благодарна тому, что Рейчел игнорировала меня, пока Шейн был дома.

Мне нужно было ясно мыслить. Они были женаты. Женаты. А я была просто лучшей подругой его жены. Сначала он мог быть моим другом, но к тому времени это определенно уже было не так. Я не имела права ничего чувствовать из-за их секс-вечеринок, и было нелепо, что я все-таки что-то чувствовала.

Я преодолела свою ревность и боль годы назад, но, припарковавшись в гараже их гостиницы, мне снова стало плохо. Я не принадлежала этому месту, и мне так отчаянно хотелось развернуться и поехать домой.

Я узнала номер комнаты Шейна на ресепшене — не очень безопасно, когда раздают такую информацию — и направилась к лифту.

Он взбесится. Я не сомневалась.

— Какого хрена ты тут делаешь? — прорычал Шейн, когда распахнул дверь, в которую я стучала добрых пять минут. Я ехала весь этот путь сюда не для того, чтобы он игнорировал меня.

— Я была по соседству... — ответила я, снова превратившись в неуклюжего подростка, от поведения которого пыталась избавиться годами.

— С детьми все хорошо? — спросил он, проходя по комнате и наливая что-то похожее на «Джек Дэниелс» в одну из кофейных чашек гостиницы.

— Тетя Элли сказала, что они уже спят.

— Она звонила тебе?

— Да.

— Я сказал ей, что буду дома утром.

— Она переживает.

— Как видишь, я в порядке.

— Я бы не делала поспешных выводов, — ответила я, наконец, входя в комнату и позволив двери за мной закрыться. — Хочешь поделиться? — спросила, кивая на бутылку на столе.

— Не особенно.

— Поделишься?

— Наверное.

Я села на край кровати, когда он наполнил чашку виски и для меня, и кивнула в знак благодарности, когда он передал ее мне. Дерьмо. Я ненавидела запах виски. После того, как мы с Рейчел попробовали низкопробный виски на своей первой вечеринке в колледже, я нюхала его и вспоминала об окрашенной виски рвотой, что выходила из моего носа.

— Ты не мог разориться на что-то покачественней? — спросила я, делая маленький глоток.

Его пораженный смех заставил меня улыбнуться, но я не смотрела на него, когда он приземлился на кровать рядом со мной, слегка подпрыгнув.

— Полагаю, это не имеет значения, когда я просто хочу упиться в хлам.

— Это твой план на ночь? — спросила я, смотря на почти пустую бутылку, когда мои конечности начали согреваться. Дерьмо, прошло слишком много времени с тех пор, как у меня было опьянение, напоминающее эйфорию.

— Напиться в хлам, подрочить и уснуть, — объявил он, ухмыляясь, когда я стрельнула в него взглядом. — Оу, посмотри на себя. Все еще краснеешь от упоминания мастурбации.

— Ты пьян, — выпалила я, допивая свой виски и подскакивая на ноги. Я не собиралась говорить с ним о мастурбации, ради всего святого.

— В этом и был план, — сказал он лениво, когда я споткнулась немного, хватая свою сумку. — Я налил тебе три шота, Кэти. Ты не поведешь машину. — Без предупреждения он выхватил сумку из моих рук и бросил ее через комнату.

— Не бросай мои вещи! Ты, вероятно, сломал мой телефон, мудака! — слова ощущались тяжелыми в моем рту, и я сразу же пожалела, что пила.

Я не хотела оставаться пьяной в номере с таким же пьяным Шейном. Я любила всех, когда была пьяна — я знала это в себе. Я становилась эмоциональной, и на поверхность всплывало все, что пыталась подавить с тех пор, как потеряла свою лучшую подругу с первого курса колледжа. Может в гостинице был еще один номер, чтобы я могла его снять, и что полностью уничтожит весь мой бюджет на еду на следующую неделю. Так как я потеряла клиентов, чтобы следить за детьми, то была стеснена в наличных.

— Ты никуда не поедешь. Не глупи, — проворчал Шейн, хватая меня за руку, когда я пыталась взять сумку.

— Ты глупый!

— Повзрослей, Кэти.

— Не называй меня «Кэти»! Только мои друзья называют меня так, а ты не мой друг, — спорила я, пытаюсь пройти мимо него.

— Мы должны быть друзьями, — сказал он тихо мне в ухо, когда схватил меня сзади и скрестил мои руки на груди.

— Мы были друзьями, пока ты не выбросил меня как мусор! — крикнула я, пиная его по ногам.

— Перестань, бл*дь, бить меня!

— Отпусти!

Мы боролись за лидерство, спотыкаясь по комнате, и если бы мой разум был немного яснее, я бы остановила то, что происходило. Но я была растеряна и зла, и пьяна, и тогда борьба с ним казалась полностью рациональным решением.

— Ты пьяна! — закричал он, наконец, прижимая меня к кровати, расположив мои руки над головой. — Ты не сядешь в гребаную машину!

— Ты не можешь указывать мне!

— С хрена ли не могу?!

— Пошел ты!

— Что?

— Слезь с меня! — я дергала бедрами и тянула руки, но все было бесполезно. Даже будучи пьяным Шейн все еще был в несколько раз сильнее.

— Я просто хотел спокойно напиться, — сказал он, наклонившись, пока мы не

оказались нос к носу. — Почему тебе всегда надо вмешиваться, как Флоренс гребаной Найтингейл? А?

— Почему тебе всегда нужно быть таким мудаком и тем, кого нужно спасать? — закричала я в ответ. Мы оба тяжело дышали, и я чувствовала, что вспотела из-за нашей борьбы.

— Мне не нужно, чтобы ты спасала меня. Мне это на хрен никогда не было нужно, — зарычал он, его глаза осматривали мое лицо. — Ты никогда этого не понимала. Ты просто продолжала давить.

Ком формировался в моем горле, когда думала о нашем прошлом, и я отвернула голову в сторону. Слезы скопились в уголках глаз, и я не могла остановить их, пока они стекали по щекам.

— Пошел ты, — прошептала я, мое тело, наконец, обмякло. — Пошел ты, Шейн.

— Не смей, бл*дь, плакать, — приказал он, его руки ужесточили хватку на моих запястьях. — Не надо.

Я проигнорировала его, держа глаза закрытыми, когда ощущала его тяжело дыхание на себе. Я была так смущена, что хотела просто исчезнуть.

— Перестань! — закричал он, толкаясь коленями в матрас, как будто если встряхнет меня, это как-то остановит рыдания, рвущиеся из горла.

Он отпустил мою руку, но я позволила ей безжизненно лежать над моей головой, тогда он обхватил мой подбородок твердой хваткой и повернул мое лицо к себе. Может, если я проигнорировала бы его, он бы потерял интерес к этой борьбе.

— Когда ты плачешь, твои губы опухают, — прошептал он. Из-за чего мои глаза, наконец, распахнулись в удивлении.

Он был так близко, отчего мое дыхание застряло в горле, когда он уставился на мои губы.

Затем его рот был на моем.

— Давишь, всегда чертовски давишь, — бормотал он у моего рта, прежде чем всосал нижнюю губу между своими и прикусил зубами, отчего я хныкнула.

Он потянул мою губу зубами, и мое тело возбудилось в ответ.

— Что ты делаешь? — спросила я, приподнимая брови.

— Бл*дь, если бы я знал.

Мы молча смотрели друг на друга. Где-то на задворках разума я понимала, что это была плохая идея, но это не остановило меня от того, чтобы поднять голову и прикусить его подбородок в отместку.

— Жестче, — приказал он, застонав, когда обхватил мой затылок и придавил рот к своему горлу. — Кусай жестче.

Я следовала его инструкциям, покусывая и засасывая его кожу на шее, как будто это была моя работа, и его руки дрожали, когда одной он прижимал меня к себе, а другой скользил по моему горлу, срывая лямку лифчика и обнажая плечо. На вкус он был соленым, а мой язык царапался о щетину на его подбородке.

— Иисус, — Шейн застонал, когда откинулся на колени и посмотрел на мою грудь, что была выставлена напоказ. — Твой сосок проколот.

Он вытянул руку и щелкнул колечко в моей груди, мои бедра мгновенно дернулись на кровати, тогда он стянул и вторую лямку, чтобы полностью видеть мою грудь.

Его руки оказались на мне, пощипывая и потягивая мои соски, пока я извивалась под

ним. Его ноздри раздувались, а челюсти напряглись, когда я потянулась к его спортивным шортами и стянула их, ощущая его твердую эрекцию через шелковую ткань.

Мгновенно он встал с постели, и, когда я задумалась, что он хочет покинуть меня, он вернулся и встал на колени полностью обнаженный, кроме армейских жетонов у него на шее.

Я протянула к нему руки, но он перехватил их, прижимая к груди, обхватив мою талию. У меня заняло секунду понять, что он делает, но в минуту, когда его кожа коснулась моей, я не могла удержать тихий стон.

— Держи меня так, — пробормотал Шейн, смотря на то место, где его член расположился между моими грудями. — Сжимай меня крепче.

Я ошалело кивнула, когда зажимала его между своими грудями, пока он скользил вверх и вниз. Его пальцы нашли мои соски и мучили их, пока он двигался, дошло до того, что я была настолько сексуально не удовлетворена, что отпустила одну грудь и потянулась к поясу своих штанов.

Мне казалось, что мое лицо в огне, а голова затуманена, когда я пыталась вытянуть руку между бедрами Шейна. Мои руки были недостаточно длинными, но мне нужно было добраться до своего клитора. Я знала, что потребуется всего секунда, прежде чем я взорвусь как фейерверки на Четвертое июля, и затем осознала, что он мог вернуться к тому, что делал.

Когда двигалась, я не думала, что моя рука проскользнет по его яйцам и внутренней поверхности бедер, но услышав пораженный крик и затем стон, я задержала руку на полпути к своей цели.

— Перестань, — сказал Шейн, соскальзывая с меня.

— Я, правда, начинаю уставать от этого гребаного слова, — ответила я. Мои глаза налились свинцом.

Он перевернул меня на живот, как мешок с картошкой, и мое дыхание участилось, когда он забрался на меня сверху и потянул мои бедра от кровати.

— Гребаные спортивные штаны, — проворчал он, сжимая мою задницу обеими руками, когда я привстала на локти.

— Леггинсы.

— Спасибо господу за леггинсы.

— Уверена, что бог не был их дизайнером.

— Я чертовски уверен, что был, — ответил он, доказывая свою точку зрения, потянув из вниз быстрым рывком. Его руки оказались у меня между ног сзади, а я изогнула спину, когда его палец скользнул по моей коже.

— Такая обнаженная и гладкая, — прошептал Шейн загадочно, склонившись над моим телом, пока его грудь не прижалась к моей спине. — А что это?

Его пальцы нашли мой пирсинг клитора, я замерла в ожидании, что он будет делать. Один палец нежно играл с пирсингом, пока мое дыхание учащалось, и я была настолько сфокусирована на этом ощущении, что не заметила, как он расположился сзади, пока не толкнулся в меня.

Я думала, что могу закричать, когда он остановился на полпути, но в моих ушах так громко звенело, что я была не уверена. Не то чтобы меня это волновало.

— Держись, — сурово приказал Шейн, подталкивая мою руку запястьем, рукой которой держал мою голову. — Используй свои ногти.

Я схватила его запястье так, как он и сказал, и отвернула голову, чтобы потянуть его кожу между зубами, из-за чего он закричал надо мной и увеличил свои толчки. Он крутил бедрами, его вторая рука судорожно двигалась на моих бедрах, клиторе, заднице, прижимаясь и щипая, пока он толкался все дальше и дальше. Это был мой самый интенсивный секс, и к тому моменту как он излился в меня, мы оба были в поту, а оргазм волнами отходил от моего тела.

Я не помнила ничего после этого.

«Просыпайся».

Голос в моей голове был более знакомым, чем мой собственный, и на моих губах растянулась небольшая улыбка, когда я парил в состоянии между сном и бодрствованием. Что-то пищало и тихо звонило в комнате, но я проигнорировал, скользя голыми ногами по простыне и прижав крепче спину с нежной кожей к своей груди.

Я поднял руку с кровати и провел по нежной коже ее живота, наконец, достигнув нижнего изгиба груди. Грудь была полнее, чем ожидал, и я застонал, погрузив пальцы в ее кожу. Она беременна, вспомнил я смутно. В моей голове стучало. Ее грудь всегда больше, когда она беременна.

Когда мои кончики пальцев, наконец, достигли ее сосков, я нащупал там что-то твердое и холодное, и когда она вздохнула и потерлась бедрами о мой утренний стояк, мир рухнул вокруг меня. Женщина в моих объятиях не была моей женой.

Мой желудок сделал сальто, когда я подпрыгнул с кровати и, едва оказавшись на ногах, сразу же встал с другой стороны. Я узнал эту комнату. Я был здесь сотни раз, но у меня заняло мгновение, прежде чем воспоминания о прошлой ночи наполнили мою голову.

— О, боже мой, — прошептала Кейт, свернувшись в клубочек на месте, где спокойно спала за минуту до этого. — О, боже мой.

Я уставился на изгиб ее спины, как идиот, пытаюсь понять: какого хрена я должен делать? В этот момент ее голова медленно повернулась, и взгляд встретился с моим.

— Нет, — прошептала она, зажмуривая глаза еще крепче. — Ох, черт.

Я молчал. Стоял на месте, полностью голый, и пустым взглядом пялился на женщину в кровати.

Кейт натянула одеяло и села. Ее плечи были настолько сгорблены, что я мог видеть выпирающую через кожу ключицу. Ее глаза лихорадочно перемещались по комнате, и без предупреждения она подскочила с кровати и упала на колени. Без задней мысли я подошел к ней, но резкий звук, который она издала, остановил меня на полпути.

Должно быть, я все еще был пьян с прошлого вечера, потому что не мог ясно мыслить. Я не мог разобраться, как мы дошли до такого. Я помнил, как скользил в нее; то, как ее тело напрягалось и то, что на вкус она была соленой, когда я всасывал ее кожу, но я не мог вспомнить, как мы оказались вместе в этом гостиничном номере.

— Что ты здесь делаешь, Кэти? — спросил хриплым голосом. Мне казалось, что я проглотил гравий вместе с половиной бутылки «Джека».

— Я пришла проверить тебя, — ответила она. Ее голос повысился, когда она говорила.

И тут на меня нахлынули воспоминания: сцены, которые, как мне казалось, будут выжжены в моей памяти всю жизнь. Моя кожа горела и покалывала, когда я вспомнил, как увидел ее в дверях, и в этот момент ярость поглотила меня.

— Ты пришла сюда, проверить меня? — спросил резко, найдя на полу свои боксеры и быстро натягивая их по ногам. — И что потом? Решила, что я должен отплатить тебе своим членом?

— Что? — спросила она, ее голос был едва слышным шепотом.

— Давай будем честными, Кейт, — сказал я непринужденно. — Я был в задницу пьяным, и ты подумала: «Эй, я пускала слюни на его член годами, а когда он пьян, то не так

уж разборчив». 1:0 в твою пользу!

— Это не...

— Верно, — перебил я, найдя свои шорты и натянув их, когда стоял как статуя посередине комнаты. — Ты знаешь, — надел футболку через голову, — если бы я был цыпочкой, ты бы отправилась за решетку.

— Я бы отправилась за решетку?

— Ты знала, что я не трахну тебя трезвым, поэтому дождалась, пока я буду пьяным в стельку, и получила то, что хотела. — Я покачал головой, когда поднял ключи и бумажник со стола. — Сейчас тебе лучше, Кэти? Все было так, как ты себе представляла? Я не разочаровал?

Она начала дрожать, когда я направился к ней, остановившись в полуметре.

— Я не хотел тебя никогда и не хочу сейчас, — сказал я, отстранено наблюдая, как ее грудь вздымалась безмолвными рыданиями. Она уставилась на мою грудную клетку, отказываясь смотреть в глаза, что бесило меня еще больше. — Трах с тобой был паршивым, Кейт. Я бы не хотел вернуть ни секунды.

Я сделал шаг назад и стиснул челюсти, когда она упала на колени, и ее начало рвать. Ее рыдания больше не были молчаливыми, а раздавались эхом по всей комнате.

Она натворила это. Она пришла в номер гостиницы, который я привык делить со своей женой, в годовщину ее смерти и трахнула меня, пока я был пьяным и не соображал, что творю. Во мне смешались чувство вины, стыда и гнева, и в этот момент я был готов выбросить ее из окна.

— Убери за собой, — сказал я, когда переступил ее беспорядок. — Я не собираюсь платить им за чистку ковра.

Я заметил пару грязных кружек на ее стороне кровати, когда проходил мимо, и смутно вспомнил, что пили мы оба, но я не остановился. Пошла она.

Мне нужно было убираться отсюда. Мне нужно уйти как можно дальше от этого гостиничного номера и женщины, находящейся в нем. Я пришел сюда, чтобы вспомнить о жене. Я хотел одну ночь, чтобы погрузиться в страдания и воспоминания. Я хотел вспомнить ее улыбку, и то, как она смотрела на меня, и то, как казалось, мы двигались как единое целое. Я хотел одну ночь, когда мне не нужно было держать себя в руках, потому что четыре пары маленьких глаз постоянно наблюдали за мной. Я хотел напиться и побыть несчастным, и ненавидеть весь мир за то, что стал вдовцом в двадцать девять лет.

Вместо этого я совершил огромную ошибку, и все, о чем мог думать — это как Кейт извивалась подо мной. То, как ее спина изгибалась, когда я прижимался к ней сзади. Моя кожа на горле и плечах, которую она кусала и сосала, болела. Я не мог перестать думать о том, как оставил ее на полу гостиничного номера, напуганную и блюющую и, несомненно, воспаленную в самых интимных местах из-за того, что мы делали пошлой ночью.

Я ненавидел себя, ненавидел Кейт, и понятия не имел, как снова смогу посмотреть ей в глаза без желания выбраться из своей собственной кожи.

Она использовала меня, но, когда я зарулил на свою подъездную дорожку и опустил солнцезащитный щиток, увидел на своей руке отметины от ее рта, и понял, что поступил еще хуже.

— Ты уверена, что не хочешь, чтобы мы подбросили тебя до аэропорта? — спросил я свою приемную маму, когда она целовала детей на прощание. Она хорошо ладила с ними, но еще до того, как родилась Сейдж, я знал, что так и будет. Та, кто берет к себе в дом проблемного подростка, чтобы дать ему лучший шанс на жизнь, и при этом никогда не повышает на него голос, когда он ведет себя как полный придурок, является самой лучшей бабушкой для детей, какую только можно пожелать.

— Нет никакой надобности тащить детей до аэропорта, просто чтобы высадить меня, а затем везти их обратно, — заверила она меня, улыбнувшись Ганнеру, которого держала на руках. — Кейт отвезет меня. В любом случае у нее встреча в центре города.

— В воскресенье? — Мой желудок сжался, когда Кейт заехала на подъездную дорожку, и я ждал, пока она выйдет поздороваться с детьми. Я не видел ее с тех пор, как оставил в гостиничном номере неделю ранее, и боялся момента, когда нам снова придется взаимодействовать. Я не знал, как извиниться, когда все еще был зол из-за ее роли в этом «бардаке».

— Ну, она проводит время с детьми всю неделю, — сказала Элли, и я оторвал взгляд от машины Кейт. Она все еще не вылезла. — Ей нужно когда-то заниматься делами, и у нее займет часы добраться туда, если она будет ждать, когда ты вернешься с работы вечером. Движение здесь ужасное.

— Спасибо, что приехала, — пробормотал я в волосы Элли, когда она обняла меня. — Мы любим, когда ты приезжаешь.

— В следующий раз возьму с собой отца, — сказала она, крепко сжимая меня, прежде чем обвязала тонкий шарфик вокруг горла. — Куплю билеты, как только доберусь домой.

— Что делает тетушка Кейт? — спросила Сейдж в раздражении, помахав руками в сторону машины Кейт.

— Думаю, разговаривает по телефону, — солгала Элли, посмотрев на меня, прежде чем взялась за ручку своего маленького чемодана. — Я отнесу его сама, так как тебе нужно подержать Ганнера.

На ее лице было сочувствие и озадаченность, пока она целовала меня в щеку, но я не ответил, и она отошла от передней двери. Когда я вернулся домой тем утром, она поняла, что между нами с Кейт что-то произошло. Кейт не перезвонила ей тем вечером, и у Элли появились догадки, но она почти проглотила язык, когда увидела мою шею.

Она не сказала ни слова, но она знала.

— Я рад, что бабуля уезжает, — объявил Келлер, раскачиваясь на двери, пока Кейт отъезжала от дома.

— Келл, так говорить не хорошо.

— Теперь мы сможем видеть тетушку Кейт каждый день. Мне нравится, когда мы видим ее каждый день, — объяснил он, схватившись за дверные ручки с двух сторон и потянув ноги вверх, чтобы повиснуть вниз головой. — Хотя я не люблю, когда ты уезжаешь, папочка. Хоть мы и не видим тетушку Кейт в это время, — заверил он меня быстро, нахмутив свое перевернутое лицо. — Я люблю, когда ты дома.

Я понятия не имел, о чем он говорил, но все равно кивнул.

— Я тоже люблю быть дома, приятель.

— Тетушка Кейт вернется завтра? — спросила Сейдж, специально толкая Гевина на Келлера, чтобы они упали на крыльцо. — Я хочу, чтобы она отвезла меня в школу.

— Да, принцесса. Она придет, — ответил я, молча молясь, чтобы я не ошибался. — Пойдемте внутрь, и вы сможете полепить из пластилина. Ганнеру нужно поспать.

Впереди долгий день.

Я проснулся с ощущением тревоги следующим утром за час до того, как должен был зазвонить мой будильник. Я плохо спал последние дни, а сегодняшней ночью еще хуже.

После смерти Рейчел, я занимал себя делами, чтобы пережить день. С работой, делами по дому и детьми у меня едва было время дышать, не то чтобы делать что-то еще, и я был благодарен за это. Мне хотелось оставаться как можно больше занятым.

Поначалу, чему я не был удивлен, мое сексуальное желание отсутствовало. Откровенно говоря, секс не был в списке моих приоритетов, и я не скучал по нему. Но через несколько месяцев жизнь начала возвращаться в прежнее русло, и у меня появились безумные эротические сны. Желание вернулось, но я был более чем счастлив использовать свою руку. Я не мог представить, что прикоснусь к женщине, которая не Рейчел, и не думал, что это изменится в ближайшее время.

Затем я облажался, и всю прошлую неделю сценарии моих снов были не такими, как раньше. Соски, которые я пробовал, были проколоты, а женщина со мной была не блондинкой. Она была брюнеткой. Я не то чтобы не мог представить, что касаюсь кого-то другого, кроме своей жены, просто я помнил это в ярких деталях.

Я подорвался с кровати и выдернул шнур часов из стены, вместо того, чтобы просто выключить будильник, так как был уже слишком взвинченный. Я был в душе через минуту и стиснул зубы, чтобы подавить желание подрочить на женщину, которую увижу меньше, чем через час. Впервые за неделю не казалось правильным фантазировать о Кейт, и из-за того факта, что я пришел к этому понимаю только на восьмой день, я чувствовал себя полным придурком.

Я не хотел ее. Даже если бы она не была лучшей подругой моей жены и не была связана со мной большим количеством нитей, чем может быть в паутине, я бы все еще не хотел ее. Она не была моим типом. Я любил стройных женщин, которые всегда выглядели хорошо, не важно, чем занимались. Я не был увлечен женщинами с округлыми формами, которые носили майки и леггинсы, как будто это была их лучшая одежда.

Так почему я не мог перестать думать о том, как она ощущалась подо мной? Почему я не мог перестать представлять проколотые соски и растрепанные волосы, когда она смотрела на меня расфокусированным взглядом?

Это чертовски бесило.

После всего сказанного мной, я знал, что она ненавидит меня, поэтому не был уверен, почему вообще переживал об этом. Мне нужно взять себя под контроль, прежде чем я ее увижу. Мне нужно подавить злость и чувство вины, что все еще давили на меня. Мне нужно прояснить ситуацию.

Потому что если я этого не сделаю, то могут пострадать дети. Я не думал, что Кейт

откажется от них, не то чтобы мы так хорошо ладили до этого, но я не мог быть полностью уверен.

Поэтому, когда она тихо пробралась в дом тем утром, я пил кофе и ждал ее на диване.

— Я не был уверен, что ты придешь, — сказал я тихо, помня, что дети спят наверху.

Она дернулась в удивлении и повернулась ко мне.

— Иисус, Шейн, ты, блин, напугал меня.

Я ничего не сказал. Я был слишком занят, пялясь на нее. У меня была мысль, естественно глупая, что она приоденется для нашей следующей встречи. Когда я посмотрел на ее треники, шлепки и толстовку на замке, то назвал себя идиотом. Как будто бы она действительно на что-то надеялась, после всего сказанного мной.

— Ты должен работать, верно? — спросила она, оставаясь ближе к двери.

Я задумался, пыталась ли она держаться от меня как можно дальше или хочет совершить быстрый побег.

— Да, я должен быть там в семь, — я, наконец, кивнул, смотря на ее лицо.

Она не смотрела на меня.

— Ну, похоже, что я должна приглядеть за детьми. — Ее слова были небрежными, но она по-прежнему не отошла от двери.

Я сжал руку вокруг чашки с кофе, когда, казалось, напряжение в комнате запульсировало между нами. Мне нужно было столько всего сказать, но, смотря, как она съежилась у двери, все слова вылетело из моей головы.

Она сделала шаг назад, когда я встал, и нервно сглотнул, когда ее спина ударилась об дверь.

— Я все еще хочу, чтобы ты присматривала за детьми... — начал я, и, наконец, наши взгляды встретились.

— А почему ты должен не хотеть? — перебила она меня с паникой в голосе.

— Нет, не должен. — Я покачал головой. Все шло не по сценарию. — Я просто говорю, на случай, если ты переживала, что не сможешь проводить время с детьми.

Я мог слышать ее тяжелое дыхание в тихой комнате, и на секунду задумался, нет ли у нее приступа панической атаки. Ее лицо побледнело, и она немного покачнулась.

— Я не переживала, — прошептала она, ее глаза были широко распахнуты и напуганы. — Я не думаю...

— Послушай, я знаю, что ты не сделала это злонамеренно...

— Что, прости?

— ... и я не должен был вывалить все дерьмо на тебя. Твоя помощь с детьми огромная, и я знаю, что ты, вероятно, не планировала это.

— Я не планировала это, — прошептала она мягко.

— Поэтому хочу сказать, что я с радостью забуду об этом. Давай вернем все, как было прежде. Без лишних драм. — Я кивнул, радуясь, что, наконец, смог сказать то, что хотел.

— Хочешь сказать, что я прощена? — спросила она, снова глядя поверх моего плеча.

Я сделал паузу, что-то в ее голосе заставило меня поставить под вопрос весь наш разговор. Я вроде все сказал, не так ли? Я все еще хотел, чтобы она сидела с детьми, и знал, что она не хотела быть сукой, и просто хотел двигаться дальше... Да, я все сказал.

— Да, Кэти, ты прощена, — ответил я, чувствуя облегчение, что разговор окончен. Все может вернуться на свои места. Она останется, и мне не придется беспокоиться, что у моих детей будет очередная разрушительная потеря так скоро после смерти их матери.

Она кивнула и развернулась, прежде чем направилась к лестнице.

— Я пойду наверх и прилягу на полу у Сейдж на часик, прежде чем она проснется, — сказал она спиной ко мне. — И, Шейн?

— Да?

— Пожалуйста, не называй меня Кэти.

— Ублюдочный супердонор спермы из Огайо! — сердито кричала я, тряся в руке маленькую палочку, как будто от этого изменится результат. Я даже не была уверена, что говорила, но слова легко соскальзывали с моего языка, а мне хотелось ругаться.

Я, бл*дь, была беременна, и я не знала, кто бесил меня больше: Шейн, из-за его достаточного количества сперматозоидов или врач, который, должно быть, неправильно поставил мне укол противозачаточного.

Почему? Почему я оказываюсь в самом неловком положении при любой возможности? Я все время врзалась во что-то или говорила что-то, когда не должна, или открывала дверь во время месячных в трусах и майке службе доставки, которую использовала, чтобы отправить документы своим клиентам. А на этот раз я так чертовски облажалась, что даже не могла сфокусироваться на масштабе последствий из-за положительного теста на беременность.

О, нет. Единственное, о чем я могла думать, что мне нужно было как-то сказать Шейну: «Помнишь, когда я воспользовалась тобой в твоём неадекватном состоянии? Ну, я так же украла твою сперму. Я беременна!»

Прошло два месяца с того инцидента, который никогда не должны были вспоминать, и все вроде как устаканилось в моей рутине у Андерсонов. Шейн снова начал полностью меня игнорировать, отчего я испытала облегчение, и снова перестала волноваться, что однажды приду, а новая няня выпроводит меня из дома.

Ганнер, наконец, пошел. Со следующей недели Сейдж начнет брать уроки танцев. Келлеру наложили швы вдоль линии роста волос, после того, как он ударился о перила крыльца. Гевин покакал в унитаз дважды за неделю! Успех!

Какого черта я собиралась делать?

Со злостью бросила тест в мусорку и помчалась в спальню-гостиную-обеденную комнату, затем тут же развернулась и выудила его обратно, аккуратно положив на край стойки ванной. Ну и что, что я писала на него, подумаешь. Это все еще было доказательством, первым очевидным доказательством существования моего ребенка.

Мой ребенок. Боже, у меня были такие проблемы.

Я быстро оделась и схватила свою сумку с пола, засунув в нее ноутбук прежде, чем вышла за дверь. Обычно я не брала с собой МАС, когда проводила время с детьми, потому что они могли что-нибудь на него пролить, но сегодня я знала, что не обойдусь без него. Мне нужно поискать информацию. Мне нужен план.

Мой желудок перевернулся, когда я залезла в машину и сглотнула слишком много выделенной слюны. Я не хотела, чтобы меня снова вырвало. Меня уже стошнило куриным чоу-мейн, который я ела прошлым вечером, и сэндвичем с желе и арахисовым маслом со вчерашнего обеда, а также хлопьями, съеденными на завтрак. У меня не осталось времени избавиться и от воды, выпитой этим утром, я уже и так опаздывала из-за глупого теста.

Две минуты спустя, заехав на подъездную дорожку дома Шейна, я выскочила из машины. Мне потребовалась секунда, чтобы собраться с силами у капота. Хорошо, никаких быстрых движений, пока один из детей не сломает руку. Верно. Мне нужно не слишком усердствовать.

Я еще не дошла до двери, как Шейн вышел на улицу и прошел мимо меня к своему

грузовику.

— Ты опоздала, — сказал он через плечо.

— У меня была непредвиденная ситуация.

Он резко остановился на моих словах и повернулся, его глаза осмотрели мое тело.

— С тобой все хорошо?

— Да, я просто...

— Я опаздываю на работу, — перебил он, разворачиваясь. — Нам нужно поговорить, когда я вернусь.

— Еще как, — пробурчала я, когда он забрался в грузовик и уехал.

Дерьмо, я устала. Последние две ночи я просыпалась, когда меня тошнило, и из-за недостатка сна чувствовала себя так, будто все время нахожусь в тумане. Я была из тех людей, которым нужно спать по восемь часов, а за последние дни я получала все меньше и меньше сна.

Со стоном я завалилась на диван и накрылась покрывалом. Я просто хотела немного отдохнуть, прежде чем идти будить Сейдж в школу.

— Тетушка Кейт! Тетушка Кейт, просыпайся. Время ехать в школу, — тихо звала Сейдж, тряся меня за плечо.

— Дерьмо! — я проснулась и резко села.

— Дерьмо! — закричал Гевин через комнату.

— Дерьмо! — Ганнер повторил за ним.

— Не говорите слово «дерьмо»!

— Дерьмо.

— Дерьмо.

— Мы опаздываем? — спросила я Сейдж, когда скользнула ногами в шлепки.

— Нет, но нам нужно выехать прямо сейчас, — ответила она решительно, уже направляясь к двери.

— Подожди! Где Келлер?

— Думаю, он все еще спит!

Я побежала по лестнице, мой желудок мутило так сильно, что пришлось остановиться и перевести дыхание.

— Келл, подъем, дружище, — звала я, когда поднимала его. — Нам нужно отвезти твою сестренку в школу.

Он проснулся, когда мы спускались по лестнице, и я позволила ему идти босиком по дому, пока несла Ганнера. У нас не было времени на такие глупости, как обувь или все более вонючий памперс Ганнера.

— Все на свои места! — закричала я, когда подняла Гевина на его место одной рукой. — Обойди с другой стороны, Келлер!

Все дети забрались в машину, Келлер вскарабкался по заднему сиденью, чтобы добраться до своего места в третьем ряду. Боже, я была так рада, что поменяла свою маленькую машину на что-то по типу внедорожника в прошлом году.

Моя тошнота усилилась, пока я убедилась, что все дети пристегнуты и плюхнулась на свое место. Руки дрожали, когда вытащила ключи из кармана, и сделала глубокий вдох, пока вставляла ключ в зажигание.

Не было никакой необходимости переживать о завтрашнем дне, предупреждала я себя, когда мы ехали к начальной школе Сейдж. Мне нужно было волноваться о сегодняшнем дне. Мне просто нужно было привезти Сейдж в школу вовремя и...

— Сейдж, ты позавтракала?

— Я поела хлопья.

— Хорошо, я забыла сделать тебе обед...

— Могу я его купить? — спросила она радостно, подпрыгивая на сиденье.

Почему дети, которым упаковывали еду с собой, всегда мечтали купить еду в столовой, а дети, которые питались там, мечтали об упакованном сэндвиче?

— Да. — Я порылась на дне сумки, нашла несколько долларов и передала их между сиденьями. — Не потеряй.

— Не потеряю, — пообещала она, засовывая купюры в передний карман рюкзака.

— Я заберу тебя после школы, — сказала я ей, и это ощущалось как в миллионный раз, когда остановилась на остановке перед тротуаром.

Когда она начала снова ходить в школу после смерти Рейчел, то каждый день спрашивала, заберу ли я ее. Каждый божий день, чтобы убедиться, что я о ней не забуду. В конце концов, это стало нашим утренним обычаем, и даже прежде, чем она могла спросить, я заверяла ее, что приеду.

— Хорошо! Люблю тебя! — закричала она, когда протиснулась мимо ног Гевина и вылезла из машины.

— Тоже люблю тебя!

Я ждала и наблюдала, как она пройдет в двойные двери, даже если автомобиль позади меня подъезжал все ближе к моему бамперу. Они могли врезаться в мою машину сзади, но я не собиралась двигаться с места, пока не увидела бы, что Сейдж внутри и в безопасности.

Когда мы вернулись в дом, я немного вспотела, а мальчики кричали, и грязный памперс Ганнера не спасал ситуацию. Я любила Келла и Гевина, но в этот момент я мечтала натянуть шумоподавляющие наушники на две минуты, пока брала желудок под контроль.

— Нехорошо себя чувствуешь? — спросил Гевин, когда я меняла памперс Ганнеру в гостиной.

— Я в порядке, малыш, — заверила его, прикрывая рот. — Просто немного болит живот.

— Газы?

— Может быть, малыш.

— Фууу.

— И не говори.

— Тетушка Кейт, я голоден, — закричал Келлер, висая вниз головой на диване.

— Келлер, почему ты всегда вверх ногами?

— Мне нравится быть вверх ногами.

— Ну, я не разговариваю с людьми, которые виснут вверх ногами, поэтому или ты слезешь, или я не буду слушать, — ответила я спокойно, потянув Ганнера на ноги.

— Я хочу блинчики, — приказал Келлер, становясь рядом со мной. — С сиропом.

Я медленно повернула голову и уставилась на маленького мальчика, который быстро

становился требовательным засранцем.

— Что это? — спросила я, приподняв бровь.

— Я хочу блинчики, — он скрестил руки на груди и выпятил свой маленький подбородок с вызовом.

— Хочешь спросить как-то по-другому, приятель?

— Я хочу блинчики, — сказал он снова упрямо, прежде чем насупил брови. — Сейчас.

Моя челюсть отвисла, и кожа покраснела, когда я смотрела на этого ребенка. Я не могла поверить, что он так себя вел, хотя, вероятно, должна была. Поведение Келлера медленно становилось все хуже и хуже, как бы не пыталась исправить или перенаправить его.

— На пять минут в свою комнату, Келлер, — сказала спокойно, мое сердце колотилось в груди, когда я вставала на ноги. Мой желудок сжался, я была на грани слез, но я не позволила раздражительности просочиться в свой голос. — Ты знаешь, что не должен так со мной разговаривать.

— Я не хочу идти в свою комнату! — захныкал он, когда я подняла Ганнера, прижав к своему бедру, и повела их с Гевинем на кухню.

Когда я не обратила внимание на хныканье Келлера, его голос стал громче, пока он не закричал.

— Я не хочу в свою комнату! — кричал он, его кулаки сжались по бокам, когда я усаживала Ганнера на высокий стульчик, а Гевина в его бустер.

— Вы, ребята, хотите овсянки? — спросила я спокойно мальчишек, пока Келлер продолжал орать.

— Да, пожалуйста, — ответил Гевин, в то время как Ганнер знаками показывал слово «есть».

— Ты хочешь с коричневым сахаром или черникой? — спросила я Гевина, когда повернулась к холодильнику.

Не успела сделать шаг, прежде чем меня толкнула вперед сила маленького ребенка, который врезался мне в ногу сзади.

— Ты гадкая! — кричал Келлер, ударяя по задней части моего бедра. — Я тебя не люблю!

— Келлер, перестань! — перекрикивала я его, из-за чего Ганнер начал плакать. Я пыталась избавиться от хватки его сильных рук, не оборачиваясь, потому что не могла вынести мысль, что его кулаки ударят в мой живот, желудок в котором и так сходил с ума из-за тошноты.

— Келлер Шейн Андерсон, какого черта ты творишь? — прозвучал голос Шейна в шуме кухни.

Мы с Келлером замерли, когда Шейн ворвался в комнату, и я могла слышать только всхлипывания Ганнера.

— Папочка! — жалобно закричал Келлер, побежав к Шейну и обернув руки вокруг его бедер.

— Что происходит, приятель? — спросил он, глядя на меня в недоумении.

— Тетя Кейт не хочет делать мне блинчики!

— Это из-за блинчиков?

Келлер кивнул, уткнувшись лицом в бок Шейна.

— Ты не могла испечь ему блинов? — спросил Шейн в раздражении, взяв Келлера под руки и расположив его у себя на бедре.

И тут все началось.

Через секунду я помчалась в ванную и сделала это как раз вовремя, чтобы закрыть дверь за собой и вырвать одну желчь в раковину. Я начала плакать, затем рыдать, когда оперлась рукой о столешницу и промыла раковину. Я даже не могла добраться до унитаза.

Келлер вел себя так, будто какой-то другой человек украл его тело. Шейн игнорировал меня. Сейдж все еще переживала, что я не заберу ее из школы. Я была не уверена, говорил ли Гевин столько, сколько должен был.

А я была беременна, и мне было так плохо, что я даже не могла добежать до унитаза, чтобы вырвать.

Это было чересчур. Мне казалось, будто я медленно слабею.

Я сделала глубокий вдох, когда услышала, как Шейн говорит с мальчиками на кухне, и вытащила одно из полотенец для рук, чтобы вытереть лицо.

У меня было много дел, и я не могла прятаться в ванной. И вообще, понятия не имела, почему Шейн был дома. Мне нужно было собраться с силами.

Я вернулась на кухню и увидела, что Гевин и Ганнер доедают йогурты из маленьких упаковок, а Шейн наливал себе чашку кофе. Черт, кофе пах соблазнительно.

— Отправил Келлера в комнату, — тихо сказал Шейн, протягивая мне чашку кофе, которую только что налил. — Не хочешь объяснить, из-за чего все это?

— Блинчиков, — ответила я с горечью, потянув упаковку с салфетками со стола, чтобы вытереть руки и лица мальчишек.

— Я не имел в виду...

— Ты не можешь так делать, Шейн, — перебила я его, когда помогала Гевину встать с места. — Вот почему Келлер ведет себя так. Я хочу сказать, мы все знаем, что ты главный. Все. Но каждый раз, когда ты кричишь на меня, потому что один из детей устраивает сцену, они думают, что могут не слушаться меня.

— Я не...

— Так и есть, — я подняла Ганнера с его высокого стульчика, и он уткнулся лицом мне в шею, очевидно, все еще немного ошеломленный из-за шума.

— Я их отец, они должны меня слушаться.

— Я не сказала, что они не должны... — черт, мои глаза снова начали наполняться слезами, и я проклинала глупые гормоны беременных в своем теле. — Я говорю о том, что ты продолжаешь подрывать мой авторитет, и сейчас Келлер думает, что может командовать мной, как будто я работаю на него или что-то подобное.

Ганнер начал извиваться в моих руках, и я поставила его на пол, чтобы он мог поползти в гостиную, где Гевин включил какие-то мультики.

— Ты обращаешься со мной, как с дерьмом, Шейн.

— Нет! Я едва вижу тебя!

— Вот именно! Ты едва говоришь мне хоть слово, пока не просишь сделать что-нибудь, а когда я пытаюсь наказать детей, ты вмешиваешься и....

— Они не твои, чтобы их наказывать, — категорически заявил он, из-за чего я резко втянула воздух.

— Ты прав. У меня нет никакого права отправлять Келлера в его комнату из-за того, что он требовательный ко мне, как маленький избалованный засранец.

— Не называй его избалованным засранцем.

— Если это выглядит, что он ведет себя, как избалованный засранец, и говорит так, то

это так и есть.

— Ты не могла просто сделать ему гребаные блины?

— Ты сейчас издеваешься надо мной? — зашипела я, сделав шаг вперед. — Я не против сделать Келлеру блины! Если бы он попросил, я бы, вероятно, сказала: «Конечно, милый, ты хочешь немного шоколадной крошки в них?» Но он не просил, он потребовал блины.

— Ему четыре.

— Ему пять. И он не должен так разговаривать со старшими.

— Ты раздуваешь из мухи слона, — сказал он пренебрежительно и отвернулся к кофейнику, чтобы заполнить свою чашку.

— То есть, это нормально, что он бьет меня? Вот к чему ты клонишь? Давай ему то, что он хочет, чтобы он не устраивал огромную истерику?

— Я сказал ему, что он не должен тебя бить, вот почему он в своей комнате сейчас.

Я тяжело осела на стул за столом и опустила уставший взгляд на руки. Шейн не слышал меня. Он был так чертовски озадачен своей собственной важностью, что даже не слышал, о чем я говорю.

— Что ты делаешь дома?

— Ушел пораньше, так как это пятница, и нет дел, — ответил он, садясь напротив меня за столом.

— Хорошо, ну, я хочу попрощаться с Келлером перед уходом, — я устало встала из-за стола.

— Нам нужно поговорить. У тебя есть пару минут перед уходом?

— Да. Дай мне сначала проверить Келлера, — ответила я, повернувшись к лестнице.

Я ненавидела лестницы, казалось, что они насмехались надо мной и моим недостатком энергии.

Когда дошла до комнаты Келлера, он спал на изножье кровати. Должно быть, истерика вымотала его, или он истерил, потому что был уставшим. Боже, я скучала по сладкому маленькому мальчику, который думал, что я — Божий дар.

— Он спит, и это именно то, что я сделаю, когда доберусь домой, — проинформировала я Шейна, когда вернулась на кухню.

— Выглядишь так, будто потеряла в весе, — сказал он вдруг.

— Вероятно, так и есть. О чем ты хотел поговорить?

— Ты сможешь остаться с детьми, пока я буду на боевом задании? — спросил он нервно.

— Немного поздно спрашивать. Что если бы я сказала «нет»? У тебя три недели, Шейн.

— Ты говоришь: «нет»?

— Конечно, нет, но нам нужно обсудить кое-что еще.

— Что еще? — Он перекачивал свою кружку между ладонями, и, казалось, я не могла отвести взгляд от его вида. Его длинных пальцев... нет, я не буду думать об этом. — Я выделил деньги, которые будут поступать на твой счет, пока меня не будет, на оплату счетов, продукты и тому подобное. Я всегда могу изменить...

— Я беременна, — выпалила я без предупреждения или подготовки. Если бы у меня был зазубренный нож, то с удовольствием бы отрезала свой язык тогда.

— Ты... что?

— Беременна.

Долгое время он пялился на меня с пустым выражением, а я боялась сказать что-нибудь

еще, но затем его лицо потеряло пустой взгляд и стало полностью непроницаемым.

— Ты все еще сможешь сидеть с детьми или это будет проблемой?

— Не это, а ребенок.

— Мне нужно знать, сможешь ли ты присматривать за детьми.

— Конечно, могу, Шейн. Боже! Ты можешь вести гребаный разговор? — наконец, выплюнула я, раздраженная отсутствием его ответа. — Я беременна. Ребенок твой. Теперь твоя очередь говорить.

— Я не уверен, какого ответа ты ждешь от меня, Кейт, — ответил он спокойно, но его пальцы усилили хватку вокруг кофейной кружки, пока костяшки не побелели.

— Что угодно. В этой ситуации я приму все, — ответила я устало, мое сердце мчалось галопом.

— Ты уверена, что это мой?

Мое тело похолодело в этот момент, пот под моими подмышками стал таким холодным, что я почти задрожала.

— Что угодно, кроме этого, — ответила я хрипло, слегка покачав головой.

Я встала, чтобы уйти без слов, и он не остановил меня, когда я поцеловала мальчишек на прощанье и напялила обувь.

— Когда Келлер проснется, пожалуйста, скажи ему, что я его люблю, — крикнула я, достигнув двери. — Я заберу Сейдж из школы, как и обещала ей.

Я слышала, как ножки его стула заскрежетали по линолеуму, а он позвал меня по имени, но не остановилась. Я не могла выдержать больше ничего за один день.

— Я облажалась, — сказала я в телефон, лежа на полу ванной.

— Ну, привет и тебе тоже, — возразила моя приемная сестра Анита. — Почему я слышу эхо?

— Я в ванной...

— Я, правда, не хочу говорить с тобой, пока ты справляешь нужду.

— Я не справляю нужду. Я так сильно облажалась, — мой голос перехватило на последних словах, и я не смогла сдержать рыдание. Я так устала, и казалось, что все мое тело болело из-за бесконечной рвоты. Не могла ничего удержать в желудке. — Почему я не могу ничего удержать в желудке?

— Дерьмо, Кэти! Что происходит? Ты в порядке? — спросила она нервно.

— Я беременна, — прошептала я, как будто произнося эти слова тихо можно смягчить ответ.

— Ты не сделала укол? Какого хрена, Кейт? Ты не можешь пропускать уколы!

— Я не пропускала. Клянусь. Я сделала все, как и должна была. Не знаю, что произошло!

— Я чертовски надеюсь, что ты знаешь, что произошло, — сказала она сухо.

— Есть кое-что похуже, — простонала, снова положив голову на полотенце подо мной. — Намного хуже.

— Парень был уродцем?

— Хуже.

— Жиголо?

— Хуже.

— Ох, бд*дь, Кейт, — прошептала она после мгновения полной тишины. — Ты не могла.

— Мы напились. И это было ошибкой.

— Это оправдание перестало работать, когда тебе исполнилось девятнадцать. И оно точно не работает, когда тебе почти тридцать.

— Знаю. Я такая идиотка. О чем только думала?

— Шейн знает?

Свет в ванной был выключен, но солнце сияло через небольшое окошко в моей душевой, и я закрыла глаза. Дерьмо, даже глаза болели.

— Да, я рассказала ему этим утром.

— Что он сказал?

— Почти ничего.

— Почти ничего?

— Спросил, уверена ли я, что это его ребенок.

— Мудак! — закричала она, усиливая боль в моей голове. — Надеюсь, ты поставила его на место.

— Нет, я просто ушла.

— Что? Почему? Не позволяй ему унижать тебя, Кэтрин. Ты терпела гораздо больше дерьма от него, чем должна была за последние годы.

— Нет, я понимаю. Просто... — снова плачу, чувствуя себя более жалкой, чем когда-

либо была в своей жизни. — Я так устала, Ани. Так чертовски устала, и меня продолжает тошнить. И Келлер был засранцем этим утром. Он ударил меня. Затем Шейн пришел домой и повел себя как полный мудака по этому поводу. Я просто больше не могла терпеть и ушла, когда Келлер уснул, и, вероятно, он проснулся, все еще думая, что я злюсь на него.

— Оу, помедленней, милая, — сказала она успокаивающе. — Давай обсудим все постепенно. Тебя тошнит?

— Очень сильно, — прохрипела я, мой желудок снова начал сжиматься. — Боже, Ани. Я несколько дней не могу ничего удержать в желудке.

— Сколько дней?

— Я думаю, три. Боже, будто целая вечность.

— Должно быть, ты обезвожена, Кейт. Тебе нужно к врачу.

— Мне назначено на послезавтра.

— Нет, тебе нужно пойти сейчас.

— Я слишком истощена. Даже не могу подняться с пола ванной.

Я услышала, как она зашуршала чем-то, затем ее голос прозвучал более отчетливо.

— Я перезвоню тебе, сис, хорошо?

— Да, — ответила устало. — Я буду здесь.

— Я перезвоню тебе.

— Хорошо.

Я отключила вызов, когда мой желудок снова взбунтовался, и даже не попыталась встать на колени, чтобы добраться до унитаза. В любом случае в моем желудке ничего не было.

Но когда все закончилось, я была потная, а мой пресс болел, но это не остановило меня от того, чтобы уснуть, свернувшись калачиком на полу.

— Кэти? — я услышала крик Шейна, который вытащил меня из самого крепкого сна за последние дни. — Кейт!

Прежде чем я смогла ответить, его тело оказалось в дверном проеме моей ванной.

— Извини, должно быть, я не услышала, как ты вошел, — сказала бессмысленно, когда он внезапно остановился. — Я не особо хочу компании сейчас.

— Кэти, — сказал он мягко, делая шаг ко мне.

— Не надо. Я просто... не надо. Я ужасно пахну и вся потная... дай мне пару минут, хорошо? — спросила устало, пытаюсь подняться на колени.

— Не двигайся, детка, — ответил он нежно, когда вошел в ванную. — Давай поднимем тебя.

У меня перехватило дыхание, но я смогла сказать:

— Где дети?

— Я забрал Сейдж и ненадолго отвел к соседям.

— Ох, дерьмо! — попыталась подняться на ноги, но голова закружилась, и я снова начала плакать. — Я должна была забрать ее из школы. О, боже мой, она, наверное, рассержена.

— Эй, — сказал он мягко. — Перестань. Я говорил с Анитой, и она сказала, что тебе

плохо. Я забрал Сейдж вовремя. С ней все хорошо.

— Боже, мне жаль. Я уснула.

— Я вижу. Тебе не о чем сожалеть.

Он наклонился поднять меня, и я попыталась отодвинуться.

— Пожалуйста, не надо, Шейн, — я шмыгнула носом. — Я воняю. Мне нужно в душ.

Он уставился на меня, долгое время не отвечая, прежде чем потянулся над моим телом и отодвинул шторку душевой.

— Что ты делаешь?

— Ты хочешь помыться, верно? — спросил он и включил воду. — Так давай помоем тебя.

В шоке я наблюдала, как он снова задернул шторку и начал снимать футболку через голову, также сбрасывая шлепки. Дальше он спустил свои шорты цвета хаки и боксеры, оставаясь полностью голым.

— Что, ради всего святого, ты делаешь? — спросила я, когда снова обрела дар речи.

— Давай поднимем тебя.

— Ты выжил из своего гребаного ума?

— Если ты не перестанешь смотреть на мой член, он воспрянет духом и поздоровается, — предупредил Шейн.

— В первую очередь, именно он стал причиной всего происходящего.

— Верно. Я не собираюсь трахнуть тебя у стены. Тебе плохо и нужно в больницу. Поэтому, либо ты позволяешь мне помочь тебе в душе, либо я повезу тебя такой: воняющей, как бомжика.

— Я уверена, что любое это, что у меня было, когда я переспала с тобой, сейчас съезжилось и умерло.

— Хорошо, значит тебе все равно, если я увижу тебя голой.

— Поверь, мне пофиг, — ответила я устало, когда пыталась подняться с пола. — Я уже знаю, что ты не хочешь повторов, поэтому не переживаю, если ты увидишь что-то, что отобьет твой интерес.

— Я был мудаком.

— Не беспокойся, по крайней мере, секс был хорош, — ответила я, когда он стягивал мою футболку по моей воспаленной груди. — Осторожнее, — предупредила я.

— Я буду осторожен, — пообещал он, когда спустил мои леггинсы и нижнее белье по ногам.

— Я не должен был говорить тебе этого, — сказал Шейн искренне, держа мои руки, когда мы оказались в душе. — Я был в расстроенных чувствах тем утром...

— Ты думаешь, я нет? — спросила я, когда он переместил меня ближе к льющейся воде. — Боже, меня, блин, стошнило. Я должна была догадаться, что этот момент был каким-то предзнаменованием.

— Извини, Кэти, — сказал он, оборачивая мои руки вокруг своего тела, чтобы удержать меня и провести пальцами по моим волосам. — Я был таким придурком. Я знаю, что в этом нет твоей вины, но, бл*дь, я был взбешен.

— Ты знаешь, что я была пьяна, верно?

— Это не...

— Нет, это имеет значение, — спорила я, прежде чем он закончил предложение. Закрыла глаза, когда он втирал шампунь мне в голову. — Кажется, у тебя была какая-то

иллюзия, что я воспользовалась тобой или что-то подобное. Это херня. Мы оба были пьяны, и если я все правильно помню, ты трахнул меня, пока я была прижата лицом к кровати.

— Иисус Христос, — прошипел он, затихнув, когда его член дернулся у моего живота.

— Не то чтобы я жаловалась тогда, — пробормотала я, из-за чего его руки напряглись в моих волосах. — Черт, мой желудок...

Я отпрыгнула от него и едва согнулась пополам, прежде чем меня вырвало.

— Извини, — выдыхала между наплывами тошноты. — Дерьмо. Я чертовски ненавижу...

— Шшш, — ответил он успокаивающе, обхватив меня под грудью и потирая спину другой. — Ты в порядке. Это пройдет.

— Боже, — простонала я, когда мой желудок снова начал сжиматься. — Почему ты все еще здесь?

— Давай помоем тебя.

— О, нет, я могу сделать это сама.

— Я не оставлю тебя одну.

— Ладно, — я быстро помыла самые важные части своего тела, отказываясь тратить энергию на что-нибудь еще, и через несколько минут была обернута в полотенце, а Шейн нес меня в спальню.

— Ты, правда, только что помог мне принять душ? — спросила я, опуская голову ему на плечо. — Какого черта это было?

Я уснула, прежде чем он ответил, и смутно чувствовала, что он одевает меня, когда погружалась глубже в сон. К тому моменту, когда я снова проснулась, Шейн опять нес меня.

— Ты — придурок, — сказала я, мое тело напряглось, когда поняла, где мы.

— Тебе нужно к доктору, — ответил он, проходя через комнату ожидания приемного отделения.

— У меня нет страховки, Шейн, и это просто утренняя тошнота.

— Рейчел никогда так не тошнило.

— Я не Рейчел.

— Тебе нужно провериться у врача.

— Когда именно ты получил право голоса в этом?

— Когда Анита позвонила мне и сказала, что тебе чертовски плохо, и ты лежишь на полу ванной.

— Она такая королева драмы.

— Именно тут я и нашел тебя.

— Ну и подумаешь, — пробубнила я, когда мы достигли передней двери.

— Я все еще не понимаю, почему ты здесь, — сказала я тихо, осторожно перекатываясь на больничной койке. Гребаная кровать была такая неудобная, и я знала, что мне будет еще больнее, когда вылезу из нее.

— Мы — друзья, — ответил он, что-то делая в своем телефоне.

Он едва посмотрел на меня с тех пор, как они привезли меня в эту маленькую комнату и

приступили к процедурам, чтобы подтвердить мою беременность. Он уходил, пока врачи делали мне внутренний ультразвук, и промолчал, даже когда я поймала его взгляд на изображении, которое удачно оставила на столике рядом с единственным стулом в комнате. Он был беспокойным, почти нервным и, честно говоря, это усиливало мое напряжение при каждом маленьком движении.

— Мы не друзья, Шейн, — сказала я ему серьезно, из-за чего он вздернул голову в удивлении. — У нас есть общая история, до хрена ее, но мы не были друзьями долгое время.

— Я не могу оставить тебя одну.

— Со мной все будет хорошо, Шейн. Тебе нужно пойти к детям. Сейдж, наверное, уже расстроена сейчас.

— Я только что звонил ей. С ней все хорошо

— Ну, бьюсь об заклад, что Меган сходит с ума с таким количеством детей.

— Только что разговаривал и с ней. Она в порядке.

— Я не хочу тебя здесь, — наконец, сказала я, отводя взгляд от шока на его лице. — Я не уверена, что у тебя за мотивы, но давай будем честными в этом, хорошо?

— Я честен.

— Нет, ты испытываешь вину или что-то подобное. Но ты точно не честен.

— Ты ведешь себя, как сучка.

— Ах, а вот это честность, — ответила я сухо, прикрывая то, как его слова задели меня. — Я понимаю, что ты не хочешь быть здесь. Ты ерзаешь, вздыхаешь и смотришь на свои часы и, честно говоря, было бы легче наслаждаться этим великолепным лекарством от тошноты, если бы я не чувствовала, что удерживаю тебя здесь, когда ты этого не хочешь.

— Я хочу быть здесь, — упрямо спорил он.

— Почему? Почему ты хочешь быть здесь?

— Потому что тебе плохо, и ты беременна. Я не могу оставить тебя одну.

— Почему это твоя проблема? — я уставилась на него, молча умоляя признать ребенка на изображении рядом с его локтем.

— Полагаю, это не моя проблема, — наконец, сказал он, вставая со стула.

— Ты собираешься притворяться, что я сама забеременела? — спросила устало, смотря ему в лицо. — Даты на снимке с ультразвука, на который ты смотришь. Уверена, что сможешь сделать подсчет.

— У меня уже есть четверо детей, — сказал он хрипло, почесывая щетину. — С моей женой.

— Что это должно значить? — прошептала я, чувствуя, будто меня режут пополам.

— Слушай, у тебя было пару дней, чтобы осознать это, — огрызнулся он в ответ. — У меня были часы, и большую часть из них я провел, отдирая тебя от пола и отвозя в больницу.

— Прошу прощения за доставленные неудобства.

— Можешь ты на одну гребную секунду дать мне личного пространства? Бл*дь, Кейт, дай мне минуту осознать гребаное бедствие, которое стало с моей жизнью.

Я кивнула, затем медленно перекатилась, чтобы не смотреть ему в лицо.

— Верно, потому что для меня это легче, — ответила ровно, отказываясь на него смотреть. — Бери столько времени, сколько нужно.

Я ощущала его взгляд у себя на затылке долгое время, но стиснула зубы и контролировала свое дыхание, пока не услышала, как он открыл и закрыл дверь.

Затем разрыдалась.

Они продержали меня еще пару часов, поставили капельницы, и отправили домой с рецептом лекарства против тошноты и витаминами для беременных.

Дерьмо. Для беременных. Это правда случилось. Я стану мамой. Или я уже мама? Я была чертовски уверена, что чувствовала, будто должна защищать маленькую мартышку, свернувшуюся в моем животе.

Я взяла чертовски дорогое такси до своей квартиры и поднялась по лестнице, благодаря Бога, что Шейн взял мою сумочку в больницу. Потеряв ключи миллионы раз, я, наконец, приобрела привычку держать запасные в бумажнике.

Зайдя внутрь, поняла, что-то не так. Потребовалась минута, чтобы почуять запах лимона. Какого черта?

Шейн вычистил ванную.

О, боже мой.

Я тяжело села на сверкающий унитаз и взяла себя в руки, пока слезы, которые подступали, не исчезли. Это было так мило с его стороны. Но я не могла позволить себе думать, что это было сделано из-за чего-то, кроме чувства вины. Вероятно, вина была причиной всему.

Я вытащила телефон из сумки и набрала его, но затем остановилась, когда увидела, что мне звонит мама. Дерьмо! Должно быть, Анита открыла свой большой рот.

— Привет, ма! — ответила я радостно, подползая к кровати и залезая на... Он постирал мое постельное белье?

— Привет, детка. Что делаешь?

— Ничего, просто сижу дома.

— О, да?

— Да.

Я была уверена, что она знала о моей беременности, но не собиралась спрашивать. Клянусь, они с тетей Элли в совершенстве овладели техникой: «ты догадываешься, что я знаю, но я буду ждать, пока ты не скажешь мне, и дам тебе столько времени, сколько потребуется». Они подловили множество детей на этой стратегии, пока я росла; детей, которых было невозможно понять, и у которых доверия было меньше, чем у антилопы, окруженной амурскими тиграми.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Да, мне нравились экзотические животные в детстве. Засудите меня.

Мои тетя и дядя очень рано обнаружили, что не могут иметь детей, и так как были замечательными людьми, немедленно решили, что хотят открыть свой дом и жизни приемным детям. Было нелегко. Черт, из первых рук я видела, как это нелегко, но они никогда не дрогнули в том, что были призваны делать, как сказала мне однажды тетя. С тех пор, как мне исполнилось два года, у меня начали появляться двоюродные братья и сестры: тихие, громкие, спокойные, злые. Не все жили с нами долго, на самом деле, это было большинство. Но было двое, кого мои тетя с дядей смогли усыновить: Генри и Тревор, и еще

несколько, кто сохраняли отношения с ними даже после ухода. Шейн был одним из приемных детей, у кого, казалось, образовалась крепкая связь с семьей Элли и Майка Харриса, хоть он и был одним из самых старших, кто когда-либо жил с ними.

Когда мне исполнилось пять, а Тревор остался с моими тетей и дядей, то у моих родителей случилось своего рода прозрение. Меньше чем через год, наша семья тоже начала брать детей, которые по тем или иным причинам нуждались в месте проживания. Поэтому впервые в жизни у меня появились братья и сестры. Множество их. Братья и сестры, с которыми я прощалась чаще, чем этого хотела. Затем, из ниоткуда, в разгар жары летних дней, приехала пара братьев, которых мои родители в конце концов усыновили, что означало: они со мной навсегда. Мои братья-близнецы — Алекс и Абрахам — оказались у нас, когда мне было восемь, а им десять, и после этого они больше не уходили. И, слава богу, потому что четыре года спустя моя доверчивая и великодушная натура заманила меня в ситуацию, которая могла обернуться очень плохо, если бы Брам и Алекс не выбрали именно этот момент, чтобы найти меня на улице с нашим новым братом.

После этого мои родители никогда не принимали детей старше меня и отказывались брать мальчиков. Они потеряли бдительность, и я не знаю, простят ли они себя за это когда-нибудь. Мои родители взяли последнего приемного ребенка, когда мне было семнадцать, и вот тогда я познакомилась с Анитой. Она не хотела быть удочеренной, хоть мои родители и могли это сделать законно, но также она и не ушла. Она оставалась с моими родителями последние два года старшей школы и переехала в квартиру над гаражом, чтобы после этого поступить в колледж.

С таким количеством детей и проблем, мои тетя с мамой стали настоящими следователями, навыкам которых позавидовали бы в ЦРУ. Они видели и слышали все, и ничто не могло противостоять им, когда они на чем-то сосредотачивались. К сожалению, это означало, что я рассказывала маме все, что она хотела знать.

— Что-нибудь новенькое случилось?

— Она, на хрен, рассказала тебе! — закричала я, ударяя по кровати, из-за чего свежий аромат «Тайда» поднялся вокруг меня. Шейн постирал мое постельное белье!

— Понятия не имею, о чем ты говоришь.

— Я беременна, — ответила я, ворча.

— Что? — спросила она с притворным удивлением.

— Я убью Аниту.

— Нет, не убьешь. Она беспокоилась. Не злись на нее.

— Она сует свой нос не в свои дела! Я должна была рассказать тебе. Я хотела рассказать тебе, — я начала шмыгать носом. Я не так это представляла. Все шло наперекосяк.

— Ох, малышка, — нежно сказала моя мама. — Извини. Я знаю, что это важно. Я бы подождала, пока ты позвонишь мне, но Ани сказала, что тебе плохо, и я забеспокоилась...

— Понимаю, ма. Все хорошо. Просто... глупые гормоны! Я не могу справиться с этим. Клянусь, я хочу убить кого-нибудь, и через секунду плачу, потому что на одном из моих пальцев ног облупился лак для ногтей.

— Я помню это. Если у тебя что-то похожее на меня, то ты будешь жить в кошмаре.

— Хорошо, что я живу одна, — промямлила я, вытирая лицо чистой простыней. Получай, Шейн.

— Хочешь поговорить об этом?

— Не особо.

— У тебя будет ребенок.

— Да, — вздохнула я, сворачиваясь в клубок и накрываясь одеялом с головой.

— Что происходит, милая?

— Я переспала с Шейном, — пробубнила я, в какой-то степени надеясь, что она не поймет меня.

— Ну... это давно назревало.

— Что?

— Кэти, вы с Шейном ходили кругами вокруг друг друга годами. С того момента, как были детьми.

— Мам, он женился на моей лучшей подруге. Не уверена, что назвала бы это так.

— Мишка Кэти, я скажу тебе кое-что, а ты примешь это, когда захочешь.

— Не думаю, что хочу это слышать.

— Придется.

Я фыркнула от смеха, это был первый смех с тех пор, как я узнала, что беременна. Мама всегда делала это: что-то плохое становилось не таким уж плохим, благодаря нескольким тщательно подобранным словам. Я надеялась, что однажды смогу точно так же делать.

— Когда вы были детьми... Шейн был сломленным.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не говорю, что он не любил Рейчел. Я бы никогда не сказала так, потому что это неправда. Знаю, он ее любил, когда они были вместе, это было видно. Но, Кэти... Они никогда не жили вместе долгий период времени.

— Это его работа, мам...

— Тебе не нужно защищать его передо мной, Кэтрин Элеонора. Я знаю этого мальчика, и полюбила его с тех пор, как он приехал к твоим тете с дядей. Я только говорю, что Рейчел было ему любить проще, и это необязательно плохо. Она была тем, что ему было нужно. И я рада, что он ее нашел.

— Они были идеальны вместе, — сказала я через ком в горле.

— Ну, я бы так не сказала.

— Что?

— В то время Шейну нужен был кто-то, кто мог принять его за чистую монету, полюбить, и Рейчел сделала это, а ты нет.

— Что это должно означать? — мое сердце начало сильнее биться в груди, а руки стали липкими от пота.

— Ну, наверное, мы с тетей Элли всегда полагали, что ты была слишком хорошей для него.

— Надо же, спасибо.

— Это не плохо, Кейт. Ты видела его настоящим, и какое-то время, как я могу сказать, он упивался этим. Ему нравилось, что ты видела через его фасад. Бросала ему вызов.

— Он уехал, мам. Не могу понять, почему ты считаешь, что ему что-то нравилось во мне.

— Ты подобралась близко, Кэти. Он был к этому не готов.

— Ну, откуда я должна была знать это? — захныкала я, сев в кровати. — Мне было девятнадцать! Я не понимала, что творю!

— Это все гормоны.

— Он покинул меня, мам. Никогда не заботился обо мне. Ты должна... — нет, ей не

нужно знать, что Шейн звонил мне первые месяцы первого года обучения в колледже, затем он повел себя так, будто ему ничего не нужно со мной, с момента как увидел мою лучшую подругу. Это уже не имело значения. — Он просто... дал ясно понять, что ничего не хотел со мной. Он избегал меня десять лет. Его точка зрения довольно очевидна.

— Я не хотела тебя расстраивать, милая.

— Ты не расстроила.

— Хорошо, новая тема?

— Да, пожалуйста.

— Как Шейн воспринял новости?

— Это та же самая гребаная тема!

Следующим утром я проснулась от шепота, и запах детского питания опалил мое лицо.

— Она уже проснулась?

— Еще нет! Папа сказал, вести себя тихо.

— Тихо!

— Фифо!

— Я бы хотел, чтобы она уже проснулась.

— Келлер, тебе лучше застегнуть ширинку.

— Если бы ваш папа хотел, чтобы я спала, он бы не пустил четырех монстриков в мою кровать, — зарычала я, быстро сев, и притягивая их к себе, когда они завизжали. В этот момент мой желудок сжался.

— Ох, тетушке Кейт нужна еще одна минутка, ребята, — простонала я, ложась на подушку. — Хотите немного пообниматься?

Они свернулись вокруг меня, Ганнер играл с моими распущенными волосами, голова Гевина лежала на моей воспаленной груди, из-за тела Келлера одна из моих лодыжек скрутилась так, как я не хотела, а Сейдж держала меня за руку. Через секунду я почувствовала себя в миллионы раз лучше.

— Где ваш отец? — спросила я тихо, закрыв глаза, когда Ганнер провел пальчиками по моим волосам.

— В туалете.

— Он долго там.

— Уверен, он какает! Он так сильно воняет! — пропел Келлер, и я захихикала.

— Я не какаю, Келлер, — пробормотал Шейн сбоку кровати, отчего я открыла глаза. Его щеки были красными от смущения, и я думаю, что тоже это чувствовала.

— Ты воняешь хуже, Келлер, — обвинила я, встречаясь взглядом с Шейном.

— Нет, не воняю! Это ты, тетя Кейт! Ты — вонючка!

— Ты — фонючка! — закричал Гевин мне в ухо.

Глаза Шейна немного засверкали, когда он пытался сдержать улыбку.

— Я подумал, что ты захочешь их увидеть, — тихо сказал Шейн, когда сел на край кровати. — Знаю, ты не очень хорошо себя чувствуешь...

— Спасибо тебе, — перебила я, на секунду отпуская Ганнера, чтобы вытянуть руку и

положить на его колено. — То, что мне нужно.

— Я использовал запасной ключ, — его голос стал тише.

— Я поняла.

— Хочешь забрать его?

— Нет, — прошептала я.

— Хорошо.

— Тетушка Кейт, почему тебе плохо? — спросила Сейдж подозрительно, ее голос дрожал.

— Иди сюда, Сейдж-Рейдж, — сказала я, притягивая ее к себе. — У меня есть новости.

— Кейт, — предупредил Шейн низким голосом.

— У меня будет ребенок.

Казалось, мои слова огорошили детей на мгновение, прежде чем они заговорили одновременно.

— Ребенок.

— Ребенок.

— Что?

— У тебя?

— Да! Иногда, из-за того, что внутри растет ребенок, женщину тошнит, но некоторое время. Вот почему мне плохо. Как только малыш станет побольше, меня не будет тошнить.

— Ты будешь жирной! — закричал Келлер.

— Келлер, — сказал Шейн сердито.

Я слегка покачала головой в сторону Шейна и встретилась с Келлером взглядами. Он не вел себя как засранец... Он переживал.

— Иди сюда, Келл.

Он подполз и сел мне на ногу.

— Осторожнее, приятель, — предупредил Шейн.

— Все хорошо, — сказала я с улыбкой, не отводя взгляда от Келлера. — Во мне просто растет ребеночек, дружочек. Но это займет какое-то время... ничего не будет изменяться сначала.

— Где он? — спросил Келлер с любопытством, смотря на мой относительно плоский живот.

— Прямо здесь, — указала я, все дети пристальнее посмотрели туда, где был мой палец.

— Я ничего не вижу.

— Потому что прямо сейчас он очень-очень маленький.

— Насколько маленький? — спросил Келлер неуверенно.

— Как фасолинка.

— Но он вырастет?

— Да.

— Здорово.

— Очень здорово, — согласилась я.

— Он будет нашим кузенком? — спросила Сейдж, вырывая меня из разговора с Келлером.

— Ты можешь принести мне стакан воды, сис? — спросила я, после долгой паузы. — Мне нужно принять таблетку, прежде чем меня снова стошнит.

— Фу, — закричал Келлер, отскакивая от меня.

Когда Сейдж слезла с кровати, я повернулась, посмотреть на Шейна.
Он выглядел таким же потрясенным, как и я себя чувствовала.

Мне казалось, что все выходит из-под контроля.

Лежа на кровати, я ничего не мог с собой поделаться и возвращался к воспоминаниям, как прошмыгнул вместе с детьми в дом Кейт, чтобы ее увидеть. Она так крепко спала, что даже не слышала, как открылась дверь, или тихих разговоров детей, и на мгновение я почувствовал вспышку чего-то между чувством защиты и собственничества.

Это так испугало меня, что притворившись, будто использую уборную, закрылся на пару минут, чтобы взять себя в руки. Я мог выдержать чувство защиты, это не было новым чувством, когда дело касалось Кейт. Но чувство собственничества было абсолютно неправильным, и я казался себе полным придурком, даже думая об этом. Я не хотел ее, а она не была моей.

Она не была моей, хоть сейчас и вынашивала моего ребенка.

Стиснув простынь в кулаке в раздражении, перекатился на бок, пытаюсь найти удобное для сна положение. Оставалось меньше двух недель, прежде чем мне придется уехать, и хоть я уже и начал переходить в рабочий режим и тот образ жизни, которым буду жить следующие шесть-семь месяцев, в моем разуме постоянно крутилась мысль, что я бросаю своих детей.

Я покидал их прежде. Дерьмо, я делал это снова и снова, но сейчас все было по-другому. Я не оставляю их с матерью, находясь уверенным, что ничего не изменится до моего возвращения. А оставляю их с Кейт и доверяю ей их жизни, но я не мог примириться с тем местом, которое она занимала в моей голове.

Она была беременна? Боже, как я мог быть настолько глуп? Как будто трахнуть Кейт было недостаточно плохим решением, я также штурмовал ворота, не надев чертовы доспехи.

Не то чтобы у меня вообще были презервативы с собой. Я не занимался сексом целый год, и не планировал делать это еще долгое время. Затем принял необдуманное решение использовать Кейт, чтобы покончить со своим воздержанием.

Кейт. Лучшая подруга моей жены, и племянница тех, кого я мог назвать своими родителями. Самая худшая ошибка, совершенная мной за всю жизнь.

Я не мог решить, то ли был зол из-за всего, что натворил, то ли мне было так чертовски грустно, что хотелось плакать.

Мне не хотелось заводить с ней ребенка. Боже, я больше не хотел детей какой-то период времени.

Я не мог угнаться за всем, что сейчас происходило, даже учитывая, что Кейт будет заботиться о детях, пока я работаю. Как, черт побери, я мог добавить еще одного ребенка в эту смесь? Пока Рейчел была жива, я дразнил ее, что хочу иметь полный дом детей. Знал, из-за того, что часто уезжаю, на ее плечи ложится слишком много всего, но она полностью согласилась с моей мечтой, и ни разу не жаловалась о такой жизни.

У меня было ощущение, что если бы не умерла, она уже была бы беременна к этому моменту, и я был бы в восторге от прибавления.

Но Рейчел мертва, а вот Кейт беременна. Я не мог заставить себя радоваться этому.

Когда перевернулся на живот и крепко зажмурил глаза, я, наконец, сдался страху, который придиричиво засел в моей голове уже почти неделю.

Страх, что я не буду любить ребенка Кейт, как люблю остальных.

Страх, что я ничего не почувствую.

— Ты уверена, что справишься с ними? — спросил я, когда завинтил крышку на стаканчике с кофе.

— Все хорошо, Шейн, уверяю. У Сейдж нет занятий в школе сегодня, и я позволю им поспать, сколько они хотят, а затем устрою что-то вроде марафона кино.

— Тебя все еще тошнит каждые пять минут? — спросил я, осматривая ее бледное лицо и торопливо завязанные волосы. Она все еще не выглядела здоровой.

— Нет. Все средства от тошноты, которые мне дали, действуют волшебным образом. Меня не рвало, — она посмотрела на часы, встроенные в плиту. — Примерно, четыре часа.

— Ты проснулась в два часа ночи от тошноты? Какого хрена ты еще принимаешь лекарства, если тебя все еще тошнит? Это гребаная херня. Позвони доктору, узнай, есть ли у него что-то еще. Может, другая марка. Ты купила непатентованное средство? Они сказали, это то же самое, что известная марка, но...

— Эй! Притормози, метеор, — перебила она меня, подняв руки в воздухе между нами. — Оно не безнадежное. Помогает, но не полностью. Лучше пусть меня тошнит каждые шесть или восемь часов, чем каждые пятнадцать минут. Все хорошо. Еда держится в желудке, и я снова могу пить воду. Все нормально.

— Ты все еще блюёшь, — ответил я упрямо.

— Смотри, как много есть названий, чтобы описать рвоту. Мы уже использовали три. Почему бы мне не продолжить? — она поджала губы и прищурилась, прежде чем начала. — Срыгивание. Твоя очередь.

— О чем, черт побери, ты говоришь?

— Я меняю тему с того, о чем ты, кажется, намерен спорить, хотя это бесплодные усилия. Извергаться. Метать еду. Изрыгать.

— Я не играю с тобой в эту игру, — ответил я, раздражаясь. Если она не хотела заботиться о себе, то это не мое дело. Казалось, ей нравилось выглядеть и чувствовать себя как дерьмо все время. Кто я, чтобы спорить с этим?

— Бекать, — сказала она, следуя за мной по кухне, когда я взял ключи и бумажник. — Опорожнит содержание желудка.

— Заткнись, Кейт.

— Молиться фарфоровому Богу, — ответила она с довольной улыбкой.

Даже с ее впалыми щеками и нерасчесанными волосами, я очень сильно хотел ее поцеловать, и от этого мое раздражение возросло.

— Это так раздражает, делай, что хочешь.

— Если ты собираешься идти на работу раздраженным, а не обеспокоенным, тогда это сработает.

— Я не переживаю.

— Ты ходишь туда-сюда.

— Ты больна, ради всего святого.

— Говорю тебе, со мной все хорошо. Я рада, что у детей сегодня нет уроков, только я и

мои монстрики, — ответила она с милой, довольной улыбкой.

— Они не твои, — я не смог остановить слова, прежде чем они вырвались из моего рта, но пожалел о них, как только улыбка исчезла с ее лица.

— Я зову их своими монстриками со дня их рождения, Шейн, — сказала она категорически. — И не собираюсь останавливаться, потому что ты не можешь заткнуться по этому поводу по какой-то причине, которую мне не понять.

— Ты...

— Нет, — перебила она. — Ты не должен вести себя как мудака со мной. Не должен. Я не сделала тебе ничего плохого и устала находиться тише воды, ниже травы рядом с тобой. Я помогаю заботиться о детях с момента их рождения. Ты не можешь это изменить — это факт. Мне жаль, что ты считаешь это своего рода конкуренцией, или чтобы ты там, нахрен, себе не придумал. Они твои. Но это не значит, что я ничто для них, и ты не можешь вести себя, будто я таковой являюсь.

— Я не считаю тебя ничем.

— Послушай, знаю, что не нравлюсь тебе.

— Это не...

— Следующие девятнадцать лет тебе придется смириться с моим присутствием, — в ее глазах начали появляться слезы, а несколько слезинок скользнули по щекам. — Я сожалею об этом. Очень-очень сожалею. Но нам нужно разобраться, как существовать таким образом, потому что к лучшему или худшему, я здесь, и довольно утомительно пытаться ужиться с тобой.

Кейт развернулась уйти, и мой желудок сжался.

— Почему ты всегда так делаешь? — спросил я в раздражении. — Не даешь мне ничего ответить, а просто разворачиваешься и уходишь?

— Я знаю, что ты скажешь, Шейн. Ты уже сказал это, помнишь? Я просто спасаю нас обоих от слов, которые ты не сможешь забрать назад.

— Ты только и делаешь, что бесишь меня! — крикнул я, когда она начала уходить.

— Это просто бонус, — ответила она тихо.

Я почесал голову в раздражении, рык вырвался из глубины горла, прежде чем надел фуражку и вышел за дверь.

Она всегда так чертовски раздражала. Она ведет себя, будто я мудака, и хотя могу отчетливо вспомнить времена, когда вел себя так, за прошедший год чаще между нами было все хорошо. Мы стали лучшими друзьями? Совсем нет. Но это не делало меня мудаком.

Тот факт, что она продолжала утверждать, что не нравится мне, бесил. Я никогда не говорил, что она мне не нравится. Она была нормальной. Приятной. Просто она не была той, с кем я хотел проводить то малое количество свободного времени, что у меня было. Это также не делало меня мудаком.

Я не мог понять, почему Кейт продолжала меня отталкивать. Она хотела, чтобы я упал на колени и попросил ее навсегда стать моей лучшей подругой? Потому что подобного никогда не произойдет.

Но я никогда, ни разу не вел себя так, чтобы она чувствовала, будто должна быть тише воды, ниже травы рядом со мной.

Это была полнейшая херня.

Нас объединяли дети. Это все. Я не собирался притворяться, будто она интересная или сексуальная, или забавная. Это было бы несправедливо для нее, испортило бы все, что есть

сейчас.

В доме было шумно, когда я вошел в парадную дверь этим вечером после чертовски долгого рабочего дня. Я проверял и перепроверял списки весь день, бегая по базе, чтобы подготовить все для боевого задания, что медленно наступало. Боже, я так устал. Устал и в ужасном настроении.

— У тебя великолепно получается, Сейдж! — голос Кейт повышался из-за грохота кастрюль, с которыми Ганнер и Гевин играли на полу. — Убедись, что займешь весь противень, хорошо?

Келлер был тихим впервые за долгое время, строя что-то из «лего» на кухонном столе, а Кейт ходила вокруг Сейдж, когда та вырезала печенье из теста по форме напоминающее кукурузу.

— Чем-то очень вкусно пахнет, — объявил я, кладя ключи и бумажник на прилавок.

— Мы сделали тушеное мясо, да, Сейдж? — сказала Кейт с робкой улыбкой. — Сегодня холодно, и хочется какой-то вкусной, домашней еды.

— Это печенье по рецепту Элли? — спросил я, и мой рот наполнился слюной.

— Да, и рецепт тушеной говядины моей мамы.

— Черт побери. Когда будет готово? — спросил я, расстегивая верх униформы. Я немедленно хотел стянуть форму и надеть какие-нибудь шорты и футболку, которая не пахла бы потом.

— Эм, — заикаясь, Кейт наблюдала за моими пальцами, и я осознал, что мое сердце бешено стучит в груди. — Примерно через двадцать минут, — наконец, ответила она.

— Тогда я сначала приму душ.

— Хорошо.

Она все еще пялилась на меня, и я не мог понять, то ли это было из-за напряжения всего дня, то ли из-за чего-то другого, но мне внезапно захотелось забрать ее с кухни, подальше от четырех спиногрызов, что создавали так много шума.

— Могу я поговорить с тобой секунду? — спросил я, наклонив голову набок.

— Конечно. Эй, Сейдж, присмотришь за ними? Я вернусь через минуту.

Кейт проверила, что Сейдж стоит подальше от плиты, и, подняв Ганнера с пола, посадила в манеж между кухней и гостиной, чтобы играть с игрушками, прежде чем последовала за мной по коридору и вверх по лестнице.

Когда мы добрались до моей комнаты, я потянулся и встряхнул плечами, пытаясь снять с бицепсов узкий рукав формы. Закатывать туго рукава было проблематично, они так натягивались, что было чертовски сложно их стянуть.

Я ощутил прикосновение пальцев между моей кожей и тканью, и перестал двигаться, когда она стянула один рукав, а затем второй.

Ее дыхание было слегка поверхностным, немного тяжелым, и ощущение его на моем плече стало соломинкой, которая сломала спину верблюда.

— Все, что ты... — начала спрашивать Кейт.

Я обрушил свой рот на нее, прежде чем она заговорила, и издал смущающий стон

отчаяния, когда ее губы приоткрылись, и она пустила меня внутрь.

На вкус она была как имбирь, вероятно, из-за печенья, которое принесла с собой этим утром, и по какой-то причине это усилило мое желание, пока я не начал дрожать.

Мои руки тряслись, когда одной я потянулся к ее хвостику на затылке, а другой скользнул по спине, пока не достиг сладкого местечка чуть ниже задницы. Я обхватил пальцами ее бедро, когда она захныкала мне в рот, стараясь взобраться по мне, и без задней мысли, закинул ее ногу себе на бедро.

Дерьмо. Она была такой горячей. Я ощущал это через ее штаны. Второй раз в своей жизни, я благодарил Бога за леггинсы, и засунул руку под них, не останавливаясь, пока не нашел местечко, где она был влажной.

Она выгнулась, пытаясь предоставить мне больше места, и я оторвал рот от ее, чтобы перевести дыхание.

— Пожалуйста, не останавливайся, — умоляла она, когда прижимала бедра к моей руке.

— Сними футболку, — приказал я яростно, пытаясь сразу во всем разобраться. Мне нужно было все это. Прямо в эту секунду.

Вместо того, чтобы снять свою майку, она стянула лямки и опустила материал под грудь. Никакого лифчика. Спасибо, бл*дь. Я высунул руку из задней части ее леггинсов и скользнул спереди, сразу же найдя клитор и пощипывая его пальцами, когда наклонился.

— Осторожнее, пожалуйста, — предупредила она, дернувшись, когда я приблизился к ее грудям.

— Я буду нежным. Ты сняла колечки, — пробормотал я, медленно обхватывая правый сосок своим ртом.

— Я подумала, что должна это сделать, — ответила она, изогнув спину.

— Ты сняла и эти тоже, — сказал я, скользя в нее двумя пальцами и прижимая ее клитор большим пальцем. — Мне нравились они.

— Черт, — пробормотала она, подогнув колени, чтобы надавить на мои пальцы внутри нее. — Этого недостаточно.

— Достаточно.

— Нет, я близко. Боже. Это не...

Затем я прикусил ее сосок, осторожно, потому что он казался очень чувствительным, и она кончила, ахая и разбиваясь на кусочки, когда моя рука между ее ногами покрывалась ее влагой.

Я медленно вытянул руку, проведя пальцами по всему, до чего мог дотянуться, затем поднял и засунул два пальца себе в рот.

Она была на вкус не такой, как я помнил. Может, даже лучше.

Она потянулась к моему ремню, когда звук маленьких шагов, поднимающихся по лестнице, донесся до наших ушей.

Святое дерьмо.

Мы суетились, чтобы выглядеть прилично, она натянула майку обратно на затвердевшие соски, а я скользнул рукой себе в штаны, чтобы потянуть вверх свой член и спрятать его под ремнем, вытаскивая рубашку, чтобы она все прикрывала. Бл*дь, это больно.

— Я голоден! — закричал Келлер, подойдя к двери.

— Хорошо, дружок. Я спущусь через секунду, — сказала Кейт неловко.

— Я очень голоден, — настаивал он.

— Мы спустимся, дружище, — сказал я отцовским голосом, просто своим тоном

предупреждая его, что разговор закончен.

— Хорошо, — он развернулся и начал спускаться вниз по лестнице, с грациозностью слона, и вот они мы: стоим в полуметре друг от друга, чувствуя неловкость.

— Бл*дь, — пробормотал я, проведя рукой по лицу, что сделало все хуже, потому что она пахла как Кейт.

— Было весело, — сказала она с ухмылкой, смотря куда угодно, кроме моего лица.

— Для тебя возможно, — проворчал я, рассмешив ее.

— Бедняжка, тебе нужно освобождение? — она подошла к двери и крикнула Сейдж. — Как дела, сис?

— Смотрим мультики! — закричала Сейдж снизу.

— Хорошо, мы спустимся через минутку, — крикнула в ответ Кейт, прежде чем тихо прикрыла дверь моей комнаты и закрыла ее на замок.

— Что мы делаем? — спросил я, зная, что то, чем мы занимались, было слишком плохой идеей.

— Ты ничего не делаешь, — сказала она, потянувшись к ремню. — Просто будешь стоять здесь.

Затем она опустилась на колени, и хотя моя совесть говорила мне выйти из этой комнаты, вторая часть меня заявляла, что если остановлю ее, то разревусь.

Она расстегнула ремень и пуговицы на моих брюках за секунду, и спустила мои боксеры, пока они не оказались под моими яйцами на вершине моих бедер.

— Мой исключительный рвотный рефлекс сломался, — предупредила она, прежде чем высунула язык и провела им по члену. — Тебе придется принять то, что я тебе дам.

Я не знал, почему ее слова были такими сексуальными, но мне было плевать, потому что она всосала меня в свой рот и использовала одну руку, чтобы скользить по члену. Клянусь, это был один из лучших минетов в моей жизни, хоть она и не заглатывала глубоко.

От того, как она скользнула рукой по моему бедру и перекатывала яйца в своей ладони, мое зрение затуманилось. Она была полностью сосредоточена, глаза закрыты, а ее дыхание выходило из носа, прямо возле области моего таза. Не заняло много времени, прежде чем я потянул ее за волосы, полностью отрывая ее рот от меня.

Она не проглотила, но подняла свою майку, чтобы я мог кончить ей на грудь и шею, как будто я пометил ее или что-то подобное.

Когда закончила, Кейт направилась в ванную, а я двинулся в двери, заправляя свои штаны. Когда посмотрел через перила сверху лестницы, Ганнер все еще был в манеже, остальные дети смотрели мультики.

Я вернулся в комнату как раз, когда Кейт вышла из ванной, ее грудь и шея снова были чистые и накрыты тканью, а губы красные и распухшие.

Келлер, ворвавшийся в комнату, не вытянул меня из дымки возбуждения, как и изменения ее тела из-за беременности. Я не смог остановиться, когда ощутил, что вкус ее тела изменился, или когда она встала на колени. Но по какой-то причине слова, которые она сказала мне посреди комнаты, были как ушат холодной воды, вернув меня в настоящее.

— Я спущусь вниз и закончу ужин, — сказала она с небольшой улыбочкой.

Это было слишком, чертовски, по-домашнему. «Рада, что сделала тебе минет, милый. Сейчас мне нужно вернуться, покормить детей».

— Этого не должно было произойти, — ответил, отчего ее улыбка исчезла. — О чем, черт побери, мы думали?

— Ох, ничего себе. Ладно, — она издала тихий ироничный смешок и покачала головой.

— Ты абсолютно прав. Это не повторится, — заверила она меня, отдав честь.

— Это не твой дом, — упрямо продолжил я. Боль в моей груди и чувство вины в желудке, казалось, были готовы сжечь все мои внутренности. — Я не твой муж.

— Да, ладно?

— Я не собираюсь играть с тобой в счастливую семью, Кейт.

— А я не думала, что это так называется.

— Я благодарен, чертовски благодарен, что ты заботишься о детях. Знаю, ты любишь их, и они также сильно любят тебя.

Она молчала, пока я пытался собраться с мыслями. Но было столько всего в моей голове, что я не мог сказать то, что хотел, и все выходявшее звучало жестоко и снисходительно.

— Между нами ничего не будет, Кейт. Понятно? Не уверен, на что ты рассчитываешь, думаешь ли ты, что однажды мы станем одной большой семьей, но этого не будет. Ты не Рейчел. Просто не она, и ты милая, но я не чувствую к тебе того, что к ней.

Она кивнула, смотря мне через плечо, и я видел, как тяжело сглотнула, прежде чем отвернулась.

— Ты не собираешься ничего говорить? — спросил я, когда она достигла двери.

— Думаю, все уже сказано, не так ли? — спросила Кейт, приподняв бровь. — Я не преследую тебя, Шейн. Или что ты там видишь в этом. Ты попросил меня подняться сюда. Поцеловал меня. Доставил мне удовольствие, поэтому я вернула должок. Не я инициатор.

— Ты права — моя ошибка, — вымучил я из себя.

— Ты не чувствуешь ко мне того же, но для тебя не сложно всунуть свои пальцы в любую дырку, до которой можешь дотянуться, верно? — она покачала головой и вздохнула. — Мне не нужно это. Больше не прикасайся ко мне.

Я запрыгнул в душ, как только услышал, что она спускается по лестнице, и стиснул зубы, когда мыл свою все еще болезненную опухшую эрекцию. У меня только что был самый лучший минет в жизни, но я все еще был твердым. Когда, наконец, взял свое тело под контроль, натянув старую футболку и шорты, спустился вниз, как раз, когда парадная дверь закрылась.

— Где ваша тетушка? — спросил я Сейдж, когда поднял Ганнера.

— Ушла. Сказала, передать тебе, что печенье на верхнем противене в печке, а тушеное мясо готово в мультиварке, — ответила она, пройдя мимо меня к кухне.

Когда дети уселись и поели, я, наконец, вздохнул с облегчением. Вот как должно быть. Только я и мои дети.

Затем я осознал, что Кейт ушла, не поев домашней еды, о которой говорила с таким восторгом, и почувствовал себя самым большим мудаком на планете.

— Привет, большой братец! — ответила я на звонок так весело, как могла, пока прокручивала рабочие e-мейлы.

Осталось всего пара дней до отправления Шейна на его боевое задание, и я изо всех сил старалась сделать как можно больше, пока он проводил последние дни дома с детьми. Между заботой о маленьких монстриках и постоянной тошнотой, мне было нелегко справиться с парочкой клиентов, которых я оставила, и уже это становилось мучительным. Я был истощена, и большинство вечеров, когда входила в свою небольшую квартирку, просто хотела забраться в кровать и спать, но я не могла, работа начиналась в тот момент, когда я поднималась на ноги, и без поддержки кофеина мне было тяжело хоть что-то сделать.

— Что случилось, мишка Кэти? — спросил Алекс с подозрением в голосе.

— Полагаю, ты уже слышал новости.

— Какие новости?

— Не пытайся меня обдурить.

— Да, мама звонила.

— Боже, мне не позволено сказать никому самостоятельно? — пыхтела я, рассмешив его.

— Не-а, но уверен, мама позволит тебе рассказать Брамму, желательно, когда Шейн окажется на другом конце мира, чтобы он не смог прилететь в Сан-Диего его убить.

— Но она рассказала тебе?

— Я застрял в жопе Миссури. Вероятно, она решила, что я не представляю опасности.

— Как дела? Давно не общалась с тобой, — сказала я, протянув руку к больной поясице. В армейской жизни Алекс постоянно перебирался с места на место. Иногда мне требовалось несколько минут, чтобы понять, где он живет.

— Все хорошо. Скучно, но хорошо. Что насчет тебя? Жизнь полна неожиданностей, да? — сказал он сочувствующе.

— Боже, Алекс, ты даже не представляешь.

— Как, черт побери, оказалось так, что из всех мужчин ты переспала с Шейном? — спросил он.

Я фыркнула.

— Я знаю. Парень не может вынести меня.

— Все любят тебя, Кэти. Некоторые люди просто придурки, — я услышала, как затрещало на заднем фоне, и затем он зажевал что-то хрустящее. С открытым ртом. Боже, клянусь, у моих братьев не было манер, когда они были не рядом с мамой.

— Он не придурок, — спорила я.

— Я люблю этого парня, но его голова всегда была так глубоко впихнута в задницу Рейчел, что он не видел и света белого.

— Какая очаровательная картинка.

— Ты понимаешь, что я имею в виду. Что произошло?

— Ну знаешь, парень напивается на годовщину смерти жены, его приемная мама просит девушку проверить его. Девушка набирается храбрости пойти к нему, затем выпивает кружку «Джека» с парнем и одно тянется за другим...

— Дерьмо, он обрюхатил тебя на годовщину?

— Безупречное время, я права?

— Черт, Кейт, это отстойно.

Я вздохнула, облокотившись о спинку, и закрыла ноутбук.

— Вот так вышло. Сейчас я не могу ничего исправить.

— Как ты себя чувствуешь? Мама сказала, что тебя ужасно тошнит.

— Сейчас уже немного лучше. Они дали мне препараты от тошноты, которые помогают.

Сейчас пытаюсь справиться с тем, что постоянно устаю.

— А Шейн уезжает через пару дней?

— Да. Завтра я перевезу вещи в его гараж и буду жить с маленькими монстриками все время. Шейн уедет послезавтра.

— Черт, я бы хотел помочь тебе собраться. Нервничаешь?

— Насчет присмотра за детьми? Не совсем. Я и так сижу с ними целый день.

— Насчет боевого задания Шейна. Не веди себя так, будто это пустяк.

— Конечно, я нервничаю из-за его задания, — я сделала паузу, пытаюсь сформулировать слова. — Но мне кажется, будто у меня нет права чувствовать себя подобным образом. Я хочу сказать, парень едва признает мое присутствие, поэтому не то чтобы я должна о нем переживать...

— Знаю, что ты о нем заботаешься, Кэти. Ты бы не переспала с ним, если бы было не так.

— Но для него все наоборот. Я не знаю, Ал. Чувствую себя временной. Как будто наши роли никогда не были определены. И я просто заполняю чужое место. Когда его нет, я делаю то, что нужно, раз Рейчел уже нет. Но теперь с этим ребенком, я просто... я еще более расстроена из-за боевого задания, чем должна быть.

— Это имеет смысл, сис. Ты всегда заботилась о Шейне. Дерьмо, мы все. Но это очень важный вопрос. Пять детей на твоей ответственности в течение следующих шести или семи месяцев. Ты под большим давлением, сестренка.

— Знаю.

— Он привел все дела в порядок?

— Да. Все данные по страхованию жизни, пособия перешли на меня. Эта часть доводит меня до тошноты.

— Звучит так, что в последнее время тебя всегда тошнит.

— Абсолютная правда. По крайней мере, я потеряла лишние килограммы, от которых хотела избавиться.

— Не говори так, — зло сказал Алекс. — Ты идеальна в своей форме. Тебе не нужно терять вес, особенно, когда должна его набирать.

— Это шутка, Ал.

— Глупая шутка.

— Со мной, правда, все хорошо, — сказала я, желая, чтобы он был рядом.

— Ты готова к этому, мишка Кэти?

— Думаю, мне придется.

— Ты будешь изумительной матерью.

— Ты так думаешь?

— Я это знаю. Ты была довольно хорошей матерью последний год, ведь так?

— Ты лучший брат, знаешь это?

— Знаю, убедись, что скажешь Брамму об этом, хорошо?

Я рассмеялась, и мы поговорили еще немного, прежде чем он повесил трубку, оставив меня наедине со своими мыслями.

Все вещи в квартире были собраны, за исключением кровати и туалетных принадлежностей, и я не могла сказать, что мне было грустно покидать это место. Я переехала сюда, когда пришлось сократить свой бизнес год назад, и никогда не чувствовала себя здесь как дома. Я скучала по своей двухкомнатной квартирке в Карлсбад. Скучала по возможности приглашать людей, не беспокоясь, что им негде будет сидеть. Скучала по возможности оставлять бюстгалтеры свисать с кровати, не беспокоясь, что их увидит каждый человек, вошедший через дверь.

Но также не могла сказать, что была рада переезду к Шейну. Дом в Оушенсайд не был моим. Я оставалась там как долговременный гость, и хоть Шейна и не будет, чтобы наблюдать за каждым моим движением, я все еще была немного на взводе из-за этого. Это был дом Шейна. Дом Рейчел. Он не сильно изменился спустя год после ее смерти. Когда я приходила туда присматривать за детьми, этот факт меня не беспокоил. У меня было личное пространство, куда я могла возвращаться: маленькое святилище, наполненное моими вещами и декорированное по моему вкусу.

Больше у меня не будет этого. Я буду жить в чужом доме. Чужой жизнью.

По крайней мере, Шейн свел свои вспышки гнева до минимума после нашего небольшого взаимодействия в его спальне неделю или две назад. Боже, все так плохо закончилось.

Я никогда не была хороша в том, чтобы в чем-то разбираться. Некоторые мои детские воспоминания включали в себя царапины и травмы, которые я получала, совершая что-то, не думая о последствиях. Поэтому, увидев, как он расстегивает рубашку тем вечером, я не могла думать ни о чем другом, кроме движений его пальцев, когда он вытягивал пуговицы из прорезей. Он даже не обращал внимания на свои действия, совершая их на автопилоте.

Я позволила ему заманить меня в свое логово.

И хотя после этого он повел себя как полный мудак, я не могла об этом сожалеть. Я очень сильно хотела его. И на пару минут получила.

У меня не было иллюзий, что по мановению волшебной палочки Шейн влюбится в меня. Я не воображала, как иду по проходу к алтарю или даже держусь с ним за руки на тротуаре. Я любила его издали на протяжении большей части своей взрослой жизни, и хотя не видела, что это изменится в ближайшее время, я также не ожидала, что он вернет мне эти чувства когда-нибудь.

Я нормально к этому относилась. По большому счету.

Боялась того дня, когда он найдет кого-нибудь еще, зная, что моя жизнь резко изменится, но ожидала этого. Еще в раннем возрасте поняла, что иногда люди уезжают, хотят они того или нет, и я бы предпочла, чтобы Шейн уехал, когда найдет осчастливившую его женщину.

Когда мне было девять лет, мои родители усыновили маленького мальчика, на плечах которого, казалось, был тяжелый груз. Он был на год младше меня и немного меньше. Помню, что он не говорил много, но был вежлив, когда делал это. Клянусь, для моего девятилетнего разума ребенок казался призраком, но уже тогда я знала, что и призракам нужны друзья. Поэтому старалась быть с ним дружелюбной, и хоть он и был терпим ко мне, не уверена, что сильно нравилась ему. Но в один день после школы пришла его социальный работник, и я увидела улыбку ребенка. Оказалось, что его мама оставила его ужасного отца,

и ей передали опеку. Он покинул наш дом с самой большой улыбкой, которую я когда-либо у него видела. Хотя я и знала, что буду скучать, не могла сдержать радость, что он счастлив отъезду.

Если Шейн найдет кого-то, он должен также оставить меня. Радостно. Даже если это разорвет меня в клочья.

— Меган приглядывает за детьми, поэтому нужно все сделать быстро, — проинформировал Шейн, когда прошел мимо меня в квартиру на следующее утро.

— Да, — ответила я, мои глаза расширились, когда следом за ним вошли двое мужчин. — Привет, кто вы?

— Это Эрик и Майлз, — проинформировал меня Шейн, укладывая маленькие коробки на кухне, чтобы унести три за раз. — Они помогут тебе переехать.

— Вау, спасибо, ребята.

— Всегда, пожалуйста. Шейн помогал нам с женой в прошлом году, — сказал парень повыше, потянувшись поднять большую коробку по центру комнаты.

— Он пообещал мне пиво, — прошептал тот, что был ближе ко мне, подмигнув. Ого, он был похож на милого ботаника.

— Черт, если вы все распакуете, когда мы закончим, я испеку вам торт, — ответила я с улыбкой.

— Поживее, ребята, — сказал Шейн резко, проходя к моей двери с первой партией коробок.

Я схватила мусорные мешки с постельными принадлежностями, которые упаковала этим утром и последовала за ребятами из дома, раздраженно фыркая, когда мешки отскакивали от перил лестницы снаружи.

— Какого хрена ты делаешь? — рявкнул Шейн, забирая мешки из моих рук, прежде чем я почти опустила их на пол.

— Что ты делаешь?

— Ты не должна спускать вещи по лестнице.

— Это одеяла, Шейн. Они почти ничего не весят.

— Ты могла бы споткнуться.

— Зато упала бы на мягкое, благодаря одеялам, — спорила я упрямо. Он вел себя как придурок, и хоть я и не возражала против его помощи с переездом, мне не нравился тон, которым он со мной говорил.

— Как насчет того, что ты просто поедешь в дом, и мы встретимся там.

— Как насчет нет? Как насчет того, что я поднимусь наверх, возьму побольше вещей, чтобы мы сделали все побыстрее?

— Ты не будешь помогать нам с коробками.

Я молчала, когда друзья Шейна поднялись по лестнице мимо нас, чтобы взять еще коробок, но продолжала сердито смотреть на него, пока они не оказались за пределами слышимости.

— Сейчас ты ведешь себя как мудака.

— Потому что не позволяю тебе нести коробки? — сказал он решительно.

— Нет, потому что говоришь со мной, будто я идиотка! — о нет, обезумевшая от гормонов вырвалась на свободу.

— Дерьмо, Кэти, — сказал он тихо, ступая вниз по лестнице. — Я не хочу, чтобы тебе было больно. Ты можешь просто руководить или что-то подобное?

— Оу, полная противоположность. Я впечатлена.

— Иногда я задаюсь вопросом, намеренно ли ты пытаешься вывести меня из себя, — сказал он раздраженно, пока вертел мешки в руках.

— Может, меня нужно отшлепать, — сказала я серьезно, прежде чем развернулась и поднялась по лестнице, пока он стоял с открытым ртом.

Я не знала, стоило ли мне расстроиться, что у меня так мало вещей или восхититься, как быстро парни собрали мои вещи, потому что всего тридцать минут спустя грузовики были загружены, и мы направились в дом Андерсонов.

Настало время войти в роль мне не предназначенную.

— Тетушка Кейт! У нас есть сюрприз для тебя! — кричала Сейдж, когда Меган вела их с мальчиками через улицу.

— Спасибо, что присмотрела за ними, Меган, — сказала я, когда она передала мне спящего Ганнера на руки.

— Никаких проблем, соседка. Эрик в любом случае помогал вам.

— Ох, твой муж супервысокий или супергорячий?

— И то, и то?

— Ладно, тогда супергорячий.

Мы рассмеялись, затем схватили маленькие ручки и переместились на газон, когда парни перевозили грузовик Шейна на подъездную дорожку.

— Пойдем, посмотрим! — заскулил Келл, потянув меня за руку.

— Посмотрим!

— Посмотрим!

— Хорошо, хорошо, я иду, — я повернулась к Меган, которая была занята, не давая сыну бежать к задней части грузовика. — Спасибо еще раз, Меган.

Дети радостно болтали, когда мы вошли в дом, и меня потащили в свободную спальню. Когда Сейдж открыла дверь с размаху, я не смогла сдержать слез.

— Мы подумали, что тебе нужна кровать получше, — сказал Шейн тихо у меня за спиной. — Ничего сверхъестественного, но матрас новый и ...

— Я люблю ее.

— Да?

— Это самая лучшая кровать за всю историю кроватей.

— Я бы не стал так преувеличивать, — ответил он с небольшой улыбкой. — Мы отнесем твою старую в гараж на случай, если тебе понадобится запасная комната или еще что-то.

— Вы сделали это для меня? — крикнула я детям, которые сейчас прыгали по кровати.
— Мне очень нравится.

— Мы также купили тебе новое постельное белье! Потому что папочка сказал, что твое старое не подойдет, — Сейдж перекрикивала шум, который создавали ее братья. — Но папочка забыл постирать его, и вспомнил только сегодня утром, поэтому оно все еще в сушилке.

Я посмотрела через плечо и увидела, что Шейн тихо смеется.

— Упс, — сказал он, несильно пожав плечом. — Вероятно, сейчас уже все готово.

— Сейдж и Келлер, — крикнула я, привлекая их внимание. — Вы можете вытащить мое новое постельное белье из сушилки и помочь застелить мою новую кровать?

— Я принесу! — закричал Келлер, пробежав мимо меня.

— Она сказала, нам обоим это сделать, Келлер! — закричала Сейдж возмущенно.

Я улыбалась на их препирательство и наблюдала, как Гевин понял, что ему больше не с кем играть и резко плюхнулся на кровать. Из-за количества слюны, просачивающейся в плечо моей футболки, у меня было ощущение, что Ганнер уснул, пока я его держала.

— Все коробки, которые нужны в доме, отмечены, верно? — спросил Шейн, когда Келлер и Сейдж вбежали назад, споря, кто застелет свою сторону простыни.

— Да, все отмечены. Их одиннадцать. Я посчитала.

— Хорошо, я возьму их. Ты хочешь, чтобы я отнес Ганнера в кроватку? — он вытянул руку, чтобы просунуть ее под головку Ганнера.

— Нет, но думаю, ты можешь увести остальных монстриков на какое-то время? — спросила я уныло. — Я бы хотела забраться на свою новую кровать с Ганнером и вздремнуть.

Он нежно улыбнулся, отчего у меня перехватило дыхание, и кивнул.

— Сейдж! Келлер! Гевин! — закричал Шейн. — Давайте дадим Кейт немного полежать с малышом, а вы, ребята, поможете разгрузить оставшиеся вещи из грузовика.

Когда все покинули мою комнату, я легла на скрученную простынь и свернулась вокруг Ганнера на большой кровати. Мое одеяло и подушки еще не доставили в дом, но я уснула почти мгновенно, как только голова коснулась матраса.

Я проснулась немного позже под своим любимым одеялом, а Ганнер пропал.

— Ганнер? — закричала я в панике.

Я спрыгнула с кровати и побежала вниз, где смогла услышать Шейна и детей на кухне.

— Где Ган... — он сидел на своем высоком детском стульчике и ел чернику.

— Извини, — сказал Шейн робко с того места, где разговаривал с милым ботаником. — Когда я пришел вас проверить, он не спал, поэтому я забрал его к нам.

— Святое дерьмо, я решила, что потеряла его, — ахнула я, закрыв лицо одной ладонью.

— Сверху лестницы ворота, он бы не смог уйти далеко, Кэти, — напомнил мне Шейн со смешком.

Да, для него, может, это было и смешно. Я же разразилась слезами.

— Ох, дерьмо, — пробормотал милый ботаник.

— Черт, Кейт, — вздохнул Шейн, подойдя ко мне и притянув к своей груди. — Почему ты плачешь?

— Я проспала это! Я даже не знала, что его забрали.

— Ты устала, — прошептал Шейн мне на ухо.

— Я всегда уставшая! Что если я не проснусь, когда кто-нибудь из них будет нуждаться

во мне?

— Успокойся, Кейт, — решительно приказал Шейн, скользя руками по моей спине, пока не обхватил мою голову. — Перестань плакать! Эй. Ведь я был здесь. Когда засыпала, ты знала, что я не позволю ничему случиться с детьми.

— Наверное, — шмыгнула я носом.

— Верно, поэтому ты, вероятно, заметила, когда я взял Ганнера, но не подумала об этом, просто отвернулась и снова уснула.

— Да, но...

Его лицо располагалось близко к моему, и я могла отчетливо слышать его тихий голос, хотя дети создавали много шума, пока ели.

— Больше никаких слез, — сказал он с небольшой улыбкой, стирая слезы с моих щек.

— У тетушки Кейт будет ребеночек. Вот почему она все время плачет! — прокричал Келлер через шум, из-за чего тело Шейна замерло.

Он отпустил меня и вернулся к своему другу, который наблюдал за нами широко раскрытыми глазами. Новость не должна была привлечь его внимание, ведь среди женщин моего возраста много матерей-одиночек или незамужних, но то, как Шейн держал меня, и то, как изменился язык его тела после маленького объявления, должно быть стало огромным красным флагом.

— Еда на столе, Кейт, — сказал Шейн, не глядя на меня. — Вероятно, ты должна поесть.

Я кивнула, хоть он и не смотрел на меня, и направилась к Ганнеру, чье лицо было измазано едой.

— Ты хорошо поспал, мартышка? — спросила я нежно.

— Окейки, — ответил он с большой улыбкой.

— Прыжки на кровати! — закричал Гевин, когда я прошла мимо него.

— Лучше бы ни одной мартышки не было на моей большой кровати! — подразнила я его, подтолкнув в бок.

Слава богу, день, наконец, подошел к концу. Дети были так заведены перед сном, что складывалось ощущение, будто они никогда не лягут спать. Хотя я понимала. Шейн уедет утром, и они беспокоились о его отъезде. Мы решили, что парень-ботаник, чье имя было Майлз, отвезет Шейна в пункт выброски десанта, вместо того, чтобы везти туда детей. Я не была уверена, что это за место, но мне казалось, что все семьи, собравшиеся попрощаться со своими военными, испугают их.

Я переоделась в ночнушку и улеглась в кровать, расслабившись на родной подушке. Черт, я боялась наступления утра. Не знала, как буду спать эту ночь. Моя тревожность возрастала с каждым изменением цифр на будильнике.

— Тетушка Кейт, могу я поспать с тобой? — прошептала Сейдж в дверном проеме, прерывая «что если» сценарий, развивающийся в моей голове.

— Конечно, иди сюда, — прошептала я, приподнимая одеяло. — Кровать, должно быть, может вместить двадцать людей.

— Я тоже! — закричал Гевин, когда его коротенькие ножки ворвались через мою дверь.

— Я думала, вы, ребята, спите!

— Гевин продолжает бить по своей стене, — сказала сердито Сейдж.

— Я не устал, — объявил Гевин, подползая к нам с Сейдж, похрюкивая.

— Хорошо, но я устала. Поэтому вам нужно уснуть.

— Хорошо, — пробурчал он, положив голову мне на плечо.

Я повернулась к нему и обняла его тельце, когда почувствовала, что Сейдж прижалась ко мне со спины.

Было тихо какое-то время, пока тела детей тяжелели, затем Гевин начал немного похрапывать, как всегда и делал, и я не осознала, что Келлер вошел в комнату, пока он не забрался в изножье кровати.

— Эй, дружок, — сказала я, когда он не произнес ни слова. — Не можешь уснуть?

— Я остался один, — сказал он, слегка шмыгнув носом.

Он забрался на кровать со стороны Гевина и лег рядом лицом к нам.

— Оу, дружок. Ты хочешь поспать здесь? — после того, как два года делил комнату с Гевинем, Келлер ненавидел спать в одиночестве. Я задавалась вопросом, перерастет ли это он.

— Да.

Он уснул через минуту, а я лежала, проводя руками по его волосам долгое время. За Келлером нужно будет пристально наблюдать в течение следующих недель.

Сейдж принимала все тяжело, но старалась все усваивать, пока не разобралась, и затем тихо примирилась с тем, что происходит. После смерти Рейчел она в какой-то степени погрузилась в себя, но через несколько месяцев стала Сейдж, которой всегда была, не считая того, что дергалась во сне.

Гевин просто плыл по течению. Он был таким покладистым, даже чересчур. Я задумывалась, это из-за его возраста или Бог просто решил, что Шейну и Рейчел нужна полная противоположность их старшего сына, чтобы они не сошли с ума?

Келлер принимал все тяжело, и часто попадал в неприятности. Он был таким чувствительным. Думаю, большинство людей считали, что его поведение связано с тем, что он просто засранец, но я знала его с рождения. Бедный малыш принимал все близко к сердцу, и чувствовал все усиленно, неважно, был ли это страх, печаль или тревога. И это всегда выходило из него с агрессией.

Я прислушивалась, как дом погружался в тишину, и молилась, чтобы у меня получилось позаботиться об этих детях в одиночку.

— Похоже, здесь вечеринка, — сказал Шейн из дверного проема, затем обошел кровать, чтобы я могла его видеть. — Хорошо, что я купил тебе большую кровать.

— Однозначно. Слава Богу, Ганнер не может вылезти из своей кровати, иначе, боюсь, мы бы свисали по краям.

— Хочешь, чтобы я отнес их по своим кроватям?

— Да, они, вероятно, будут лучше спать, — ответила я, целуя потный лобик Гевина.

Шейн обошел кровать и подхватил Сейдж, молча направляясь к двери, когда я встала.

— Тебе не нужно подниматься, — прошептал он, когда вернулся.

— Ты должен забрать Гевина первым. Если Келлер проснется до возвращения Гевина в комнату, он закапризничает.

— Верно, подмечено, — кивнул он, наклонившись над Гевинем. — Вернусь за

Келлером.

Я свернулась на внезапно пустой кровати, когда Шейн, наконец, отнес Келлера в комнату. Я ругала себя за то, что попросила его отнести детей, когда Шейн вернулся.

— Пододвигайся, — приказал он, закрывая за собой дверь.

Я пододвинулась и тяжело сглотнула, когда он снял футболку через голову, прежде чем лег рядом лицом ко мне.

— Не можешь спать? — спросил он.

— Я бы хотела, чтобы ты не уезжал, — выплюнула я, мгновенно зажмурившись, чтобы не видеть выражение его лица.

— Да, я тоже не в восторге от этого, — ответил он со вздохом, закатив глаза.

— Я подумала, ну... Рейчел всегда говорила, что ты хотел уезжать.

— Сейчас все по-другому.

— Это преуменьшение.

— Я не беспокоюсь о том, как ты будешь заботиться о детях, ты знаешь это, верно? — спросил он, хватая одну из моих рук, притягивая меня ближе, пока я не прижалась к его боку. — Я не доверяю никому больше, чем тебе.

— Я переживаю.

— Я тоже буду. Здесь много обязанностей с детьми.

— Переживаю за тебя.

— Единственное, о чем ты не должна переживать.

— Не могу ничего поделать с этим.

— Я вернусь, не успеешь оглянуться.

— Я стану огромной к твоему возвращению, — пожаловалась я.

Он мягко рассмеялся, отчего кровать затряслась.

— Вероятно.

— Я скучала, — прошептала тихо, сворачивая ладонь в кулак на его груди.

— Я еще даже не уехал.

— Нет, я скучаю по тебе уже давно.

Он молчал долгое время, поэтому я задумалась, что совершила ошибку, подняв тему, которая остро стояла последний год.

— Я был придурком в те времена.

— Ты был моим лучшим другом.

— Я знаю, — вздохнул он, крепче притягивая мое тело к себе.

— Это была просто глупая влюбленность. Я бы пережила ее. Я пережила ее, — уверяла я.

— А мне был двадцать один год, и я был зол на весь мир, — напомнил он мне. — Было проще притвориться, что тебя не существует. Я знал, что если увижу, как ты наблюдаешь за мной печальными карими глазами, я сделаю что-нибудь глупое.

— Поэтому ты приударил за моей соседкой. Боже, это был поступок мудака, — настаивала я.

— Так и было, — хихикнул он. — Но черт, Рейчел была так сексуальна.

— Ладно, разговор окончен.

— Извини.

— Она была очень сексуальная, — проворчала я. — Если бы я увлекалась цыпочками, то она бы сразила меня наповал.

Он издал удивленный смешок, и все мое тело согрелось.

— Ты сумасшедшая.

— Я скучаю по ней, — призналась я, мое горло сжалось.

— Черт, я тоже.

— Иногда я беру свой телефон, чтобы написать ей.

— Я перекатываюсь на бок утром в кровати и ожидаю, что она будет рядом.

— Она, правда, позволяла тебе видеть ее без макияжа? Я думала, она выпрыгивала из кровати и накладывала его до твоего пробуждения, — пошутила я.

— Она делала так первый год наших отношений, — сказал он сквозь смех. — Потом я, наконец, поймал ее, прежде чем она смогла выскользнуть из кровати, поэтому перестала так делать.

— Клянусь, она была моей полной противоположностью, — ворчала я. — Я ненавижу укладывать волосы и краситься.

Я запрокинула голову, посмотреть на него, и увидела, что он улыбается.

— Тебе не нужно это.

— Что?

— Тебе не нужно все это дерьмо: макияж и т.д.

— Нет, нужно. Я просто ленивая.

— Нет, это не так. Твоя кожа без недостатков, — сказал он тихо, протягивая руку, чтобы провести пальцем по моей щеке. — Твои губы алые, и когда ты улыбаешься, клянусь, люди не могут сдержать ответную улыбку. Это заразно.

— Ты не должен говорить это.

— Что? Правду? Кейт, ты по природе уверенная в себе. Рейчел была красавицей, да. Но она старалась ради этого, потому что не чувствовала себя таковой, — он печально улыбнулся. — Не сравнивай себя с ней. Это как яблоки и апельсины.

— Полагаю, старые привычки умирают с трудом.

— Уверен, я не помогал с этим.

— Это правда. Придурок, — сказала я с игривой усмешкой.

— Я ненавижу то, что видел тебя голой, — сказал он, покачав головой, отчего я отшатнулась в ужасе.

— Вау, да пошел ты!

Я пыталась отстраниться, но он прижал меня крепче к груди.

— Твое тело — безумное, Кейт, — сказал он мне, пока не перекатился так, что навис надо мной. — Я смотрю на тебя и не вижу гребаную потрепанную одежду, которую ты носишь. Я вижу, как твои груди дергаются, когда я тяну за соски. Вижу, как ты стискиваешь челюсти, когда кончаешь, и как твои алые губы обхватывают мой член.

Моя челюсть отвисла, и я посмотрела на него в шоке.

— Ты лучшая подруга моей жены. Моей умершей жены. Понимаешь это? Я смотрю на тебя и не вижу Кейт, которая сводила меня с ума, когда мы были детьми, или Кейт, которая была лучшей подругой Рейчел. Я вижу Кейт, которая брала меня в рот и затем умоляла о большем. Это ненормально. Какого черта я должен с этим делать?

Это не был риторический вопрос. Он спрашивал у меня, что ему делать, и я понятия не имела, что ответить.

Его руки дрожали, а глаза заволочло замешательство. Это напомнило мне время, когда я увидела его впервые: он сидел за столом моих тети и дяди за ужином, изо всех сил стараясь

отстраниться, пока они пытались вовлечь его в разговор.

Я подняла руку и нежно провела по его щеке, мое сердце болело за него. Может, это мое доброе сердце, или гормоны беременной, из-за которых я плакала во время рекламы, показывающей щенков чау-чау, но я очень сильно хотела успокоить его.

Я видела, откуда пришел этот мужчина. Я знала его демонов и историю, и могла почувствовать вину, исходящую от него волнами.

— Ты не должен разбираться в этом сегодня, — прошептала я. — Ты ничего не должен делать.

— Да, думаю, да, — сказал он горько.

Затем его губы коснулись моих, так нежно, что я едва почувствовала.

— Ты должна прогнать меня.

— Какого черта я должна это делать? — ответила я, всасывая его нижнюю губу. — Не то чтобы я могу забеременеть от тебя...

Он замер, и я пожалела о своих словах. Клянусь, иногда я совсем не думаю, что несу.

Он переместился, не сказав ни слова, и осторожно задрал мою ночнушку. Когда, наконец, расположился между моих коленей, наклонился и прижался лицом к моему животу.

— Ты вынашиваешь моего ребенка, — произнес он у моей кожи.

Слезы брызнули из моих глаз по щекам. Он, наконец, сказал это.

— Да, — ответила я, мой хриплый голос обличал небрежность в моих словах.

— Я сделаю все, что в моих силах, — сказал он нервно. — Обещаю. Я буду хорошим отцом для него.

— Ты уже хороший отец.

— Для этого ребенка, — ответил он, поднимая голову и прижимая ладонь к моему животу. — Я буду хорошим отцом для этого ребенка.

— Я никогда не сомневалась.

— Я сомневался, — признался он, его стыдливый взгляд встретился с моим.

Правда в его словах обрушилась на меня как тонна кирпичей, и я, наконец, поняла, почему он игнорировал доказательство того, что у нас будет ребенок.

Я кивнула, и он кивнул в ответ. И вот так, без слова, мы заключили соглашение заботиться об этом ребенке, неважно, планировали мы его или нет.

— Так, я не буду трахаться долгое время, — сказала я слезно через пару минут, разрушая напряжение, которое, должно быть, просто убивало его. — Ну, понимаешь, из-за всей этой беременности. И ты не будешь трахаться долгое время из-за войны за свою страну, — я подняла веки, когда провела руками по щекам и заметила, что облегчение и какая-то нежность украсили его черты лица.

— Это правда. Что думаешь? — спросил он с робкой улыбкой.

— Думаю, что сегодня наша последняя ночь заняться приятной-приятной любовью.

— Вы пытаетесь соблазнить меня, миссис Робинсон?

— Если ты спрашиваешь, очевидно, я делаю это неправильно, — ответила я, когда он

схватился за мои трусики и спустил их по ногам.

— Ты уже влажная, — прокомментировал он в удивлении, когда раздвинул мои колени.

Я в смущении прикрыла лицо рукой.

— Ну, твое лицо было достаточно близко к моей нижней части.

— Твоей нижней части? — спросил он в изумлении, его дыхание щекотало мою разгоряченную кожу.

— Ну, как бы ты назвал это?

— Вагина. Щелка. Киска... Клитор.

— Дерьмо, — выдохнула я, когда он лизнул меня. — А у вас грязный ротик, мистер Андерсон.

— Он может быть еще грязнее, — ответил он, прежде чем всосал мой клитор между зубами.

Руки Шейна двигались по моим бедрам, когда язык и губы двигались между ними, и впервые он не торопился. Каждое облизывание и посасывание было осознанным, мягко толкая меня за край и утягивая назад, пока я не вспотела и не изогнула спину над новой простыней.

— Ты готова? — спросил он, задыхаясь, когда, наконец, отстранился, спуская свои шорты по ногам.

— Если ты не заставишь меня кончить в течение тридцати секунд, то я сделаю тебе больно, — захныкала я, рассмешив его.

— Когда ты кончаешь, твое влагалище практически пульсирует, и ты становишься чертовски мокрой, — прошептал он мне в ухо, расположившись надо мной. — Я хочу, чтобы ты была вокруг моего члена, когда это случится.

Шейн скользнул в меня одним быстрым толчком, затем поднял одно из моих коленей, пока моя нога не согнулась между нами. Он пристально вглядывался в мое лицо, снова и снова медленно толкался, обернув мои ноги вокруг себя, изменив угол этим, пока, наконец, не нашел местечко, из-за которого все мое тело затряслось.

— Вот, — прошептал он с удовлетворенной улыбкой. — Держись, детка.

— Святое дерьмо, — пробурчала я, когда он ударял по этому местечку снова и снова. Все мое тело замерло, когда он двигался. Я боялась, что изогнусь, и снова его потеряю, а ощущение того, как он потирался о мою точку G, было не тем, что хотелось отпустить.

— Ты такая милая, — сказал Шейн с улыбкой, когда я смотрела на него широко раскрытыми глазами. — Так отчаянно стараешься не двигаться.

— Боже, так хорошо, — застонала я, когда он начал двигаться быстрее.

— Если не хочешь, чтобы я остановился, лучше обхвати меня руками, — пригрозил он, направляя бедра вперед. — Я знаю, где найти твое удовольствие. Ничто из того, что ты делаешь, не остановит меня от этого.

— Что, если...

— Руки, сейчас же, — приказал он.

Я поняла руки к его торсу, одной обняла его за спину, а другую нежно обернула вокруг горла.

Он зарычал, и я ощутила, как Шейн тяжело сглотнул, когда его лицо опустилось к моему, изменяя наклон бедер так, что я заскулила ему в рот.

— Все хорошо, я с тобой, — выдохнул он, поднимая мои ноги, пока они обе не были прижаты к его груди, и он снова толкнулся в мою точку G. — Вот так.

— Пожалуйста, — хрипло умоляла я.

— Жестче? — он выскользнул и затем яростно толкнулся в меня, поцеловав со всей страстью.

— Да. Да. Вот так.

— Иисус Христос, ты такая сексуальная, — пробормотал он мне в рот. — Ты почти у цели, Кейт. Прими это. Черт!

Я взорвалась, и он последовал за мной с глубоким стоном. Наши тела были липкие от пота, и я чувствовала себя, будто пробежала милью, когда он выскользнул из меня.

— Все хорошо? — спросил он нежно, когда помог мне выпрямить ноги.

— Чувствую себя как желе, — застонала я, слезая с кровати.

— Куда ты?

— В ванную, — пробурчала я, мои глаза уже потяжелели от истощения. — Мочевая инфекция — это не шутка.

— Сексуальная, — подразнил он.

— Простая физиология, — парировала я, уходя.

Когда вернулась в комнату, то была удивлена, обнаружив Шейна на кровати.

— Если будешь спать близко ко мне, мы сможем избежать мокрого пятна, — проинформировал он меня осторожно. — Если, конечно, ты не хочешь, чтобы я ушел.

— Нет, останься, — сказала я устало, забираясь на кровать рядом с ним. — Но я буду спать.

— Я не знаю, что мы делаем, Кейт, — сказал Шейн, когда притянул меня к своему телу спиной. — Вероятно, мы сделали все только хуже.

— Уже сожалеешь? — спросила я легко, открыв глаза.

— Нет, никаких сожалений, — заверил он меня, сжимая.

— Мы не должны ни в чем разбираться сегодня, — напомнила я ему, мой желудок сжался. — Верно?

— Да, хорошо, — прошептал он мне в макушку.

Я не знала, чего ожидала, но мои глаза наполнились слезами, и я отказывалась разваливаться на части. Я не была женщиной, которая смешивала секс с любовью — никогда не была такой. Сексуальное увлечение не было обязательным признаком сильных чувств. Иногда в течение последних лет, у меня было несколько интрижек на одну ночь.

Но мужчина, лежащий рядом со мной, был Шейном.

Я не была уверена, сколько смогу держаться, прежде чем старые чувства вылезут на поверхность, и я знала, что когда это случится, он уйдет.

И в следующий раз цена будет гораздо выше.

Я медленно принимал душ, наслаждаясь чистой ванной под своими ногами и тишиной утра. Я не знал, когда у меня снова появится роскошь испытать что-то из этого.

Боевые задания были мне не в новинку. Я делал это прежде: оставлял детей, вонял на протяжении шести месяцев, находился в постоянном состоянии боевой готовности, что не позволяло мне иметь полноценный ночной сон.

Но этим утром моя грудь сжималась не так, как прежде. Думаю, что эмоции выплывали немного ближе к поверхности, а это было опасно для мужчины в моем положении. Мне нужно было заблокировать их. Вспомнить обычную рутину, то, о чем я должен переживать и то, что должен игнорировать любой ценой.

Когда вода стала холодной, я выключил душ и отдернул занавеску.

Кейт стояла в своей ночнушке.

Я дернулся в шоке.

— Что-то случилось?

Она крепко обхватила себя руками, ее глаза были широко распахнуты, а губы дрожали.

— Я подумала, что ты уехал, — сказала она тихо, дрожа. — Ты... Я подумала, что ты уехал.

Я снял полотенце с вешалки и быстро вытерся, чтобы притянуть ее к своей груди.

— Я бы не уехал, не попрощавшись.

— Я знаю. Не понимаю, почему запаниковала.

— Ты замерзла. Пойдем, — я осторожно потянул ее в свою спальню, стянул свитер с верхней части комода и надел на нее через голову. — Лучше? — спросил, когда она просовывала руки в рукава.

— Да.

Я усадил ее у изножья кровати и был благодарен, что она, молча, сидела, пока я переодевался в свою форму.

Моя рутина в день отъезда была очень важна, я пришел к такому осознанию при первых двух заданиях. Это не являлось суеверием, я не верил в подобную херню, но немного уравнивало мое беспокойство.

Сначала я натянул боксеры, затем носки, майку, штаны, ремень, ботинки, рубашку. Положил бумажник в карман. Надел часы на запястье. Застегнул рукава. Положил фото детей в нагрудный карман.

Когда закончил, повернулся и увидел, что Кейт пристально на меня смотрит.

— Готова разбудить детей? — спросил я.

— Сколько у нас времени? — хрипло спросила она.

— Чуть больше часа, — ответил, проверяя время на своих часах.

— Мы можем подождать пару минут? Я жду, когда подействует мое лекарство от тошноты.

— Ты все еще принимаешь его? — я не осознавал, что у нее все еще токсикоз, хотя она выглядела довольно уставшей все время. Ее беременность не проходила легко.

— Все уже не так плохо, — проинформировала Кейт, когда я сел рядом с ней.

Ее волосы торчали в разные стороны и спутались за ночь. Под глазами темные круги, губы слегка потрескались. Мой свитер был большим для нее, за исключением того, что

натягивался на груди, а ее лак на ногтях был восьми различных цветов и облупился.

Как ни странно, она все еще была красавицей.

Я вытянул руку, взяв ее в свою.

— Все пройдет быстро, — сказал я, когда она кивнула, глядя на стену. — Не бойся, Кэти.

— Я не так уж хороша в этом, да? — спросила она, невесело засмеявшись, повернув голову, чтобы посмотреть мне в глаза.

Это так. Она не была хороша в этом. Не была такой же мужественной, как Рейчел. Она не заверяла меня, что все будет хорошо или что время пройдет быстро. Она не строила из себя храбрую и не вела себя так, будто даже не заметит моего отсутствия.

Я был благодарен Рейчел за то, как она вела себя. Для меня было гораздо проще уезжать с приходом времени, зная, что без меня с ней все будет хорошо.

Но Кейт была не такой. Она не была Рейчел. Ее сердце было нараспашку, эмоции всегда легко проследить. Если бы Кейт вела себя так, будто нормально относится к тому, что меня не будет шесть месяцев, не знаю, как бы себя чувствовал.

— Все будет хорошо, — успокаивал ее я с легкой улыбкой, рассмешив снова, когда слезы потекли по ее щекам. — Иди сюда.

Я потянул ее к себе на колени, и она уткнулась лицом в мою шею. Ее ногти вонзились в мою спину, когда она держалась за меня, и я в ответ усилил свою хватку вокруг нее.

Ее волосы пахли мной. Все ее тело пахло мной.

— Все из-за глупых гормонов, — пожаловалась она, всхлипывая.

— Ну, надеюсь, ты возьмешь их под контроль до моего возвращения, — ответил я сухо, целуя ее в макушку.

— Заткнись, задница, — она отстранилась и шлепнула меня по груди, наконец, справившись со слезами. — Пойдем будить детей.

— Носки! — закричал я, когда приближалось время моего отъезда.

Мы с детьми сидели на диване, обнимаясь. Это была традиция, которую я начал, когда Сейдж была еще ребенком, и я понятия не имел, как уехать от нее. Я обнимал ее так долго, как мог, как будто этого хватит мне, пока я снова ее не увижу.

Никогда не хватало.

Уезжая каждый раз, мне приходилось примиряться с тем, что к моменту возвращению, мои дети будут другими. Они вырастут, выучатся новому, потеряют зубы и отрастят волосы. Станут интересоваться новыми темами и привыкнут к моему отсутствию. Это причиняло боль.

— Вот мой! — сказала Сейдж радостно, протягивая мне один из носков со своей ноги.

— Мой! — Гевин протянул свой.

— Вот, — прошептала Кейт Ганнеру, который сидел у меня на коленях, стягивая его крошечный носочек и протягивая ему. — Что ты должен сказать?

— Мооой! — закричал Ганнер, бросая носок мне в лицо.

Кейт фыркнула, а я рассмеялся, прежде чем посмотрел на Келлера.

— Вот мой, — мрачно сказал Келлер, протягивая его мне.

— Фу! — подразнил я, когда засовывал все маленькие носки в карман брюк. — Ты должен помыть свои ноги, молодой человек. Они воняют!

Келлер рассмеялся, выглядя удовлетворенным собой, и прижался к моей груди.

— Я люблю тебя, папочка.

— Я тоже люблю тебя, Келл, — я прижал лицо к его волосам и вдохнул запах детского пота и шампуня, целуя его.

Мы все замерли, когда раздался дверной звонок.

— Он рано, — прошептала Кейт с мужественной улыбкой. — Все нормально, он может подождать.

Она направилась к двери, оставив нас с детьми на диване. Я наблюдал, как она открыла переднюю дверь, затем опустила голову в ладони и разрыдалась.

— Дедуля здесь! — закричал мой приемный отец, когда моя приемная мать обнимала Кейт и раскачивала ее из стороны в сторону.

Слава Богу, они прибыли вовремя.

— Дедушка! — закричали дети, когда все слезли с дивана, кроме Келлера.

— Хочешь помочь мне с вещами, дружище? — спросил я, вставая и усаживая Келлера к себе на бедро.

Мы поднялись наверх, и я взял свои вещи, протягивая Келлеру небольшой рюкзак с туалетными принадлежностями, iPod и дополнительным набором камуфляжа. Он выглядел огромным на его маленьких плечах, и Келл немного пошатнулся, прежде чем выпрямился, маршируя вниз по лестнице впереди меня.

— Привет, сынок, — сказал Майк, когда я опустил свои сумки перед парадной дверью. — Все собрал?

— Да, все, — ответил я, кивая. Он подал мне руку и притянул в крепкое объятие.

— Спасибо, что приехал, пап, — сказал я, пока он держал меня. — Детям будет тяжело из-за моего отъезда.

— Я именно там, где и должен быть.

— Я тоже хочу обнимашек, — прервала Элли, когда отпихнула Майка со своего пути, чтобы обнять меня. — Все собрал?

Я рассмеялся из-за повторяющегося вопроса.

— Да, все.

— У нас есть подарок для тебя, папочка! — крикнула Сейдж, подбегая ко мне с Келлером и Гевинном.

— Да?

Дверной звонок снова зазвонил, и я тяжело сглотнул.

— Я открою. Ты разверни свой подарок.

Кейт стояла в метре, держа Ганнера на бедре, и я вперился в нее взглядом на какое-то время, прежде чем посмотрел на подарок, который Келлер пихал мне в руки. Он был обернут в «Воскресный комикс», и я не смог сдержать улыбку от знакомого вида. Элли всегда оборачивала подарки в комиксы. Она говорила, что, будучи замужем за владельцем лесозаготовительного предприятия, не должна растрачивать макулатуру. Поэтому собирала все комиксы и использовала для рождественских и подарков на день рождения.

— Электронная книга! — разрушил сюрприз Келлер, прыгая вверх и вниз, когда Майлз и Майк шли к нам.

— Это самый лучший подарок, — сказал я детям на полном серьезе, целуя каждого. — Спасибо вам.

— Настало время тебе уезжать? — спросила меня Сейдж слишком серьезным для почти восьмилетней девочки голоском.

— Да. Время уезжать, — сказал я, поднимая ее и прижимая ближе. — Я вернусь, не успеешь оглянуться.

Последовала еще одна череда объятий и поцелуев, и затем еще одна, затем Элли повела детей на кухню, завтракать.

— Проводишь меня? — спросил я тихо Кейт через ком в горле.

— Конечно.

Майк и Майлз отнесли мои вещи в грузовик вперед нас, оставив нас с Кейт в нашем собственном тихом маленьком пузыре. Я обнял ее за плечи и расположил пальцы сбоку ее шеи, мой большой палец был рядом с ее пульсом.

— Я закачала много книг в читалку. В основном военную историю, триллеры и детективы. Я не была уверена, что ты... — бубнила она.

Я перебил ее поцелуем, когда мы достигли задней двери грузовика Майлза. Слава богу, окна были затонированы, и я знал, что Майк и Майлз старательно избегали места, где мы стояли, но не имело значения, если было бы наоборот.

Кейт захныкала и обхватила мою голову руками, когда я протолкнул язык в ее рот, и не смог отказать себе в удовольствии схватить ее за задницу и приподнять, пока она не была прижата к грузовику, обхватив меня ногами за талию.

Я не соображал, что творил. Между нами все так усложнялось. Слишком усложнялось.

Но я не мог вынести мысль, что уеду, не ощутив ее вкус в своем рту в последний раз.

— Не позволяй Келлеру пререкаться с тобой, — сказал я, когда, наконец, оторвался от ее губ и прижал лоб к ее.

— Хорошо.

— Сейдж будет тихой. Убедись, что пристально за ней следишь.

— Хорошо, — сказала она, кивнув.

— Думаю, что Гевин попытается перелазить через ворота наверху, поэтому тебе нужно научить их открывать, чтобы он не упал, пытаясь сбежать.

— Я смогу сделать это.

— Ганнер ненавидит ложиться спать. Но не позволяй ему спать в твоей кровати. Иначе больше не затащишь его в детскую кроватку.

— Никакого сна с Ганнером. Поняла, — прошептала она, поглаживая большими пальцами мои виски.

— Не забывай принимать витамины, хорошо? — попросил я, слегка проводя губами от ее щеки к челюсти. — Тебя слишком часто тошнит.

Я медленно опустил ее ноги по своим, и она всхлипнула, ее выражение лица отражало страх.

— Позаботься о моих детях, — прошептал я, скользя рукой под ее ночнушку, чтобы положить ладонь на живот.

— Позабочусь. Я обещаю.

Я кивнул, страстно целуя ее еще раз, прежде чем убрал ее руки от своей головы.

— Я позвоню домой при первой возможности, — пообещал я, крепко держа ее за руки.

Она пыталась вырваться, чтобы коснуться меня, но я остановил, подняв ее руки к своему

рту и поцеловав костяшки.

— Возвращайся в дом.

— Нет, — спорила она, яростно мотая головой.

— Иди в дом, Кейт.

— Нет, нет.

Она убивала меня.

— Я не хочу, чтобы ты стояла здесь одна. Иди в дом. Сейчас же, Кейт, — приказал я, слегка подталкивая. Мой желудок скрутился в гребаный узел.

Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами, наконец, кивнула, затем сделала шаг назад, только чтобы броситься вперед и последний раз поцеловать меня.

Затем я наблюдал, как она быстро шла к дому, ее плечи были прямые, голова высоко поднята, и когда она прошла через парадную дверь, я забрался на заднее сиденье грузовика Майлза.

— Оттягивал до последнего, — сказал Майлз, отъезжая с подъездной дорожки.

— Просто езжай, — приказал я, прислоняя голову к сиденью, когда засунул дрожащую руку в карман, чтобы вытащить четыре носка, которые пахли как мои дети.

Это будет долгое боевое задание.

— Алло?

Я глубоко вдохнул, услышав звук голоса Кэти, отчего почти закашлялся из-за горячего воздуха. Прошло меньше недели с моего отъезда из Калифорнии, и хотя я знал, что со временем станет терпимее, в этот момент я невероятно тосковал по дому.

— Привет, это я.

— Шейн, — завизжала она, рассмешив меня. — Я и не думала, что так скоро позвонишь.

— Появилось немного времени, поэтому я захотел проверить и узнать, как у вас дела. Как дети?

— Хорошо. О, боже мой, они будут так рады твоему звонку. Я позову их....

— Подожди, — перебил я ее, хихикнув. — Сначала поговори со мной. Как дела у Келла и Сейдж?

— Хорошо. Ну, у Келла было несколько вспышек злости, но ничего ужасного, а Сейдж приходит ко мне в большинство ночей, но по большей части с ней все отлично. Думаю, что приезд тети Элли и дяди Майка помогает.

— Это хорошо. Очень хорошо, — я снял солнцезащитные очки и пощипал переносицу. — Что насчет Гевина и Ганнера?

— Гевин, ну, это Гевин. Ничего особо не волнует этого ребенка. А Ганнер наслаждается тем, как тетя Элли балует его. Клянусь, она ни разу его не отпустила с рук, — сказал она, хихикнув, немного напряженно.

— Что насчет тебя? Как ты?

— Ох, со мной все хорошо, — ответила она беззаботно.

— Кейт, — сказал я предупреждая.

— В полном порядке.

— Кейт, — я знал, когда она лгала. Всегда мог вычислить ее. В такой ситуации последнее слово в предложении всегда было произнесено немного пискляво.

— Первые пару дней было тяжело, доволен? Я была расстроена, думаю, что тетя Элли и дядя Майк дали мне немного времени пережить это.

— Что случилось? — я выпрямился на стуле, мой желудок сжался. Какого хрена она имеет в виду?

— Просто меня тошнит чаще, чем обычно, — сказала она тихо.

— Почему ты не принимаешь таблетки? — мой вопрос оказался немного резче, чем намеревался сказать, и я услышал, как она слегка фыркнула.

— Я не могу удержать их в желудке, — пробормотала она.

— Какого хрена, Кейт? — мои короткие ногти впились в ладонь, и головная боль начала скапливаться в висках. — Ты ходила в пункт первой помощи?

— Нет, — парировала она. — Дома мне хорошо. Просто эмоциональное перенапряжение. Через пару дней я буду в норме.

— Ты не можешь так поступать, — зарычал я, чувствуя, как выхожу из себя, и провел рукой по лицу. — Я оставил с тобой своих детей. Ты не можешь облажаться.

— Ничего себе. Хорошо, эм... — она шмыгнула носом, и я почувствовал себя засранцем. Я не хотел доводить ее до слез. Черт.

Я не мог справиться с гневом, вызванным чувством беспомощности. Я не мог иметь с этим дело. Разве она не понимала? Она не понимала, на чем мне нужно было фокусироваться, и как невероятно плохо будет, если я сосредоточусь на доме, потому что она потеряла контроль над собой? Бл*дь. Мне нужно было, чтобы она уладила все в Калифорнии.

Я никогда не переживал подобного с Рейчел.

— Я позову Сейдж к телефону, — сказала она хрипло. — У тебя достаточно времени?

— Да, у меня есть еще пара минут, — я хотел извиниться. Задел ее чувства, но она не могла облажаться, когда я был на другом конце мира. Она пообещала заботиться о моих детях. Какого черта мне делать, если она не может с этим справиться?

— Я скучаю по тебе, — прошептала Кейт, но прежде чем я смог ответить, она убрала трубку.

Я знал, что облажался. Снова.

— Алло? — раздался сладкий голосок Сейдж.

— Привет, принцесса.

— Дедуля, это папочка! — я слышал, как Майк рассмеялся на заднем фоне.

— Как дела, милая?

— Ганнер залез в мусор, — радостно сказала она.

— Как, скажи на милость, это случилось?

— Бабушка помогала тетушке Кейт в ванной...

— Почему тетушка Кейт была в ванной? — перебил я ее.

— Что? — спросила она, вынудив меня повторить вопрос.

— Из-за ребеночка ей снова было плохо, — проинформировала меня Сейдж. — Но сейчас ей лучше. Дедушка должен был приглядывать за Ганнером, но Келл прыгал на диване, и дедуле нужно было остановить его, прежде чем тот разбил себе голову, — ее голос стал более глубоким на последних трех словах, как будто она подражала Майку. Я не смог

сдерживать смех.

Я не мог сосчитать, сколько раз слышала подобную фразу от Майка.

— Хочешь поговорить с Келлером?

— Конечно. Я люблю тебя, принцесса.

— Тоже люблю тебя, папочка!

Раздался какой-то треск в телефоне, и через несколько минут я услышал Келлера.

— Папочка!

— Эй, дружище!

— Кто деваешь? — похоже, он ел что-то хрустящее. Морковку? Я пытался представить в голове то, что делает, и вплоть до одежды, которая на нем была.

— Просто работаю. Что делаешь?

— Играю с дедушкой. Вчера ходили в парк, и я сам прошел весь рукоход.

— Вау. Твои бицепсы будут огромными к моему возвращению.

— Ты скоро вернешься домой?

Мое сердце ухнуло в желудок.

— Не очень, дружище.

Парень на другом конце комнаты привлек мое внимание, давая знать, что время заканчивалось. Дерьмо.

— Эй, Келл, я должен идти.

— Ладно, — пробурчал он.

— Я скоро снова позвоню, хорошо? — сказал я тихо, вставая на ноги. — Я попрошу тетушку Кейт настроить Скайп, чтобы мы могли разговаривать через компьютер.

— Хорошо. Я люблю тебя, папочка.

— Я тоже люблю тебя, Келл. Поцелуй мальчишек за меня, хорошо?

— Хорошо.

— И, Келл?

— Да?

— Больше никаких прыжков на диване.

— Сейдж! — закричал он, прежде чем соединение было прервано.

— Пока, сынок, — прошептал я телефонным гудкам, прежде чем повесил трубку на место.

Я надел фуражку и опустил очки, когда вышел из центра телефонного обслуживания. Я любил звонить домой, но мне нужно было быть уверенным, что я не звоню чаще, чем раз или два в неделю, принимая во внимание, что у меня было время. Разговор с Кейт и детьми принес мне облегчение, но я знал, что оно превратится в панику в течение дня.

Я не был уверен, насколько зла была Кейт. Я повел себя как мудака, но слова лились из меня. Коротко и ясно. Я просто был рассержен.

Я ненавидел, что Рейчел умерла. Я ненавидел, что все еще каким-то образом тянулся к ней, особенно с тех пор, как прибыл в горячую точку. Я ненавидел, что Кейт заняла любое свободное место в моей голове, вникая во все. Я ненавидел, что мне пришлось попросить ее позаботиться о моих детях, потому что у них не было матери. Я ненавидел, что был в долгу перед ней за это.

Я ненавидел, что пропускал школьную программу, новые зубки и важные этапы.

Я так чертовски сильно скучал по своим детям.

Скучал и по Кейт тоже.

Я решил, что когда в следующий раз позвоню домой, извинюсь перед Кейт. Она не заслужила плохого отношения, когда уже ужасно себя чувствовала.

И какого черта ее все еще тошнило? Разве это не должно было уже прекратиться?

Беспокойство за мою семью обосновалось внутри меня и не покидало долгое время.

Когда Шейн позвонил во второй раз, я позволила тете Элли ответить, пока сама возилась с детьми.

В третий раз меня не было дома.

Но на четвертый раз дядя Майк и тетя Элли уехали в Орегон, и у меня не осталось выбора, кроме как поговорить с ним, по крайней мере, до того, как отдать телефон.

— Алло, — ответила я ровно.

— Кэти? Это я, — сказал он нерешительно.

— Привет, Шейн. Сейчас позову Сейдж.

— Подожди! — крикнул он, прежде чем я убрала телефон в сторону.

— Что такое?

— Как дела у детей? Как ты? — спросил он, в его голосе почти сквозило отчаяние.

— У детей все хорошо. Келлер устроил сегодня истерику, потому что ему пришлось делиться своим «Лего» с Гевинном. Сейдж сегодня дома, потому что учительница заполняет табель успеваемости. Ганнер продолжает засовывать мою косметику в рот, отчего сегодня все его лицо в блеске для губ. Это восемнадцатичасовая смена, и я не могу взять отгул.

Он рассмеялся, и я улыбнулась.

— А ты? — спросил он осторожно.

— Я в порядке.

— Тебя еще тошнит?

— Нет, не переживай. Я на высоте.

— Я не за этим спрашиваю.

— Все хорошо, — я полуфыркнула-полурассмеялась.

— Я правда сожалею, Кэти.

— Тебе не о чем сожалеть, — ответила спокойно. Я не собиралась снова играть с ним в эту игру. И так устала от того, что он отталкивал меня, а затем снова притягивал, казалось, этому нет конца. Думаю, если бы он и правда сожалел, то не стал бы снова и снова обижать меня.

Я знала его прошлое. Все детство Шейна перекидывали из одной приемной семьи в другую. Знаю, что ему было тяжело, сначала думать, потом говорить, особенно на эмоциях. Это объединяло нас. Однако я никогда не была тем человеком, который набрасывался на кого-то в гневе, как Шейн. Наши истории были абсолютно разными, и именно поэтому я часто прощала его. Но в какой-то момент ты должен, черт побери, вырасти, и вести себя как взрослый.

— Перестань так делать, — сказал Шейн.

— Как?

— Как будто я не ранил твои чувства! — прорычал он в телефон.

— Ты не ранил. Ты переживал о детях, я понимаю.

— Черт побери, — он вздохнул.

Мы молчали некоторое время, прежде чем он снова заговорил.

— Ты понимаешь, как мне тяжело? — спросил он. — Тебе плохо, и я ни хрена не могу с этим сделать, потому что, черт побери, застрял здесь. Не имеет значения, как сильно тебе плохо или что происходит дома. Я. Застрял. Здесь.

— Знаю, должно быть, это тяжело.

— Мне жаль. Я не должен был срываться на тебя в последний раз при нашем разговоре.

Я не зол на тебя.

— Хорошо.

— Перестань делать вид, что все хорошо.

— Шейн, я не хочу препираться с тобой. Ты ненавидишь меня, ты хочешь меня, ты думаешь, что я крутая, затем я тебя раздражаю. Я беременна и забочусь о твоих детях. У меня нет времени и энергии переживать о твоих чувствах ко мне.

— Кэти... — он затих на долгое время. — Я был расстроен, что ты сейчас переживаешь сложный период, и так плохо отреагировал. И причина не в том, что я думаю, что ты плохо заботишься о моих детях. А в том, что я зол, потому что меня нет там, чтобы позаботиться о тебе и детях.

— Ну, сегодня ты разговорчивый, — ответила я, но шутка так и не была оценена. Я не знала, что делать с его словами. Не знала, как ответить.

— Дерьмо, Кейт. У меня было две недели на это. Я прокручивал извинения в своей голове, — пробурчал он, и я хихикнула.

— Просто будь помягче, хорошо? — попросила, выходя из кухни, где готовила ужин. — Тебе не нужно срываться на меня каждый раз, когда ты переживаешь или что-то такое. Это истощает и бесит меня.

— А ты играть в молчанку.

— Чертовски верно.

— Ты в порядке? — он внезапно сменил тему.

— Да, Шейн, я в порядке. Становлюсь круглее. Доктора говорят, что такое случается.

— Бьюсь об заклад, что ты чертовски милая. Ох, говоря о тебе милой... Здесь есть компьютер, поэтому мы можем общаться по «Скайпу». Ты можешь установить его на свой?

— Шейн, я веб-дизайнер. У меня есть «Скайп».

— Идеально. Черт, мое время заканчивается, — сказал он, когда я услышала чей-то голос на заднем фоне. — Позвоню снова, как смогу. Скажи детям, что я их люблю, хорошо?

— Ох, дерьмо. Тебе даже не выпало шанса с ними поговорить.

— Позже я пришлю тебе свой логин в «Скайпе», и мы сможем поболтать на этой неделе. Дети будут в восторге.

— Да, они придут в восторг. Будь осторожен, хорошо?

— Всегда.

Я ждала, что он повесит трубку, но через пару секунд все еще слышала его дыхание.

— Эй, Кэти? — позвал он тихо.

— Да?

— Я на самом деле рад, что ты чувствуешь себя лучше, красавица. Позаботься о моем сыне, хорошо?

У меня заняло секунду понять, о чем он говорит, и когда это произошло, я не могла сдержать небольшую улыбку, растянувшуюся на моих губах.

— Знаешь, это может быть девочка.

— Нет, это мальчик, — спорил он, и я знала, что он тоже улыбается. — Пока, Кэти.

— Пока, Шейн.

Я долго стояла в тишине в арке между гостиной и кухней, наблюдая за игрой детей. Это будут долгие пять месяцев.

Следующие несколько месяцев протекали одновременно медленно и быстро. Казалось, что все идет с черепашьей скоростью, когда мы с детьми ждали звонка от Шейна по «Скайпу», но когда мне нужно было ждать что-то в срок, время летело.

С работой все было хорошо, хоть мне и пришлось снова сократить нагрузку. У меня просто не было энергии взять на себя и сделать все на хорошем уровне, а я ненавидела самую мысль — предоставлять людям посредственные проекты. Я так же не находилась в радостном предвкушении из-за того, что следующие шесть месяцев беременности буду чувствовать себя как дерьмо.

Доктор сказал, что я все еще испытываю последствия утренней тошноты, и у меня анемия.

Мама сказала, что я слишком перетруждаюсь.

Мой брат Алекс сказал, что в моем животе пришелец, и он высасывает из меня жизнь.

Шейн ничего не сказал, потому что я не сказала ему, что у меня еще токсикоз.

Все шло хорошо с тех пор, как он извинился за свое поведение. На самом деле отлично. У нас не было шанса долго поболтать, потому что дети захватили разговоры по «Скайпу» — по хорошей причине — но мы заполняли эти прорехи, переписываясь, почти каждый день. Мы писали обо всем, начиная с любимых фильмов (у одного из парней у них на базе было DVD-плеер, на который его невеста присылала все новинки) и заканчивая тем, что дети делали в течение дня, а так же веб-сайтами, что сводили меня с ума. Я выкладывала множество фото на свою страничку на «Фейсбук», чтобы он мог просматривать их в свободную минуту, отмечая все, что происходит с детьми: от потерянного зуба и до сна сухими всю ночь.

Через нашу переписку мы снова становились друзьями, и это было очень хорошо. Но так же моя тревожность повышалась. Чем ближе мы становились, тем больше переживала, что с ним что-нибудь случится, и я не хотела беспокоить его тем, что происходило в Калифорнии.

Я не рассказывала, что не сплю до часу или двух ночи, чтобы закончить проекты, а затем вскакиваю с кровати через шесть часов, чтобы собрать Сейдж в школу. Не рассказывала, что сижу на стуле, пока готовлю ужин, потому что к пяти вечера я полностью измотана. Не делюсь, что по какой-то возмутительной причине Ганнер стал просыпаться в четыре утра несколько ночей в неделю, и мы едва спали до звонка моего будильника. Обычно мне приходилось брать гитару и петь ему понравившиеся песни Of Monsters and Men.

Я справлялась с этим. Конечно, выглядела ужасно, за исключением вечеров, когда знала, что увижу Шейна через компьютерный экран, но больше мне было некого впечатлять.

Прошло три месяца с его задания, когда настал день рождения Шейна. Он пообещал позвонить этим вечером, поэтому я провела всю вторую половину дня, приводя мальчиков в порядок и наряжая по случаю. Даже купила торт по дороге, когда забирала Сейдж из школы, чтобы у нас была настоящая вечеринка.

К восьми вечера, когда мой ноутбук издал звук входящего звонка, мы были готовы. Лэптоп стоял на табуретке в одном конце гостиной, давая Шейну возможность увидеть детей, когда они радостно крутились вокруг, и меня на диване с Ганнером и гитарой.

— С днем рождения! — закричали дети, когда лицо Шейна появилось на экране.

— Спасибо, ребятня! — ответил он, широко улыбаясь, на нем были наушники, чтобы он мог нас слышать.

Я наиграла первые аккорды поздравительной песни, как мы и репетировали, и дети эмоционально пели, пока Ганнер кивал и смотрел широко раскрытыми глазами рядом со мной. Как ни странно, годовалый был единственным ребенком с чувством ритма.

— У нас есть торт! — закричал Келлер, прыгая вверх и вниз, как только они закончили петь.

— Да? — спросил Шейн, приподняв брови. — Как он выглядит?

— Я принесу его!

— Подожди, дружок! — закричала я Келлеру, представляя, как голубая глазурь покрывает ковер в гостиной. — Почему бы тебе не позволить Сейдж взять его?

Сейдж выбежала из комнаты, когда Шейн захихикал.

— Что, вы, ребята, делали сегодня?

— Принимал ванну, — сказал Гевин хмуро.

— Играл со своим конструктором! — снова закричал Келлер.

— Не так громко, приятель, — предупредила я Келлера, когда Ганнер пробрался ко мне на колени между мной и гитарой, которой я прикрывала свой выросший живот.

Это было глупо, но обычно ноутбук был наклонен так, что Шейн видел нас с груди и выше, а я стеснялась.

— И мой конструктор тоже! — Гевин закричал Келлеру.

— В основном мой, — насмешливо произнес Келлер.

— Мальчики, — сказал Шейн твердо, утихомирив обоих. — Достаточно.

Боже, вот бы я могла сказать два слова, и они бы моментально останавливались.

— Видишь, папочка? — позвала Сейдж, когда подошла и встала перед камерой, держа небольшой торт, который я выбрала.

— Изумительный торт! — ответил Шейн, кивнув. — Он шоколадный?

— Да!

— Почему бы вам, ребята, не пойти на кухню и поесть торт, а тетя Кейт принесет меня туда.

— Да! — Келлер и Гевин закричали одновременно, из-за их визга Шейн вздрогнул и рассмеялся. Должно быть, перепады громкости убивали его перепонки.

Я отпустила Ганнера, чтобы он последовал за детьми на кухню, и встала, неловко держа гитару перед собой.

— Привет, — сказала я, прежде чем поджала губы и слегка улыбнулась.

— Привет, — ответил он, улыбаясь в ответ в изумлении.

Это был первый раз за последние недели, когда я видела его без детей, залезающих и слезающих с моих коленей, и могла поговорить с ним. И я стеснялась, зная, что мы одни.

— Почему ты с гитарой?

— Эм, — здорово, Кэтрин. «Эм» — не ответ. Давай, соберись.

— Я хочу видеть тебя, — сказал он тихо. — Положи гитару.

— Эм. Я стала немного больше...

— Позволь мне увидеть, Кэти, — приказал он нежно.

Я повернулась вокруг, чтобы поставить гитару на пол и подпрыгнула в удивлении, когда через колонки раздался свист.

Я засмеялась, повернувшись, но смех резко прекратился из-за взгляда на его лице.

— Она заявляет о себе, — сказала я смущенно, проведя по изгибу живота.

— Посмотри на себя, — выдохнул он с улыбкой. — Ты великолепна.

— Да?

— О, да, — его улыбка стала шире.

— Тетушка Кейт, иди сюда! — закричал Келлер с кухни, прерывая наш тихий момент.

— Время для торта, — объявила я, подходя к ноутбуку.

— Не могу дождаться, — ответил он с ухмылкой, и у меня было странное чувство, что он пялился на мои сиськи.

Дети были перевозбуждены остаток вечера, но я не могла их винить. Разговор по «Скайпу» и торт в один день? Как будто Рождество.

Когда я, наконец, забралась на кровать и поставила на колени ноутбук, то не была уверена, сколько смогу держать глаза открытыми. Мне нужно было разобраться с парочкой идеей для клиента, и я была уверена, что они окажутся полным дерьмом, если попытаюсь провести мозговой штурм этой ночью.

Вместо этого вошла на свою страницу в «Фейсбук» и начала загружать фото с вечера. Я знала, что мои мама и тетя будут рады видеть, как весело дети проводили вечеринку. Когда Шейн внезапно написал мне, я выпрямилась, будто он мог меня видеть.

Ты не спишь?

Я похрустела костяшками, затем разместила руки над клавиатурой, пока пялилась на три слова. Черт, я должна ответить или он уйдет в оффлайн!

Да, только что загрузила фотографии с вечера:)

Они должны быть хороши.

На одной из них Ганнер с глазурью в волосах и на носу.

Хаха. Как так вышло?

Уверена, в этом как-то замешан Келлер.

Я не удивлен.

Так... почему ты снова онлайн?

Есть немного свободного времени.

Поэтому решил преследовать меня на «Фейсбуке»?

Да, в общем-то.

Ну, тогда ты попусту тратишь время.

Эй, а не рано ли называть ребенка "она"...

И?

Ты уже знаешь пол?

Ох! Нет! Ты просто всегда говоришь «Он», поэтому я решила использовать «она». Полагаю, один из нас прав. Но я еще не ходила на прием к врачу.

Он довольно скоро, да?

Да, на следующей неделе. Расписание врача полностью забито, поэтому немного

позже, чем надо.

Как думаешь, можешь рассказать мне первому? Знаю, ты захочешь рассказать маме.

Да, ты узнаешь первым, я обещаю.

Он не отвечал какое-то время, и я наблюдала за маленькой зеленой точкой на экране как ястреб, боясь, что он уйдет.

Ты очень хорошо выглядишь.

Мой желудок сделал сальто, и я закатила глаза на то, чтобы он увидел, если бы мы разговаривали по «Скайпу» сейчас. Я смыла немного макияжа, что наносила, и консилер, которым замазывала темные круги под глазами. Я выглядела дерьмово.

Ха! Тебе просто нужно потрахаться.

Ну, это тоже. ЛОЛ.

Никакого секса для тебя! *сказала гнусавым голосом*.

Тебе лучше бы тоже следовать этому правилу.

Где мне, черт возьми, взять на это время?

Кейт

Я помню свое имя. Ты знаешь, что я никого не трахаю.

Не говори «трахаю»

Трахаю, трахаю, трахаю, трахаю

...и вот я твердый.

Серьезно?

Наполовину

***фыркаю*. Тебе что тринадцать?**

Твои сиськи огромные.

Разговор окончен.

ЛОЛ. Так и есть.

Эх, это правда.

Я скучаю по тебе.

Мои руки дрожали, зависнув над клавиатурой. Я не была уверена, должна ли отвечать.

Мы тоже по тебе скучаем.

Отправь мне фотки.

Я все время их выкладываю! Просто пролистай мою страницу на ФБ.

Тебя нет ни на одной.

Я фотографирую, поэтому в этом есть смысл.

Я хочу и тебя увидеть.

Хорошо.

Никаких обнаженных фото. Клянусь, эти парни заглядывают мне через плечо каждый раз, когда я сажусь.

Я бы и не отправила тебе голые фото!

Отправила:)

Размечтался!

Ты. И. Понятия. Не. Имеешь.

Он флиртовал со мной. Флиртовал. Со. Мной. Я не знала, как себя вести. Конечно между нами что-то было, но, не считая секса пару раз, наше общение оставалось строго платоническим.

Ты здесь?

Я стряхнула туман из-за его последнего сообщения.

Здесь.

Мне лучше тебя отпустить, уже поздно. Тебе нужно поспать.

У меня еще есть примерно два часа для работы. Будь осторожен. «Скайп» скоро?

Всегда. «Скайп» через две недели.

Мой желудок сжался. Я знала, что не должна задавать вопросов, но до сих пор он пользовался «Скайпом» раз в неделю. Я не хотела представлять причину, почему теперь не мог.

Спокойной ночи, Кэти.

Спокойной ночи.

Я наблюдала за экраном, ожидая, что он окажется оффлайн, но через пару секунд пришло еще одно сообщение.

Такая красивая.

Он ушел, прежде чем я смогла ответить, что, вероятно, было хорошо.

— Келлер, возвращайся за стол! — кричала я почти в слезах, когда пыталась помыть Ганнера.

У бедного ребенка лезли зубки, и от этого была диарея. Сначала я распереживалась, но затем позвонила медсестре и успокоилась. Очевидно, у некоторых детей была реакция на новые зубки, и к моей удаче, у одного из моих. А Ганнер не страдает полумерами.

— Келл! Стол! Сейчас же! — я стала еще более вымотанной, когда Гевин уронил свое виноградное мороженое на зеленую футболку.

— Тетя Кейт, я не могу найти подгузники, — сказала Сейдж, суматошно сбегая с лестницы.

— Они на пеленальном столике, там же, где и всегда, — ответила, сдувая волосы с лица.

— Думаю, они закончились.

— Дерьмо, — застонала я, вспомнив, что собиралась в магазин сегодня.

— Дерьмо, — повторил Ганнер.

Я проигнорировала его, когда мой компьютер зазвонил на столе.

— Папочка! — закричал Келлер, внезапно остановившись у кухонного стола.

— Келлер, если ты тронешь ноутбук, вымазанными в мороженом пальцами, я лишу тебя консоли на неделю! — завизжала я, поднимая голожопого Ганнера с пола себе на бедро, когда вставала на ноги.

Мы не разговаривали с Шейном почти три недели, и, наконец, я получила сообщение от него за вечер до этого, что он сможет нам позвонить. К сожалению, он звонил в один из самых сложных для меня дней с момента его отъезда.

— Могу я ответить? — спросила Сейдж. Ее палец завис над клавиатурой.

— Вперед, Сейдж, — вздохнула я, подойдя к компьютерному экрану, у которого собрались старшие дети.

— Привет, ребята, — сказал радостно Шейн.

— Привет, папочка!

— Я написала правильно каждое слово в диктанте, — сказала Сейдж, перекрикивая приветствия Келлера.

— У меня царапина, — закричал Гевин и поднял руку с пятисантиметровой царапиной. — И пластырь.

— Отличная работа, принцесса. Похоже на серьезную царапину, Гев? Как ты ее получил? — спрашивал Шейн, как заботливый отец.

— Я четыре раза попал в баскетбольное кольцо, — объявил Келлер, чтобы не отставать.

— Хорошая работа, приятель. Теперь ты можешь идти в детский сад на следующий год.

— Привет, Кэти, — добавил Шейн с улыбкой, когда я, наконец, пробралась в кучку, чтобы Ганнер мог увидеть отца. — Привет, Ганнер.

Ганнер отвернулся и уткнулся лицом в мою шею. Он был невероятно робким со всеми, включая Шейна.

— Эй...

— Ганнер писает! — закричал Келлер, истерически смеясь, когда влажное тепло растеклось на моем животе.

— Черт, — пробурчала я, закрыв глаза в раздражении.

— Почему он не в подгузнике? — спросил Шейн через свой смех.

— Тетушка Кейт забыла купить, а у нас закончился запас, — услужливо ответила Сейдж, когда мои глаза наполнились слезами.

Ганнер был полуголый, Гевин был похож на оборванца в футболке, покрытой фиолетовым мороженым, Келлер вел себя хуже, чем обычно, а Сейдж только что сдала меня. Кроме всего перечисленного, я выглядела как дерьмо и чувствовала себя еще хуже.

— Сейдж, — позвал Шейн, пристально смотря в экран, — ты проверяла сумку для подгузников?

— Нет! — перекрикивая мальчиков, она рванула к передней двери, где находилась сумка.

— Вы сегодня доставляли неприятности своей тете? — спросил Шейн мальчиков, после ухода Сейдж.

— Нет!

— Я хорошо себя вел!

— Выглядит так, будто у нее был не очень хороший день, — проинформировал Шейн, вынуждая их повернуться лицом ко мне.

Они посмотрели на меня так, будто в течение дня не видели, как я медленно выхожу из себя.

— Все хорошо, Шейн, — сказала я, улыбаясь мальчикам. — Просто немного устала.

— И из-за малыша она очень много плачет, — добавил Келлер серьезно.

— О, да? Как часто?

— Не очень, — ответила я быстро.

— Нашла один! — кричала Сейдж, врываясь в комнату.

— Ох, слава богу. Я не знала, как пойти в магазин с ним в таком виде, — сказала я, хватая подгузник из протянутой руки Сейдж.

— Старшие дети, поговорите с папочкой, пока тетя Кейт с Ганнером, — приказал Шейн, мгновенно утихомирив шумных мальчишек.

— Хорошо, пойдём, мартышка, — пробормотала я, неся Ганнера наверх.

Переодевшись и переодев Ганнера, я поплелась вниз по лестнице, взгромоздив его сбоку своего живота. Клянусь, с каждым днём меня раздувало всё больше. Скоро он сможет полностью сидеть на моем животе.

— Ладно, мое время вышло, детишки, — объявил Шейн детям, все они набились за один кухонный стул. — Идите к своей тетушке.

— Я здесь, — крикнула я, мчась на кухню.

— Люблю вас, ребята, — сказал Шейн детям, когда они послали ему воздушные поцелуи и помахали. — Сегодняшний вечер все ещё в силе, Кэти?

— Да.

Мы больше ничего не сказали, потому что, если бы дети узнали, что он снова выйдет в «Скайп» вечером, они не лягут спать.

— Не забудь съездить в магазин.

— Поверь мне, не забуду.

— Пока всем!

Экран потемнел, и он исчез.

Я ненавидела, когда такое случалось.

— Хорошо, Андерсоны! В машину. Нам нужны подгузники и молоко, или мы будем голодать, покрытые мочой Ганнера.

Я держала конверт в руке и заставляла себя не открывать его. Он был у меня две недели, и ожидание убивало. Я сунула палец в небольшое надорванное мной пространство и подскочила от звука на ноутбуке.

— Привет, незнакомец.

— Привет и тебе.

Мы улыбались друг другу долгое время. Было здорово, наконец, видеть его лицо, не отвлекаясь на четырех маленьких монстриков, перекрикивающих друг друга, чтобы быть услышанными.

— Плохой день, да? — спросил он, наконец.

— Ты и понятия не имеешь. Слава богу, мы купили огромную упаковку подгузников, этого хватит на какое-то время. Я даже разбросала несколько по дому на всякий случай.

— Хорошее решение, — он рассмеялся и потер лицо одной рукой. — Ты сделала ультразвук?

— Да, все выглядит хорошо. Твой ребенок-монстрик немного большеват, но в остальном все нормально.

— Хорошо. Это очень хорошо.

Я самодовольно улыбнулась, когда он заерзал на месте. Он нервничал, чтобы спросить меня, и я едва ли видела его таким взволнованным.

— Ну? — наконец спросил он.

— Ну, что?

— Кто у нас?

— Ребенок, — ответила я невинно.

— Кейт, — зарычал он, рассмешив меня.

— Я не знаю.

— Что? Почему они не сказали тебе... — он замер, когда я подняла конверт перед компьютерным экраном и помахала им.

— Я подумала, что мы можем сделать это вместе, — сказала с робкой улыбкой.

Наблюдая, как недовольство на его лице сменяется радостным волнением, было мгновением, которое я никогда не забуду.

— Ты ждала? — спросил он нежно.

— Я подумала, что ты захочешь узнать одновременно со мной.

— Спасибо, Кэти.

— Да, ну, ты передо мной в долгу. Эта штуковина прожигала дыру в моем кармане две недели.

— Ты не подглядела? — он приподнял брови.

— Я думала об этом, — подняла конверт и сделала небольшой надрыв. — Но хотела сделать тебе сюрприз, поэтому дождалась.

— Очень хороший сюрприз.

— Да?

— Да.

Я дорвала конверт до конца, остановившись, прежде чем вытащила листок.

— Тебе есть разница? Я имею в виду, есть разница мальчик это или девочка? — внезапно я занервничала. Мы были на неизведанной территории и, честно говоря, между нами не было ничего устойчивого. Что, если он разочаруется?

— Мне все равно, мишка Кэти, — тихо ответил Шейн, из-за его нежности ком образовался в моем горле. — Теперь поторопись, я умираю от любопытства.

Я хихикнула и вытащила листок, повернув его лицевой стороной к экрану, чтобы сначала оценить реакцию Шейна.

Его челюсть отвисла, прежде чем он закрыл рот, и я наблюдала, как он стиснул челюсти, посмотрев на меня, поерзал и потер лицо ладонью.

— Ты не собираешься смотреть? — спросил он, рассмеявшись слегка смущенно.

— Нет, — ответила я медленно, приняв решение, когда опустила бумагу на колени. — Хочу, чтобы ты сказал мне.

Он провел обеими руками по лицу, прежде чем сделал глубокий вдох и ослепительно улыбнулся.

— Принцесса.

Мои глаза расширились от удивления, и он рассмеялся над моим ошарашенным выражением лица. Я дразнила его, что у нас будет девочка, но на самом деле не верила в это. После такого количества мальчиков, я думала, что это аномалия Шейна.

— Ни за что.

— Если, конечно, они не провели ультразвук неправильно...

— Нет, все верно, — пробормотала я рассеянно, поднимая небольшой листок бумаги и поворачивая к себе. Там была наша малышка, и стрелка, указывающая на ее пол.

Он рассмеялся.

— Как ты не заметила, что у ребенка нет пениса?

— Я не знаю, как это все выглядит в утробе, — я покачала головой. — Не могу

поверить, что у нас будет маленькая девочка.

— Ты знаешь, что это означает, верно? — спросил он со смешком.

— Что?

— Ей не подойдет ничего из вещей Ганнера. Ей нужно будет все розовое и с оборками.

— Ох, черт, нет. Она сможет спать в голубой пижаме.

— И голубое сиденье для машины, и голубая одежда, и шапочки, и комбинезоны, и носки, и...

— Ох! Я поняла твою мысль! — перебила я, рассмешив его.

— Еще одна маленькая девочка, — сказал он нежно.

— Да, как думаешь, Сейдж разозлится? — мой рот скривился.

— Черт, нет! Во всей компании она будет единственной радоваться.

— Вероятно, ты прав, — согласилась я. — Это странно, что сейчас я более рада, что ты оплодотворил меня?

— Я бы хотел прикоснуться к тебе, — объявил он внезапно, вытаскивая меня из грез о пасхальных платицах и больших розовых бантах на крошечной головке.

— Что? — переспросила я, хоть и услышала его.

— Я бы хотел прикоснуться к тебе прямо сейчас, — я наблюдала, как его кадык дернулся, когда он сглотнул. — Я бы хотел держать руку на твоём животе, когда она будет пинаться. Целовать твою спину и целовать тебя. Ненавижу, что все пропускаю.

— Я тоже скучаю по тебе, — пробормотала в ответ.

— Подними свою футболку, — приказал он тихо, посмотрев через плечо.

— Ох, черт, нет.

— Хочу увидеть тебя. Позволь мне, — я упрямо пялилась на него. — Пожалуйста.

Мой желудок сделал сальто, когда я сдалась, а сердце забилось быстрее, когда руки коснулись края футболки.

— Эта футболка чертовски растянется.

— Ты возражаешь?

— Совсем нет.

Его глаза были сфокусированы на экране, когда я возилась с подолом футболки, и затем вспыхнули, когда я подняла ее до живота и держала у своей груди.

— Сними ее, — приказал он хрипло, сухожилия выступали у него на шее. — Полностью, Кейт.

Я закрыла глаза, когда стянула футболку через голову и открыла их снова, когда услышала его резкий вдох.

— Бл*дь, — застонал он, его зрачки расширились, пока не стали практически черными. — Ты знаешь, чем бы мы занимались, если бы я был там?

Я молча кивнула, наблюдая за его разглядыванием.

— Ты чертовски невероятна, Кейт. Иисус, эта грудь... — я слегка рассмеялась, когда он заскулил, затем надела футболку через голову, спрятав свое тело.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Однако не могла скрыть свои затвердевшие соски, когда он пялился на меня, и они торчали через его старую футболку.

— Мне нужно принять душ, — объявил Шейн, слегка отодвигая стул.

— Подожди... сейчас?

— Прямо сейчас.

Я истерически рассмеялась, когда его щеки покраснели.

— Хорошо, будь осторожен.

— Всегда.

— Скоро поговорим?

— Я напишу тебе позже. Иди спать. Ты выглядишь уставшей.

— Фу, ты, спасибо, — проворчала я.

— Спать, Кэти.

— Хорошо, пойду. Перестань переживать.

— Эй, Кейт? — позвал он, когда я потянулась к клавиатуре.

— Да?

— Спасибо. Никто прежде не делал подобного для меня. Самый лучший сюрприз.

Экран стал черным, когда небольшая улыбка заиграла на моих губах.

Что за потребность у этого мужчины, чтобы последнее слово всегда оставалось за ним?

Сжимая руки в кулаки, я пытался не закричать на своего приемного отца, когда слушал его бормотание себе на ухо. Я люблю парня, но чертовски раздражен, что он не зовет Кейт к телефону. Я звоню в третий раз, и мне опять пудрят мозги, и я уже готов начать скандал.

Кейт повезла детей в Орегон до конца лета, хоть я и не был особо рад этому. Им нравилось там, и я знал, что наши семьи, вероятно, баловали их, но срок родов Кейт приближался, и я ненавидел мысль, что она летела с четырьмя маленькими детьми одна. Когда я, наконец, связался с ней по «Скайпу», меньше чем через неделю после их прибытия, то перестал ворчать.

Я не осознавал, насколько измотанной она выглядела последние несколько месяцев, но смотря на нее за столом ее родителей — краснощекую и счастливо улыбающуюся, почти без синяков под глазами — я не мог проигнорировать изменения. В ней, наконец, появилось то сияние беременных, которое было у большинства женщин, после того как заканчивался токсикоз, и они получали здоровый и крепкий ночной сон.

Я был чертовски удивлен этому, но хотя и не видел ее месяцами, за время моего боевого задания мы стали ближе, и теперь, когда оно подходило к концу, я очень хотел вернуться домой к ней. В какой-то момент мои чувства изменились от замешательства и вины до чего-то менее понятного. Она была забавной. Она не мирилась с моим поведением, но редко злилась или обижалась. Вместо этого рассеивала любые доводы сарказмом или меняла тему на что-то неожиданное, и мне приходилось брать себя в руки, чтобы поддержать беседу. Она была умнее меня, и это было чертовски сексуально.

Кейт всегда была хорошенькой. Но когда мы болтали и подшучивали друг на друга, казалось, я могу увидеть ее совершенно по-новому. Изгибы, на которые раньше я бы не посмотрел дважды, начали очаровывать меня. Я фантазировал об округлости ее бедер и мягкой коже между ними, и со стыдом обнаружил, что просыпаюсь посреди с ночным семяизвержением, как подросток.

Все изменилось, и это происходило уже какое-то время.

Поэтому я был очень зол, что никто не давал мне с ней поговорить. Она отвечала на мои сообщения последние пару дней, но не соглашалась на свидания по «Скайпу», и каждый раз, когда я звонил, ее или мои родители не говорили мне, что происходит.

— Где, черт побери, Кейт? — наконец, зашипел я, прерывая Майка на полуслове. — И какого черта она еще не привезла моих детей домой? Скоро начнется учеба.

— Успокойся, сынок.

— Нет, это чертовски нелепо. Скажи Кейт, что я позвоню вечером по «Скайпу» в семь часов. Хочу увидеть своих детей.

Я бросил трубку и вытер пот со лба куском туалетной бумаги, который носил в кармане. Пора это заканчивать. Мне нужно вернуться домой.

— Привет, папочка! — сказала Сейдж, когда соединение, наконец, было установлено.

Я облегченно выдохнул, когда увидел, что Кейт сидит между детьми, Сейдж и Гевин по одну сторону, а Келлер по другую. Все они были тесно прижаты друг к другу, и не видно ничего кроме их лиц.

— Привет, ребята, веселитесь у дедушки с бабушкой?

— Катались в большом грузовике! — сказал Гевин восторженно, размахивая руками, и почти ударил Кейт по лицу.

— Ох, да?

— Дядя Брам катал меня на тракторе. Дедушка водил нас на рыбалку! — поделился Келлер.

— Вау, да вы, ребята, очень занятые, — я улыбнулся на их счастливые лица, и мой желудок успокоился впервые за последние дни. — Где Ганнер?

— Мам, можешь принести его? — спросила Кейт, посмотрев в сторону.

Сначала я увидел его руки, а затем часть головы. Я не мог поверить, как сильно он подрос с момента моего отъезда. Его волосы были гуще и длиннее, чем последний раз, когда я его видел, а тельце казалось более окрепшим.

Я ухмыльнулся, когда Келлер поморщился в отвращении, когда Ганнер заслонил его на экране.

— Мама! Мама! Мама! — хныкал Ганнер, крутясь, чтобы дотянуться до Кейт.

Меня будто окатило ушатом холодной воды.

Нет. Она не могла так поступить.

— Шейн? — спросила Кейт в замешательстве, когда увидела взгляд на моем лице. — Что не так?

Я онемел.

Она не могла такое сделать. Я знал Кейт. Она не могла научить Ганнера называть ее «мамой». Или могла?

— Мое время вышло, — объявил я детям с вялой улыбкой. — Я позже позвоню вам на телефон дедушке.

— Пока, папочка! — закричали дети почти в унисон.

— Люблю вас, ребята, скоро поговорим.

— Шейн, что...

Дрожащей рукой я быстро отключил «Скайп» и резко поднялся.

Мне нужно многое сделать. Занять себя. Я скоро буду дома и обо всем позабочусь.

Злость внутри меня нарастала, когда я покидал компьютерный зал, и к тому времени как собрал свои вещи, чувствовал себя так, будто был на грани потери контроля.

Ни в коем случае я не смогу заговорить с ней снова до возвращения домой.

Ни в коем гребаном случае.

— Привет, пап. Дети рядом? — спросил я пару часов спустя. Дерьмо, за один день я сделал больше звонков, чем обычно за неделю.

— Только Келлер. У парня проблемы со сном.

— Дерьмо, я заставил их слишком долго ждать. Было много работы, — сказал я

разочарованно. Я скучал по детям.

— Что произошло ранее? Мама сказала...

— Можешь передать трубку Келлеру? — перебил я. Проблема была между Кейт и мной, и я не хотел обсуждать ее с кем-то еще.

— Конечно, сынок.

На несколько минут стало тихо, затем в трубке послышался сонный голосок Келлера.

— Привет, папочка.

— Привет, дружище. Почему не спишь?

— Ждал тебя.

— Ау, мне жаль. Я работал.

— Все нормально. Мы с дедом смотрели рыбалку по телевизору.

— Ну, я просто хотел поздороваться и сказать, что люблю тебя, милый. Иди спать, хорошо?

— Хорошо, папочка. Люблю тебя.

— Пока, Келлер.

— Пока, — я услышал, как он зевнул, прежде чем телефонное соединение прервалось, и я откинулся в кресле в разочаровании.

Я уезжал через пару часов, наконец, направляясь домой, и никто не поприветствует меня там.

Нет. К черту все. Я снова поднял трубку.

— Алло? — хрипло ответил Майк.

— Скажи Кейт, чтобы отвезла моих детей домой.

— Ну...

— Я просил ее не уезжать в Орегон, а она все равно уехала. Мне по хрену как весело ей там. Хочу, чтобы мои дети были в Оушенсайд к моему возвращению.

Майк молчал какое-то время, прежде чем его голос стал резче.

— Я не растил тебя таким придурком.

— Ты вообще не растил меня, — огрызнулся я в ответ, пожалев о словах, как только они вылетели из моего рта.

— Я передам сообщение, — сказал он тихо, и из-за отсутствия у него агрессии на мои слова, в моей груди стало больно.

— Пап...

Он повесил трубку, прежде чем я смог еще что-то сказать.

Черт.

Почему я не могу заткнуться, когда зол? Я никогда не говорил ничего плохого своим детям, неважно, насколько зол был, но кажется, это не распространяется на взрослых. Такое ощущение, что мой речевой фильтр просто исчезает. Не впервые я задеваю чувства Майка, но это не значит, что мне это нравится. Во всяком случае, зная, что он терпит мое дерьмовое поведение уже двенадцать лет, я чувствую себя еще хуже из-за своего комментария.

Я не тратил время, перезванивая ему. Вместо этого нацепил фуражку и пошел за своими сумками.

Наконец, настало время ехать домой.

Мой дом был закрыт и тих, когда я приехал через несколько дней.

Кейт не привезла моих детей домой.

Я забронировал рейс и отправился в аэропорт через два часа.

Через семь часов после того, как приземлился в Сан-Диего, я шел по аэропорту Портланда только с рюкзаком одежды, которую нашел сложенной в комод, и в достаточном гневе, чтобы удержать любого от разговора со мной. Должно быть, он исходил от меня волнами.

Я арендовал небольшую машину и направился к родителям, которые жили почти в часе езды. Прошло много времени с тех пор, как я ездил по этим дорогам, но некоторые вещи не забываются, и я вырулил на подъездную дорожку своих родителей в семь часов без инцидентов.

— Кто-нибудь дома? — позвал я, проходя через открытую дверь.

— Шейн? — спросил Майк в смятении, когда вышел из комнаты для гостей. — Что случилось?

Он бросился вперед, крепко обнимая. Как будто разговора пару дней назад вовсе не было.

— Что ты здесь делаешь?

— Приехал за детьми. Где они?

— Элли повела их... — его слова были прерваны, когда передняя дверь открылась и дети вбежали внутрь.

— Майк, кто здесь...

— Папочка!

Я опустился на колени, когда Сейдж и Келлер побежали ко мне, хватаясь за мою футболку и оборачивая свои маленькие ручки вокруг меня.

— Я так сильно скучал по вам, детишки, — прошептал я, целуя их обоих, прежде чем поднял голову и увидел, что Гевин и Ганнер сохраняют дистанцию. Они наблюдали за нами, стоя у входной двери, а Ганнер крепко держался за облаченное в джинсу бедро Элли.

— Привет, мальчишки, — сказал я нежно. — Я скучал по вам.

Гевин с любопытством наблюдал за мной и сделал небольшой шаг вперед. Но во взгляде Ганнера не было абсолютно никакого узнавания. Он не вспомнил меня, даже после разговоров по «Скайпу».

Это убивало меня.

— Вы веселились с бабушкой и дедушкой? — спросил я, и внезапно Гевин помчался вперед и почти сбил меня с ног, когда попал в клубок мелких тел, уже обмотанных вокруг меня.

— Привет, дружище, — сказал я с улыбкой, в моем горле образовался комок, отчего слова вышли хриплыми.

Я закрыл глаза и глубоко вдохнул. Наконец-то. Боже, я так по ним скучал.

Элли подняла Ганнера, когда он начал беспокоиться, и я встал, поставив детей на руки. Они протягивали ко мне руки, но все трое молчали. Я понимал их, и тоже хотел осознать все происходящее на минутку.

— Где Кейт? — спросил у Элли, глядя мимо нее на парадную дверь.

— Она в больнице, — медленно ответила Элли.

— Что? — мой голос эхом отразился по комнате, отчего дети вздрогнули.

— Тетушке Кейт все время надо лежать в кровати, — заговорил Келлер, запрокинув голову, чтобы посмотреть на меня, — чтобы ребеночек не вышел.

— Объясни, — приказал я, паника начала накрывать меня.

— У нее был постельный режим... Сколько? Около трех недель? — спросила Элли Майка.

— Да, около трех недель.

— На прошлой неделе у нее были схватки, и ее оставили на ночь в больнице, чтобы их остановить. Они отпустили ее домой на следующий день, но вчера схватки снова начались. Похоже, они оставят ее там на какое-то время.

Моя злость сменилась на замешательство.

— Почему мне никто не сказал?

— Кейт не хотела тебя беспокоить...

— Херня.

— Это ее желание.

— Какая больница? — я уже убрал руку с головки Келлера, чтобы потянуться за ключами арендованной машины.

— ОЗУГ, — сказал Майк, когда я наклонился поцеловать детей.

— Они не пустят тебя туда сегодня, — проинформировала Элли, подходя вперед и перемещая Ганнера с одного бедра на другое. — Часы посещения закончены, а они строги в этом. Кейт нужно отдыхать.

— Они сделают исключение, — спорил я, когда дети начали болтать, привлекая мое внимание.

— Не сделают, — Элли покачала головой. — Кейт истощена, Шейн. Только так они могут быть уверены, что она будет отдыхать.

Все мое тело напряглось, и я переступал с ноги на ногу, пытаюсь понять, что делать.

— Проведи сегодняшний вечер с детьми, — приказал Майк, вытянув руку, чтобы сжать мое плечо. — Они скучали по тебе как безумные. Сможешь увидеть Кэти утром.

— Папочка, смотри! — закричала Сейдж, указывая на дырку в своем рту, откуда выпал зуб. — Я получила четыре бакса за него! — радостно затанцевала она.

Я разрывался между тем, чтобы помчаться в больницу к Кейт и провести немного столь необходимого времени со своими детьми. Я не хотел покидать их. Нам нужно многое наверстать.

— Ничего себе! Должно быть, у Зубной феи был успешный год, — ответил я, подталкивая Сейдж в бок, пока она не захихикала.

Элли подошла ближе, и я вытянул руку, чтобы нежно потереть спинку Ганнеру, приняв решение.

— Привет, Ганнер, — сказал я нежно. — Как дела?

Он наблюдал за мной с любопытством.

— Хочешь поздороваться, Ганнер? — сказала Элли.

— Привет, — его голос был тише, чем я помнил с того времени, когда говорил всего пару слов, и в моей груди закололо. Я так много всего пропустил.

— Привет! — я улыбнулся. — Хочешь провести время со мной и другими детьми?

Я вытянул руки и ждал, что казалось вечностью, прежде чем он потянулся ко мне.

Он был меньше, чем Келлер и Гевин в его возрасте. Оба моих старшеньких парня были крупно сложены с самого рождения, но Ганнер был худее. Высокий и долговязый. Я стиснул челюсти и поцеловал его в лобик, когда он пристально меня рассматривал.

Я помнил подобный момент с Сейдж и Гевинот. Они оба были слишком маленькими, когда я уезжал на задания, что не помнили меня, когда я возвращался, но, слава богу, дети, казалось, быстро адаптировались. Я не думал, что с Ганнером будет по-другому, просто потребуется пара дней, чтобы он ко мне привык.

Я не думал, что когда-либо был так счастлив находиться дома, как в этот момент.

— Ладно, ребятня, — объявил я, глядя между маленькими тельцами, прыгающими в предвкушении. — Расскажите мне, что я пропустил.

Я села, прислонившись к спинке своей больничной кровати, и начала расчесывать мокрые волосы. Боже, я ненавидела больницу.

Я скучала по детям. Скучала по крепкому сну. Скучала по стряпне моей мамы и запаху лета снаружи.

Не то чтобы я была в больнице очень долго, и доктора сказали, что оставят меня только еще на один день, но уже сходила с ума. Шейн скоро будет домой, и мое беспокойство нарастало, когда я готовилась к тому, что он вернется и поймет, что мы все еще в Орегоне.

Когда приехали в дом моих родителей, я расплакалась от облегчения. Просто невероятно устала. И первые несколько недель после этого чувствовала себя новым человеком. Благодаря помощи наших семей, у меня стало гораздо меньше обязанностей и больше времени. Все оказывали помощь с детьми, поэтому я могла работать днем, а не ночью. Мне не нужно было наклоняться над ванной при мытье детей, потому что моя мама или тетя Элли делали это, что означало, что я больше не ложилась в кровать с болями в спине.

Впервые с момента отъезда Шейна я могла расслабиться.

Мне нужен был этот перерыв.

Но когда я медленно готовилась к возвращению назад в Калифорнию с моими маленькими монстриками, снова взваливая на себя всю заботу об их ежедневных потребностях, мое тело начинало протестовать. Как будто оно понимало и не давало мне вернуться к прежнему образу жизни.

У меня начались схватки, и врачи прописали постельный режим.

Возможность возвращения в Калифорнию до рождения ребенка была отменена, но я не могла сказать об этом Шейну. Вместо этого игнорировала вопросы в его письмах и избегала того же, когда он звонил.

Я не хотела тревожить его, когда он был на другом конце мира, особенно, когда беспокойство могло его отвлечь... Я также не хотела злить его. За последние шесть месяцев мы стали так близки, что я боялась всего, что могло расстроить хрупкий баланс между нами.

Он не говорил мне не ехать в Орегон, но также не обрадовался этому. Если бы он знал, что мы застряли здесь, не уверена, как бы отреагировал.

Я положила расческу на тумбочку, когда дверь палаты медленно открылась, но никто не поприветствовал меня.

— Что... Шейн?

Я не могла глазам своим поверить.

Это был он: высокий, здоровый и сильный, стоял в дверном проеме моей палаты. Мое сердце ускорило бег.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он, наконец, зайдя внутрь и захлопнув дверь за собой.

— Хорошо, — ответила я с удивленной улыбкой и закатила глаза. — За последние двенадцать часов никаких схваток, но они хотят еще понаблюдать. Как ты?

Я знала, что мне нельзя подсакивать и бежать к нему, но едва могла сдерживаться, когда он замер в дверном проеме. Чем больше он там стоял, тем более неловкой становилась обстановка, пока, наконец, я не ощутила дрожь в руках.

Думала, у меня будет время подготовиться перед встречей с ним, и сейчас, когда время пришло, чувствовала себя некомфортно. Я была осведомлена о своей уродливой ночнушке и отекавших ногах. Мой живот казался более круглым и более заметным. И я ненавидела, что мои волосы были мокрыми и небрежно болтались у лица.

— Ты должна была мне рассказать, — внезапно заявил он.

— Зачем? Чтобы ты переживал? Со мной все хорошо, — я покачала головой. — Малышка в порядке, дети в порядке, все под контролем.

— Я оставил тебя нести ответственность за них, — сказал он тихо, но от его тона я замерла. — Думаешь, я не заслуживал узнать, что мои дети не с тем человеком, с кем я их оставил, что Элли и Майк заботятся о них, пока меня нет?

— Я... я не...

— Ты не должна принимать единолично решение о моих детях, Кейт. Это выше твоего уровня прав на них.

Он был спокойным и не повышал голос, но мне казалось, что меня ударили по лицу.

— Приношу извинения, — ответила я. — Решение было принято с самыми лучшими намерениями. Я не хотела беспокоить тебя, и видела детей каждый день, пока нахожусь здесь. Или моя мама, или Элли привозят их сюда.

Я заерзала на кровати, когда чувство страха наполнило меня, отчего все в моем животе напрягалось. Время лежать на боку, как прописывал врач.

Я не встречалась с ним взглядом, когда перекладывалась, но увидела, что он прищурился, когда засунула одну руку между коленей, а голову устроила на другую, расслабившись.

— Я знаю, что ты делала все как лучше, по твоему мнению, Кейт, — наконец, сказал Шейн, подходя и садясь на край кровати. — Ты уверена, что с ребенком все хорошо?

— Да. Завтра они хотят отпустить меня домой.

— Это хорошо.

— Я скучала по тебе, — сказала я, пытаюсь пробудить Шейна, с которым общалась последние месяцы. Он не вел себя как мой Шейн, и это пугало, потому что я помнила, как Шейн времен Рейчел обращался со мной. Как будто я невидимка.

— Занятия Келлера и Сейдж начинаются на следующей неделе, — проинформировал он, игнорируя мои слова.

— Знаю, — я поморщилась. Не знала, какого черта собираюсь делать...

— Итак, я забираю детей в Сан-Диего, — внезапно мне показалось, что я не могу дышать. — Знаю, сейчас ты не можешь летать, и мне жаль, что не можешь поехать с нами.

— Что? — должно быть, он шутит.

— Им нужно вернуться к своей обычной рутине, перед началом занятий. Особенно Келлеру.

Его голос был любезным, но глаза оставались непроницаемыми. Я не шевельнулась, пока он наблюдал за мной, и потеряла дар речи. Я не думала, что смогу сказать что-нибудь, не сорвавшись на крик.

Что он творил? И какого хрена считал, что знает что-нибудь об обычной рутине детей? Я знала. Я знала, как заставить их уснуть. Я.

Мой худший страх воплотился в жизнь. Он забирал их у меня, и я ничего не могла поделать с этим.

— Почему? — спросила я, когда, наконец, обрела дар речи. — Ты злишься, потому что я

не сказала тебе, что попала в больницу?

— Нет, — он потер рукой лицо. — Я должен вернуться назад, Кейт. Следующие несколько дней у меня выходные, но мой командир даже не знает, что я улечел в Орегон.

— Ладно, ну, когда тебе нужно уехать? Ты можешь просто...

— Они принадлежат мне, Кейт. Я их отец.

— А я никто?

— Я не сказал так.

— Ты намекнул.

— Не переиначивай мои слова. Я знаю, что ты важная для них! — он, наконец, взорвался, потеряв контроль, и встал с кровати. — Но ты не их родитель.

Я закрыла глаза и дернулась от яда в его словах.

— Эй, о чем вы ругаетесь? — крикнул мой брат Брам, заходя в комнату. — Я услышал вас, ребята, в коридоре.

— Ни о чем, — ответила я немедленно, не желая втягивать в это моего гиперпекающего брата.

— Привет, Брам, — сказал Шейн, снова спокойным голосом.

— Придурок, — поприветствовал Брам с кивком. — Рад, что ты вернулся.

— Брам, не будь задницей, — прошипела я. Боже, иногда он действовал мне на нервы.

— Все нормально. Мне нужно идти, — сказал Шейн.

— Подожди, ты только что пришел!

— Вероятно, мне нужно вернуться к детям.

— Наша мама уже едет сюда с детьми, — прервал Брам с дерзкой улыбкой. — Можешь разминуться с ней.

— Тогда я схожу за кофе, — пробурчал Шейн, прежде чем покинул комнату.

Я уставилась на своего брата в раздражении, когда он наблюдал за уходом Шейна.

— Тебе обязательно нужно вести себя как задница? Ты не можешь просто вести себя как нормальный человек? — спросила я, пытаюсь контролировать слезы паники, которые скапливались в моих глазах.

— Я был готов сохранять спокойствие, пока не услышал, еще идя по коридору, как этот придурок кричит на тебя.

— Он не кричал.

— Ты чересчур всепрощающая.

— Ты никого не прощаешь!

— И никто не пользуется мной, — сказал он, приподняв бровь. — Принес тебе пончики от «Джо».

— Спасибо.

— Хочешь поговорить об этом? — он протянул мне маленький бумажный пакет из нашего любимого магазина с пончиками.

— Он увозит детей назад в Калифорнию, — сказала я тихо.

— Какого хрена? — он выглядел таким же шокированным, как я себя чувствовала. — Не позволяй ему!

— Я ничего не смогу сделать, Брам.

— К черту все. Я...

— Нет, — предупредила я, кладя пончик на стол рядом с собой. — Это не твоя битва.

— Это моя битва с десятилетнего возраста.

— И я люблю тебя за это, но в этом случае ты бессилён. Усилиями лишь сделаешь все хуже.

Моя мама прошла через дверь несколько минут спустя, маленький выводок Андерсонов шел за ней как утята, и мне пришлось изо всех сил сдерживать желание заплакать.

— Сеся! — закричал Ганнер, когда мама поставила его на кровати. Он все еще не овладел звуком «т» в слове «Тетя». — Сеся. Сеся. Сеся. — Он лег со мной и свернулся вокруг моего живота, засунув голову в пространство между моим подбородком и грудью.

— Он спрашивал о тебе все утро, — объяснила мама с улыбкой. — Как себя чувствуешь?

— Хорошо, — прошептала я с дрожью, притягивая Ганнера к себе, наблюдая, как Сейдж и Келлер ругаются за единственный стул в комнате, а Гевин показывает что-то в своей руке Брамму.

Какого черта мне делать?

Шейн забрал меня на следующее утро после выписки, и в тишине мы вернулись в дом моих родителей. Я не была уверена, почему он молчал. Он был тем, кто выбил почву у меня из-под ног. Я также была не уверена, почему он предложил меня забрать, вместо того, чтобы это сделала мама, как и планировалось.

— Мы уезжаем в четыре, — сказал Шейн, наконец, разрушая тишину между нами, когда повернул машину на подъездную дорожку. — Наш самолет в шесть тридцать.

— Серьезно?

— Мне нужно быть дома, на случай, если меня вызовут. До сих пор мне везло, — ответил он тихо.

— Так что теперь? — я выдохнула насмешливый смешок. — Что будут делать дети, пока ты на работе?

— Меган сказала, что присмотрит за ними, пока я не найду няню.

— Ты оставишь их с няней вместо того, чтобы позволить семье, которая любит их, заботиться о них, — сказала я мрачно, когда мы остановились перед домом. — Отличный выбор.

— Они принадлежат мне, а я живу в Калифорнии.

— Я ничего не могу сделать, чтобы изменить твоего решения? — спросила я с отчаянием.

Шейн покачал головой, стиснув челюсти.

— Ладно, — я долго смотрела на лобовое стекло, когда он поставил машину на режим «парковка». Я не знала, что делать. В моей груди будто была дыра, которая становилась все больше, оставляя за собой разруху.

— Спасибо большое, что заботилась о них, пока меня... — я распахнула дверь и выбралась из машины, чтобы не слушать его херню.

— Я сама, — зашипела, когда Шейн обошел вокруг машины, чтобы подхватить меня под локоть. — Не надо.

— Кейт... — сказал он напряженно.

— Нет. Ты не можешь сделать это, а затем вести себя, будто все хорошо.

— У тебя постельный режим! Не то чтобы ты можешь заботиться...

— Сис? — позвал Брам от входной двери, направляясь к нам. — Нужна помощь?

Я повернулась к брату, от которого напряжение почти исходило волнами. Он пытался, я знаю, что пытался, но ему было сложно сидеть и ничего не делать, когда знал, что мне больно.

Когда Алекс и Брам появились в нашей семье, мне было любопытно увидеть, как двоих мальчиков, которые были так невероятно похожи, будут отличать. Тогда мы не знали, что мои родители их усыновят — это произошло два года спустя, — но хоть я и была обеспокоена их появлением, они сразу же стали моими братьями, как только вошли в дом, и я радовалась, что получила двоих «по цене одного».

И вскоре поняла, несмотря на то, что мальчишки были близнецами, они были разными, как день и ночь. Алекс стал моим душевным другом. Он был понимающим и спокойным, охотно выслушивал все, что я говорила. Брам? Ну, ему было плевать, что хотела сказать восьмилетка. Так же он совсем не хотел утруждать себя моими проблемами. Я была уверена, что не нравлюсь ему, пока однажды не вошла в куст ежевики и сильно поцарапала веко. Я кричала и шаталась, когда кровь попала мне в глаз и частично ослепила, в тот момент прибежал Брам. Он был больше меня, даже тогда, поэтому поднял меня на руки и пронес весь путь до дома.

Тогда я знала, что хоть Брам и не был заинтересован в моей каждодневной драме, но он бы не колебался, если бы решил, что нужен мне. Он был самым надежным человеком из всех, кого я знала. Стойкий. Верный. И он хотел выбить весь дух из мужчины, который стоял рядом со мной.

— Поможешь мне? — спросила я неуверенно. Звук протеста почти вырвался из горла Шейна.

— Да, никаких проблем, — сказал Брам, спрыгивая с крыльца и сгребая в свои объятия, чтобы занести в дом как невесту.

— Дети ждут тебя внутри.

— Ребята, вы возвращаетесь в Сан-Диего со своим отцом, — пыталась я объяснить старшим детям уже, наверное, в двадцатый раз за день. Казалось, только Ганнер чувствовал себя нормально из-за этого. Он сидел, не обращая ни на что внимание, перекусывая мармеладками. Клянусь, это был единственный способ, когда этот ребенок оставался спокойным несколько минут подряд. Я поняла это месяцы назад и использовала этот трюк, чтобы держать его спокойным и счастливым во время звонков Шейна по «Скайпу».

— Что ты будешь делать? — спросила Сейдж в замешательстве.

— Я должна остаться здесь, Сейдж-Рейдж. Я не могу летать. Вероятно, я даже не должна вставать с кровати.

— Тогда мы тоже должны остаться, — сказал Келлер, нахмурившись. — Мы не можем оставить тебя.

— Со мной все будет хорошо. Моя мама и ваша бабушка позаботятся обо мне, — сказала я ему, прослезившись.

— Я не хочу уезжать.

— На следующей неделе у тебя начинается детский сад, дружочек. Ты же не хочешь начать позже всех?

— Мы можем пойти в школу здесь, — сказала радостно Сейдж. — Можем ездить на автобусе.

Я подняла голову в сторону дверного проема своей комнаты, где стоял Шейн, и вздрогнула от страданий в его взгляде.

— Ты должна поехать со своим папочкой, милая, — сказала я ей нежно. — Он скучал по вам, ребята.

— Но ты будешь скучать по нам! — сказал Келлер, повернувшись к отцу. — Она будет скучать по нам, если мы уедем.

— Я знаю, приятель, — сказал Шейн утешительно. — Но она приедет...

— Она не может поехать, или Айрис вылезет! — закричал Келлер, все его тело дрожало от внезапной ярости. — Она должна оставаться в кровати!

— Это не навсегда, малыш, — я пыталась успокоить его.

— Айрис?^[2] — спросил Шейн.

— Это имя ребенка, — проинформировала Сейдж. — Как цветок, и только пять букв, как и в моем имени!

— Восхитительное, — улыбнулся Шейн.

— Я не поеду, — объявил Келлер дрожащим голосом. — Я останусь здесь с тетушкой Кейт.

Гевин сидел спокойно, наблюдая за происходящим, но после заявления Келлера начал плакать.

— Ох, мартышка, — лепетала я, сев, чтобы притянуть его к себе на колени. — Все хорошо.

Я не смогла разобрать его ответный лепет, затем он начал рыдать, пока я раскачивала его вперед-назад.

— Сынок, время ехать, если вы все еще собираетесь, — я услышала голос Майка из коридора, отчего все мое тело похолодело.

— Поцелуйте тетю Кейт, детишки, — сказал Шейн, когда подошел к кровати.

— Нет, — ответил Келлер, когда на лице Сейдж появился испуг. Она смотрела между мной и Шейном, ее нижняя губа дрожала.

— Чмокни меня, малышка, — сказала я, мой голос перехватило в горле. — Время ехать.

Когда она наклонилась и чмокнула в щеку, обнимая меня вместе с Гевинном, я закрыла глаза и пыталась держать эмоции под контролем. Рыдание сделает их отъезд еще тяжелее для них, а я не могла позволить этому произойти.

Сейдж встала с кровати и пошла к двери, не оглядываясь, уклонившись от руки, которую Шейн ей протянул.

— Поцелуй меня, мартышка, — сказала я на ухо Гевину, когда он икнул. — Ты полетишь на самолете!

— Не хотю.

— Ты любишь летать! Уверена, стюардессы даже дадут тебе крендельки, если ты будешь хорошо себя вести.

Затем Элли вошла в комнату, я выпучила глаза из-за ее напряженного выражения лица.

— Пойдем, Гевин, — сказала она, поднимая его с моих коленей, после еще одного

быстрого поцелуя. — Бабушка поможет тебе пристегнуться.

— Мама! — закричал Ганнер, когда я наблюдала, как Элли уносила Гевина за дверь. — Сеся! Мама! Мама!

— Больше нет, дружок, — сказала я, тихо всхлипнув, оставив миску с мармеладками в сторону, пока наблюдала за Келлером краем глаза. Он спустился с кровати и стоял напротив Шейна с непреклонным выражением лица.

— Могу я поцеловать? — спросила я Ганнера, притягивая его к себе.

— Нет! Мама! — Он извивался и вертелся, взбешенный, что я больше не даю ему мармеладок. Прежде чем смогла его успокоить, его вырвали у меня из рук.

— Мама — это мармеладки? — спросил Шейн со странным выражением на лице.

Я кивнула, не в состоянии даже говорить с ним.

— Мы дадим тебе немного мармеладок в машине, приятель, — пробубнил Шейн, потеряв спину Ганнера, когда встретился со мной взглядом. — Я отнесу его в машину. Пойдем, Келл, — приказал он без эмоций в голосе.

— Нет, я остаюсь с тетей Кейт, — бурно возразил Келлер.

— Келлер, — предупредил Шейн с суровым взглядом, прежде чем унес моего малыша за дверь.

— Мама! Сеся! Сеся! Мама! — кричал Ганнер испуганно, пытаясь вырваться из хватки Шейна. Он все еще не чувствовал себя комфортно со своим отцом, и мой желудок сжался, когда он начал плакать.

Когда они исчезли из виду, Я повернулась к Келлеру со слезами на глазах.

— Я останусь с тобой, — сказал он, вытирая мое лицо своими грязными пальчиками.

Из-за его слов слезы потекли еще быстрее.

— Ты должен поехать, малыш, — спорила я. — Твой папа хочет поехать с тобой. Он безумно скучал по тебе.

— Он может взять Сейдж, Гевина и Ганнера, — он выпрямился, когда услышал шаги Шейна по коридору. — А я останусь с тобой.

— Поехали, дружище, — сказал Шейн решительно, когда встал в дверном проеме.

— Я остаюсь здесь.

— Не остаешься. Живо в машину, Келлер.

— Нет.

Шейн направился к нам, сжав челюсти, и Келлер встал позади меня на кровати.

— Нет! — кричал он, разрывая мое сердце надвое. — Нет!

Шейн осторожно, но крепко тянул Келлера, пока тот хватался за меня, тянув мою футболку и руки.

— Не позволяй ему забрать меня! — кричал он, в глазах не было слез, но в голосе сквозила паника. — Тетушка Кейт! Тетушка Кейт! Пожалуйста! Пожалуйста!

Он боролся с Шейном. Боже, упорно боролся. Но он не мог одолеть взрослого мужчину.

Я вонзила ногти в бедра, когда кричала ему, пытаясь успокоить единственным способом, которым могла.

— Все хорошо, малыш. Все хорошо. Я позвоню тебе сегодня. Я люблю тебя! С тобой все хорошо.

Они покинули комнату, и я сидела тихо, слушая, как Келлер кричал всю дорогу до машины. У меня не было выбора.

Мне было почти тридцать, и я никогда не испытывала ни к кому ненависти до этого

МОМЕНТА.

Я знала, что прошло время с тех пор, как Шейн забрал моих детей, но не была уверена сколько. Казалось, будто вечность. Свет за моими веками медленно исчезал, когда солнце ушло с неба, а в этот момент, кто-то включил лампу на тумбочке рядом с моей кроватью, но я не открывала глаза, чтобы узнать, кто это. Мне было все равно.

Я не могла двигаться. Едва могла дышать. Конечности были такими тяжелыми, что я была не в состоянии перевернуться. «Вот так ощущается смерть?» — задавалась вопросом.

Члены семьи заходили и выходили из комнаты, проверяя меня и разговаривая низким шепотом, думая, что я не услышу. Может, они думали, что я сплю, но это не так. Не в этом состоянии. Я не знала, смогу ли снова спать.

Крик Келлера снова и снова проигрывался в моей голове, пока я не прижала плечо к уху. Это не помогло. Я все еще могла его слышать. Видела, как его отчаянный взгляд встретился с моим, когда он отбивался и кричал.

Наконец, к счастью, звуки растаяли, пока не появился просто шум. Все потускнело, как будто я дрейфовала между сном и бодрствованием.

— Я составлю тебе компанию, сис, — сказал голос моего отца, прорываясь в пустоту. Звук чего-то тяжелого, ударившего по ковру, сопровождался шорохом и вздохом облегчения, который мой отец всегда выпускал, садясь.

Затем снова была пустота.

Голоса появлялись и исчезали. Кто-то убрал мои волосы с лица, но я все еще не двигалась.

Айрис беспокойно извивалась, затем, должно быть, уснула. Мой живот напрягся и расслаблялся, но это не было больно, поэтому я игнорировала ощущение.

— Я бы хотела, чтобы Алекс был здесь, — сказала тихо Ани, ложась на кровать рядом со мной.

Я не была уверена, говорила она со мной или нет, но не ответила. Я не хотела Алекса. Я не хотела своего отца, который не покидал комнату, или маму, которая сидела у изножья кровати и потирала мои ступни. Я не хотела Ани или Брама, или дядю с тетей, которые заходили на какое-то время, но не оставались. Должно быть, для них было странно, что мужчина, которого они считали сыном, сделал это со мной.

Наши семейные взаимоотношения были настолько непонятными, что иногда я задавалась вопросом, как нас видят окружающие.

Я, Брам, Алекс, Тревор и еще один сын Элли и Майка, Генри, росли вместе с детства. Мы вели себя, выглядели и чувствовали как кузены, хотя наша внешность очень отличалась. С годами мы даже переняли выражения лиц наших родителей, что укрепило сходство. Шейн и Анита появились, когда большинство из нас уже были взрослыми. Они считались нашими, но не разделяли нашу историю или связь, что, вероятно, было хорошо, учитывая тот факт, что я забеременела от Шейна, а Анита и Брам... я даже не знала, что, черт побери, сказать о них. Что-то происходило между ними, не выходя на всеобщее обозрение, но никто из них об этом не говорил.

Анита заерзала рядом со мной, и я хотела закричать, чтобы она оставила меня в покое. Я не хотела ощущать ее движений или слышать бормотание в сторону Брама. Я хотела быть ничем. Хотела найти свое пустое место и оставаться там, чтобы с каждым вдохом мне не

казалось, будто моя грудь разрывается на части. Если бы не ребенок, приютившийся под моим сердцем, я не уверена, на что была бы готова ради поисков этого места.

— Какого хрена тебе надо? — голос Брама донесся откуда-то ниже уровня моей кровати. Должно быть, он сидел на полу, но я не хотела открывать глаза и проверять. Это не имело значения. Ничего не имело значения.

— Пошел ты, мудака, — сказал Брам. Ему нужно было уйти, если он хотел поговорить по телефону. — Не так легко, как ты думал, забрать детей от единственной матери, которую они знали, да? — сказал Брам зло.

— Брам, это Шейн? — спросила мама в замешательстве.

В горле поднималась желчь, и я яростно пыталась ее сглотнуть. О, боже мой, я не могла дышать. Брам кивнул, и в моем горле образовался ком.

— Подожди, — приказал Брам в трубку. — Мишка Кэти, Шейн звонит.

— Что-то случилось? — задыхалась я, высунув голову. Я так долго лежала, что мои руки онемели, и едва могла двигать ими.

— Он говорит, что Ганнер расстроен, и он не может его успокоить, — сказал Брам, вставая с пола.

Я даже не осознавала, что плачу, пока не кивнула, и воздух ударил по мокрым местам на моих щеках.

— Эй, пап, — сказала я хрипло. — Можешь подать мне гитару?

Я неуклюже приподнялась на матрасе и села с помощью Ани, когда мой отец открыл чехол с гитарой в углу. Я знала только один способ, чтобы утихомирить Ганнера так поздно ночью. Резко вдохнув, я нажала кончиками пальцев на глаза, пытаясь контролировать ощущение беспомощности. Мой малыш плакал без меня, и я не могла обнять его или потереть спинку, но могла сделать это.

— Попроси его поставить телефон на громкую связь, — сказала я Брам, мой голос затих на последнем слове. Мой живот был твердым, как скала, и боль ударила меня будто кувалдой, когда я забрала гитару у отца и расположила на своих бедрах. Я дышала через нос в течение минуты, притворяясь, что настраиваю гитару. Я едва могла дотянуться до струн с такой болью. — Поставь свой тоже на громкую связь, братишка, — сказала я, наблюдая, как Брам кивнул и нажал «громкая связь», прежде чем положил телефон на кровати.

Невольный хнык покинул мое горло, когда комнату заполнил звук, плачущих мальчишек, плакал не только Ганнер, но и Гевин.

— Привет, мартышки, — перекрикивая шум, мой голос сломался. — Ганнер? Гевин? Где мои мартышки?

Медленно шум уменьшился в динамике.

— Сеся? — закричал Ганнер. Боже, он звучал напуганным.

— Привет, малыш, — сказала я, поднимая руку и прикрывая глаза. Если не буду видеть обстановку вокруг, возможно, смогу притвориться, что они здесь со мной. — Почему вы плачете?

— Сеся, — хныкал Ганнер.

— Ты должен сесть, хорошо? — крикнула я, мои руки дрожали. — Гевин, ты готов?

— Да, — прозвучал пронзительный голос Гевина.

— Келлер и Сейдж с вами?

— Да.

Я начала наигрывать любимую песню Ганнера и задрожала, когда дети затихли. Я

почти остановилась снова, чтобы слышать их. Закрыв глаза, начала петь. Мой голос был глубже, чем обычно, хриплый и надломленный, но это не имело значения. Мой желудок сжался, а дыхание перехватило, когда резкая боль запульсировала между бедрами, отчего плечи сгорбились, а тело начало дрожать, но я не переставала петь.

«Это схватки», — подумала я, когда боль начала угасать. Я рожаяю.

Внезапно голос Сейдж донесся через динамик, высокий и чистый, подпевая припев. Я опустила подбородок, стараясь не разрыдаться. Роды подождут.

Я дрожала от боли, когда еще одна схватка ударила по мне, прилив жидкости ощущался между моих ног, когда песня закончилась, но пальцы не переставали играть, и я перешла на новую. Я не была готова остановиться, хотя, казалось, дети утихомирились. Я не смела повесить трубку и прервать единственную связь с ними.

Брам оттолкнулся от стены, когда мой голос надломился, но я проигнорировала его. Просто продолжала играть, пока внезапно не раздался голос Шейна.

Я стиснула челюсти, а мои пальцы внезапно онемели.

— Они уснули, — сказал он тихо, — спасибо, Кэ...

Брам схватил телефон с кровати и кинул в стену, обрывая слова Шейна, и телефон разлетелся на куски.

— Вероятно, тебе он понадобится, — сказала я, позволяя гитаре упасть, когда потянулась к руке Брама.

— Куплю новый, — ответил он.

— Хорошо, потому что воды только что отошли, и кто-то должен позвонить Алексу, — сказала я тихо, мои губы дрожали, когда смесь волнения и ужаса соперничали с моим опустошением. Я не смогла попрощаться.

— Ты идиотка, — сказал он с улыбкой, покачав головой, когда наш отец обошел кровать и поднял меня.

— Ты идиот, — я слабо спорила, оперевшись на плечо отца, когда мама сказала что-то о том, что мне нужно принять душ.

Мой желудок снова сжался, и руки моего отца напряглись вокруг меня, когда все мое тело замерло в агонии.

— С тобой все хорошо, мишка Кэти, — сказал он нежно, ставя меня на пол ванной. — Она придет на свет немного раньше, но все будет хорошо.

Он ошибался. Я не думала, что все когда-нибудь снова встанет на свои места.

Я облажался. Сильно.

Наконец, я сел со вздохом на диван и потер лицо руками. Я понятия не имел, что делать.

Когда решил забрать детей домой с собой, то не делал это со злости. К черту все, я поступил правильно.

Мои дети принадлежали мне. Конец истории. И я ненавидел то, что Кейт пришлось остаться в Орегоне, но это была не моя гребаная вина. Я предупреждал ее, ясно дал понять, что не считаю лучшей идеей забирать детей туда, и теперь посмотрите, что произошло.

Я привез четверых детей с разбитыми сердцами назад в Калифорнию, оставив ее там.

Знал, что малышне придется приспособиться. Кейт заботилась о них, сколько они себя помнили, а я был для них незнакомцем. Я понимал. Но не думал, что мои старшие дети будут меня ненавидеть. Сейдж не разговаривала ни с кем, а Келлер был бешеным, как злая собака.

Скоро родится малышка, и Кейт сможет вернуться домой. Я планировал ее возвращение, когда принял решение забрать детей с собой, но не планировал дерьмовое шоу, в котором участвовал.

Как будто я украл собственных детей.

Стук в дверь напугал, и я встал, чтобы посмотреть, кто там. Довольно поздно показываться у кого-то дома в полночь.

— Алекс? — спросил я удивленно. — Какого черта ты забыл в Оушенсайд?

— Нам нужно о многом поговорить, мужик. Могу я войти?

— Да, да, входи.

Я в недоумении наблюдал, как он бросил спортивную сумку у передней двери и направился на кухню.

— У тебя есть пиво? — тихо спросил.

— Понятия не имею. Я только приехал.

— Да, наслышан, — ответил он, поворачиваясь ко мне с двумя банками пива в руках.

— Что происходит? — спросил я, когда он бросил мне одну.

— Ох, я уверен, ты знаешь, почему я здесь.

— Кейт, — ответил я, плюхаясь обратно на диван.

— Какого хрена происходит, Шейн? Даже для тебя это низко.

— Какого хрена это должно означать?

— Ты никогда не сходил с ума по Кейт, мы все это знали. Тогда какого черта ты с ней переспал?

— Мы напились, — процедил я.

— Попробуй еще раз. Тебе не восемнадцать, и ты не на студенческой попойке.

— Все это не твое дело.

— Ну, давай посмотрим, — Алекс наклонился вперед и упер руки в колени. — Мы с Брамом приглядывали за нашей сис с тех пор, как ей исполнилось восемь. Мы оказывали ей первую помощь и защищали больше раз, чем ты можешь себе представить. Черт, мы почти отправились в тюрьму из-за нее, когда мелкий ублюдок, приемный ребенок, попытался ее изнасиловать...

— Что? — закричал я, подскакивая с дивана.

— Ох, успокойся, идиот. Он не зашел далеко, и это было годы назад.

— Когда?

— Ну, дай подумать... ей было около двенадцати. Задолго до твоего появления.

— Боже.

— Мы отклонились от темы, — сказал Алекс, покачав головой.

— Какого черта никто не сказал мне об этом? — спросил я, находясь в ярости.

— Какого черта тебя это волнует? Девять месяцев назад тебе было бы плевать, даже если бы Кейт упала замертво посреди улицы.

— Бред.

— Нет, это правда, — огрызнулся он в ответ, сжав кулаки. — Ох, я знаю все о том времени, когда мы были детьми: ты зависал с Кейт, брал от нее все, что хотел, и ничего не давал взамен. Черт, мы все это видели. Но Кейт — это Кейт, и она умоляла нас не вмешиваться. По какой-то неизвестной причине, она продолжала слепо доверять людям, даже после того, что маленький ублюдок сделал годы назад... И ты тотчас продинамил ее, да?

— Было не так, — спорил я, мое лицо покраснело.

— Ох, именно так. Ты не хотел милую Кейт. Она была недостаточно крута для тебя. Недостаточно сексуальна для тебя. Неважно, мужик, это твое дело. Но ты дурачил ее годы, прежде чем она, наконец, начала забывать тебя... Но на самом деле этого не произошло.

Я раздавил пивную бутылку в руке, из-за чего пиво разлилось на пол.

— О, нет. Тебе было нужно прокрутить нож немного дальше, верно? Нанести свой последний удар. Поэтому вместо того, чтобы на хрен отвалить, ты приударил за ее лучшей подругой. Черт, ее единственной подругой. За той, с кем она, наконец, почувствовала себя классной. За единственной девушкой, которая принимала ее за чистую монету и не думала, что с Кейт что-то не так.

— Я влюбился в нее! — зашипел я. — Какого черта мне нужно было сделать, просто бросить Рейчел, потому что Кейт это не понравилось?

— Да, — ответил он просто, из-за чего дыхание перехватило в моих легких. — Для начала, ты никогда не должен был начинать эти отношения, но... Эй, мы все бываем молоды и глупы, верно? А все то дерьмо, что ты сделал ей с тех пор, делает тебя гребаным неудачником.

— Я ничего не делал Кейт. О чем, черт побери, ты говоришь?

— Ты понятия не имеешь, — он покачал головой и откинулся в кресле, уставившись в потолок. — Боже, я не думал, что ты настолько тупой.

— Перестань называть меня тупым, или я надеру тебе задницу.

— Можешь попытаться, морпех. Не уверен, что ты преуспеешь.

— Убирайся на хрен из моего дома. Я не собираюсь с этим разбираться.

— Ох, я не закончил, — тело Алекса не меняло расслабленную позу в кресле, хотя от моего тела почти исходили волны подавляемого гнева.

— Я закончил, — объявил я.

— Ты знал, что Кейт практически жила с Рейчел, пока ты был на заданиях? — спросил он непринужденно.

— Что?

— Да, в момент, когда ты уходил за дверь, Рейчел звонила Кейт, чтобы та приехала и

помогала ей.

— Нет, она так не делала, — я пытался вспомнить телефонные звонки и электронные письма от Рейчел на моих предыдущих заданиях, но они уже начали стираться из памяти.

— Да, мужик, так и было, — сказал тихо Алекс. — Рейчел не очень хорошо справлялась в одиночку. Не уверен, или ты не обращал внимания, или она слишком хорошо это утаивала — Рейчел была хорошей девушкой, не пойми меня неправильно, — но она годами использовала Кейт.

— Ты ошибаешься, — спорил я, покачав головой.

— Я прав, мужик, и если поразмыслишь, то поймешь, о чем я. Кейт переехала сюда ради Рейчел. Она могла работать отовсюду, так почему бы ей не остаться в Орегоне со своей семьей? Она отложила все и переехала, и находилась рядом с твоей женой годами, пока ты был на задании за заданием. У нее не было парня больше месяца-двух, потому что они все видели и не могли примириться с этим, или пытались поговорить с Кейт об этом, и она бросала их. Она практически вырастила твоих детей.

— О, боже мой.

— Не пойми меня неправильно. Кейт любит их, — он устало вздохнул и покачал головой. — Она сделает все ради друзей, и она влюбилась в Сейдж в момент, как только увидела ее. Черт, думаю, она была первой, кто держал Гевина. Она любит этих детей, и если спросить ее, думаю, что она сказала бы, что не изменила бы и минуты последних девяти лет. Что безумно херово, так как, что случилось, когда ты возвращался домой? Она все теряла. Рейчел больше в ней не нуждалась. У нее был ты.

— Перестань, — приказал я, вытягивая руку. Я пытался вспомнить, что Келлер сказал мне в прошлом году.

— В той или иной мере ты контролировал ее жизнь и счастье почти половину ее жизни, ты — придурок с большим самомнением. Она, черт побери, крутилась вокруг тебя, как будто ты солнце или подобное дерьмо, — Алекс зарычал в раздражении. — И теперь, когда она беременна твоим ребенком, ты забираешь ее детей и увозишь их?

— Они не ее..

— Закончишь это предложение, и я, нахрен, вырублю тебя, — прервал он, прежде чем допил пиво и поставил банку на журнальный столик. — Полагаю, она уже должна к этому привыкнуть. Ты вернулся домой, есть смысл в том, что ее снова вышвырнули.

«Теперь мы сможем видеть тетушку Кейт каждый день. Мне нравится, когда мы видим ее каждый день. Хотя я не люблю, когда ты уезжаешь, папочка. Хоть мы и не видим тетушку Кейт в это время. Я люблю, когда ты дома».

Слова Келлера, наконец, дошли до меня, и я опустил голову на руки.

— Боже мой.

— Послушай, мужик, Кейт не скажет мне спасибо за то, что я приехал и растрепал тебе все...

— Тогда почему ты здесь? — спросил я растерянно, подняв голову.

— Потому что она в больнице, дает жизнь твоей дочери, и так как я направлялся на Запад, подумал, что кто-то должен сказать тебе лично.

— Бл*дь! — я подскочил с места и в панике оглядел комнату. — Но было еще несколько недель.

— Я могу остаться здесь с детьми, если хочешь. Повезу их утром. Я приезжал навестить их пару месяцев назад, поэтому они знают, кто я, — он встал и потянул свое долговязое тело.

— Если не хочешь, я забронирую себе рейс и уеду.

— Нет! Нет, просто... — я в замешательстве оглядел комнату. — Мне нужно позвонить своему командиру и убедиться, что у меня есть время, и эм...

— Иди, договаривайся, мужик. Я найду тебе рейс.

Он направился к своей сумке и вытащил ноутбук, когда я быстро вбежал по лестнице. Мне нужно было попасть к Кейт. Я не должен был покидать ее.

В моей голове была куча мыслей, а сердце бешено колотилось, когда я опустошал сумку на кровати и начал ее перепаковать, набирая своего командира.

Слишком много откровений для одного вечера. Я не мог согласовать воспоминания Алекса со своими собственными.

Рейчел действительно так обращалась с Кейт? Как я не замечал? Как я мог пропустить что-то такое важное? Сейдж и Келлер говорили о Кейт больше, чем я осознавал? Судя по тому, как объяснял Алекс, она почти была еще одним родителем для них, и я не знал.

Я не мог думать об этом. Мне нужно было добраться до Орегона. Я смогу разобраться со всем, когда буду с Кейт.

Я едва успел зайти в комнату ожидания, когда получил удар кулаком в челюсть, из-за чего упал от неожиданности.

— Какого черта?

— Убирайся нахрен отсюда, — приказал Брам, показывая на дверь.

— Абрахам, сбавь обороты! — закричал отец Кейт сердито. — Сейчас не время и не место, сын.

— Я, бл*дь, убью тебя, — сказал тихо Брам, когда его отец встал со своего места. — Будь начеку.

— Она в порядке? — спросил, когда Брам отошел, и я поднялся на ноги.

— Все прошло очень хорошо, — заверила меня Элли, когда подошла. — Мамочка и ребенок в порядке.

— Она уже появилась на свет? — спросил я, мой голос надломился, когда разочарование наполнило меня.

— Около часа назад, милый, — сказала Элли сочувственно, обнимая меня.

— Черт.

— Хочешь их увидеть?

— Да.

Я последовал за Элли по коридору, но ненадолго остановился, когда мы достигли двери Кейт. Мои ладони вспотели, и казалось, будто огромный валун давит на мою грудь. Я не знал, смогу ли войти.

Но когда Элли открыла дверь, я без задней мысли зашагал вперед, подойдя к двум фигурам, мирно лежащим на кровати.

— Кэти? — позвал я нежно, когда ее мама встала со своего места у кровати и последовала за Элли из палаты. — Я здесь, детка.

Ее глаза были закрыты, когда я вытянул руку и коснулся кончиками пальцев ее волос.

Она выглядела такой вымотанной. Глаза и губы были опухшими, а на щеке красные точки, должно быть, капилляры лопнули во время родов. Такая красивая.

Это всегда должна была быть Кейт. Мои руки дрожали, когда правда просочилась в мои поры. Так было с тех пор, как я был глупым ребенком.

— Не прикасайся ко мне, — сказала она с дрожью в голосе, наконец, открыв глаза. — Убирайся.

— Кэти, я...

— Где мои дети? — спросила она, ее глаза были затуманены медикаментами.

— Они в Калиф...

Ее хватка вокруг нашей дочери усилилась, как будто она боялась, что я могу ее забрать.

— Убирайся.

— Мишка Кэти, я сожалею.

— Я ненавижу тебя, — прошептала она, в ее глазах стояли слезы. — Я бы хотела твоей смерти, тогда бы смогла вернуть своих детей.

Я в ужасе отшатнулся от кровати и наблюдал, как она засыпает, будто меня здесь никогда и не было.

Боже праведный, что я натворил?

— Время одеваться, сладкая девочка, — ворковала я возле сонного личика Айрис, когда положила ее на свою больничную койку. — У нас еще нет своего собственного дома, ты полюбишь дом бабушки. Твои братья и сестры тоже его любят.

Одевать новорожденного то же самое, что одевать осьминогов: их маленькие конечности так изгибаются, что пытаться протолкнуть их через маленькие отверстия — это испытание терпения, не говоря уже о гибкой шее и непропорциональной головке.

— Не беспокойся, Айрис, твое тельце дорастет до головки, так же как было у Келлера, — бормотала я, натягивая на нее вязаный колпачок. — Не могу сказать, что жаловалась бы, если бы твоя головка была чуть меньше, но эй, мы прошли через это, да?

Мои потуги прошли быстро. Матка почти полностью раскрылась к тому времени, как мои родители привезли меня в больницу, но я тужилась часами, пока она, наконец, появилась на свет. Я почти потеряла рассудок, проходя через это, и мое лицо краснело, вспоминая, что кричала своей семье, когда достигла своего предела.

Я думала, что буду смущена тем, что мой отец и Брам находились в палате, пока рожала, но странным образом смирилась с этим. Палата была полна людей. Мама, Ани и тетя Элли были в центре событий, но папа и Брам оставались... у моей головы. Я не думаю, что они хотели увидеть нижнюю часть моего тела, так же как я не хотела, чтобы они ее видели.

Они просто не хотели покидать меня, не важно, какой хаос царил. Не могу винить их за это, но думаю, что Брам справился бы совсем лучше, если бы остался в комнате ожидания. Пару раз мне казалось, что на нем лопнет одежда, как на Халке, и он разнесет всю палату.

Я улыбалась, когда подняла Айрис и побрела к ее автолюльке. Я планировала использовать старое сиденье Ганнера, но план полетел к чертям, так как оно находилось в гараже в Калифорнии. Мое дыхание перехватило.

Я скучала по Сейдж, Келлеру, Гевину и Ганнеру больше, чем это было возможно. Совсем не ощущалось, что я видела их пару дней назад. Казалось, будто прошли недели. Может, из-за расстояния между нами. Не то чтобы я могла с легкостью поехать к ним, особенно с этой маленькой фасолинкой, которую я пристегивала в ее автолюльке.

— Привет, сис. Ты готова ехать? — Брам зашел в нашу палату.

— Что ты здесь делаешь? Я думала, мама заберет меня, — сказала с широкой улыбкой. Мой брат выглядел так, будто не спал и не мылся с прошлой ночи, его волосы и борода обрамляли лицо, как у дикаря.

— Да, но решил, что будет лучше, если вас заберу я. Как моя девочка?

— Все хорошо. Врачи осмотрели малышку, что ее взбесило, но немного поев, она уснула. Это напомнило мне папу.

Брам насмехался:

— Она слишком хорошенькая, чтобы напоминать этого морщинистого старика.

— Не позволяй ему слышать, как ты говоришь это!

— Я буду отрицать, — ответил он с улыбкой, поднимая автолюльку Айрис. — Все собрала?

— Да. Дай мне взять сумку.

— Я возьму, — спорил он, вытягивая ее из моей руки и набрасывая себе на плечо. — Ты передвигаешься как старушка. Полагаю, у тебя... эм, там болит, — он покраснел, и я

рассмеялась.

— Да. Болит — то самое слово.

— Я представляю швы. Брр...

— Мы можем просто перестать говорить об этом? — перебила я, усмехаясь.

— Да. Пойдем. Я взял грузовик. Подумал, что так мы сможем видеть ее, пока будем ехать. К тому же, ты знаешь, он большой, как танк.

— Машина мамы подошла бы, — фыркнула я. — Но грузовик тоже ничего.

Казалось, что мы едем до моих родителей вечность, особенно когда Айрис начала кричать примерно за двадцать минут до дома.

— Что не так? — яростно закричал Брам через шум.

— Думаю, она голодна, — крикнула я в ответ между криками. — Просто продолжай ехать. Мы почти на месте, и я смогу ее покормить.

Личико Айрис покраснело, а крики продолжились. Но к моменту, когда достигли длинной подъездной дорожки дома моих родителей, мы с Брамом настолько оглохли, что были готовы взорваться от любого звука.

В момент, когда Брам остановил машину, я отстегнула Айрис и притянула к своей груди.

— Шшш. Ничего себе, сис, ты сорвешь себе голосовые связки с такой скоростью, — сказала я тихо ей в ухо, пока она плакала.

— Я возьму вещи. А ты просто отнеси ее внутрь, — сказал Брам, открывая дверь и помогая мне выбраться из грузовика.

— Спасибо, что забрал меня, братик.

— Всегда пожалуйста.

Я улыбнулась при виде крыльца. Повсюду были фиолетовые и розовые воздушные шары.

Мама стояла на подъездной дорожке со странным выражением на лице. Но я не остановилась, когда прошла мимо нее. Мне нужно было переодеть Айрис и быстро засунуть сосок ей в рот.

— Мишка Кэти...

— Говори на ходу, ма. Она плачет последние двадцать минут.

— У тебя посетитель, — начала она, когда я на краткое мгновение остановилась у входа в гостиную.

Мое сердце забилося, и я радостно улыбнулась.

— Дети здесь? — сказала я, смотря между Шейном и отцом, которые, казалось, сверлили друг друга взглядами через всю комнату.

— Нет, — прохрипел Шейн, смотря на Айрис. — Я не...

— Убирайся нахрен, — сказала я решительно, мое сердце ухнуло вниз.

— Кэти...

— Не называй меня, Кэти, — приказала я, прежде чем повернулась к маме. — Я покормлю ее в своей комнате.

Я ушла.

— Кейт!

— Она не хочет тебя видеть, — я слышала, как зарычал Брам.

— Нам нужно поговорить!

Я проигнорировала Шейна и продолжила идти в свою комнату в задней части дома, пока слезы текли по моему лицу. Я просто хотела своих детей.

— Ты не можешь вечно игнорировать его, — ругала меня Анита, покачивая Айрис, пока я одевалась. Боже, у меня все еще болело, а швы, которые наложил доктор, жутко чесались.

— Я не хочу его видеть.

— По крайней мере, он должен увидеть Айрис.

— Он видел ее.

— Он еще даже не держал ее.

— Да, но он мудака, а я не хочу, чтобы она заразилась.

— Послушай, я буду первая, кто вздернет его на дереве, но черт, сис. Ты не такая.

— Какая не такая? — спросила я, пока осторожно натягивала лифчик для кормления. Моя грудь стала еще больше и горячее. Молоко еще не поступало в полной мере, но медсестра сказала, что это вопрос пары дней. Я надеялась, что «девочки» не будут так напоминать шары для боулинга, когда это произойдет. Это было смехотворно.

— Ты, игнорирующая Шейна. Знаю, что злишься, но ничего не успокоится, если не поговоришь с ним. Ты и понятия не имеешь, что он хочет сказать. Может, он хочет позволить детям жить здесь с тобой, но ты никогда не узнаешь, раз даже не хочешь находиться с ним в одной комнате.

— Я очень сомневаюсь, что он позволит детям жить с их тетей в другом штате. Ты с дубу рухнула?

— Ты понятия не имеешь, чего он хочет, мишка Кэти. Вот, что я скажу. Если он искренне-серьезно хочет наладить отношения, ты не хочешь этого?

— Искренне-серьезно?

— Что?

— Нет такого слова.

— Есть.

— С каких пор?

— С тех пор как горячий парень из «Стрель» сказал его. Перестань менять тему. Он здесь два дня. Ты должна с ним поговорить.

— Хорошо, — пробурчала я. — Но я возьму Айрис с собой.

Я осторожно подошла к Ани и забрала свою дочурку из ее рук.

— Как ты смеешь забирать эту малышку от ее тети?! — фыркнула Ани.

— Серьезно? — спросила я в притворном ужасе.

— Слишком рано?

— Да, слишком рано. Дурашка.

Я покинула комнату, когда она усмехнулась, и спрятала улыбку. Анита всегда была немного резковата, но она будет первой, кто прикроет твою спину: физически или словесно. Она попала к нам в семью поздно, когда детство уже заканчивалось, и я знаю, что из-за этого она чувствовала себя не в своей тарелке, но я всегда считала ее своей сестрой... Даже когда она отпускала свои совершенно неуместные шуточки. В конце концов, она тоже это поняла.

— Кейт, — сказал Шейн, вставая из-за кухонного стола моих родителей.

— И ты, Бруг? — сказала я отцу, который все еще сидел. — Не знала, что ты делишь один стол с придурками.

— Это отвратительно, Кэти, — ответил папа.

— Нет, на самом деле придурк... ох, забудь, — я покачала головой. — Чего ты хочешь, Шейн?

— Поговорить с тобой, — сказал Шейн, колеблясь. Его взгляд метался между мной и моим отцом.

— Пойду, найду твою маму, — объявил отец, используя руки, прижатые к столу, чтобы подняться с места. — Дай мне мою внучку.

— Я только что взяла ее, — запротестовала, когда он нежно забрал ее у меня.

— Ты должна с этим разобраться, — прошептал он мне, поцеловав в щеку, прежде чем уйти.

— Ну? — спросила я, скрещивая руки. — Говори.

— Кейт, — Шейн потер руками щетину на лице. — Я думал, что совершаю правильный поступок...

— Да, мы закончили, — пробурчала я, покачав головой.

— Послушай! — крикнул он, почти подпрыгивая. — Боже, просто послушай секунду, хорошо?

— Что, черт побери, ты еще можешь сказать? Я отдала тебе все, Шейн, — крикнула в ответ, сжав руки в кулаки. — Я принимала твоё дерьмовое поведение! Я заботилась обо всем, чтобы ты не переживал. Даже, когда ты уезжал, даже когда вел себя так, будто меня не существует. Какого черта ты еще хочешь от меня?

— Я просто хочу еще один шанс, — ответил он тихо. — Хочу все исправить.

— Хочешь все исправить? — Брам выскочил из дверного проема кухни, поразив меня. Я повернулась и увидела, что он копается в своем телефоне.

Он подошел к нам и бросил телефон на стол, когда в динамике раздался голос моей мамы.

— Ты делаешь все так хорошо, сис. Еще немного тужься.

— Я не могу, — плакала я. — Где Шейн?

— Детка, мы уже проходили это. Ты знаешь, Шейн не здесь.

— Я хочу Шейна, — отчаянно умоляла я. — Пожалуйста, найдите Шейна. Я хочу Шейна. Приведите его. Брам, где Шейн?

Мама пробормотала что-то неразборчивое, но казалось, это не возымело эффекта.

— Пожалуйста. Я не хочу. Я слишком устала. Хочу Шейна. Мама, пожалуйста.

Я закрыла глаза, как только услышала свои мольбы, но, наконец, открыла их, когда запись закончилась, и в кухне воцарилась тишина.

Шейн замер, уставившись на телефон Брама, как будто он может в любой момент взорваться. Его глаза расширились и наполнились слезами.

— Черт побери, Брам, — закричала я, поворачиваясь, чтобы оттолкнуть его. — Какого черта с тобой не так!

— Как, бл*дь, ты собираешься все исправить? — сказал Брам презрительно, отступая из зоны моей досягаемости и сердито глядя на Шейна.

Затем Брам перевел взгляд на меня, но в его выражении не было извинения.

— Ты заслуживаешь лучшего.

Брам вытянул руку, чтобы коснуться меня, но я резко отстранилась. Я была так зла и

смущена, что могла ударить его в ответ. Он покачал головой, прежде чем повернулся и выбежал из комнаты.

— Кейт, я... — голос Шейна дрожал, но в этот момент я услышала, как кто-то подъехал к дому. Подняла руку, останавливая его поток слов, и тщательно прислушалась, прежде чем быстро направиться к входной двери.

На подъездной дорожке припарковался серебристый незнакомый минивэн. Солнечные блики на ветровом стекле прятали от меня водителя. Он выключил двигатель, но никто не вылез. Затем внезапно задняя дверь открылась, и маленький мальчик выбрался и побежал ко мне.

— Тетушка Кейт! — закричал Келлер. — Я приехал! Тетушка Кейт!

Я бежала по крыльцу со слезами, игнорируя боль между ног, и встретила его внизу лестницы, садясь на корточки.

— Я скучала по тебе, — я плакала, когда его тело врезалось в мое, его ручки и ножки обхватили меня как тиски. — Ох, дружок, так сильно скучала по тебе.

— Я вернулся, — сказал он тихо мне на ухо. — Я тоже сильно скучал по тебе.

— Это самый лучший день, — ответила, вытянув руку назад, чтобы удержать равновесие, усаживаясь на нижнюю ступеньку.

Я подняла голову, когда мой брат, Алекс, вышел из машины с небольшой улыбкой, затем направился к другой двери и широко ее раскрыл. Несколько мгновений ничего не происходило, и затем Гевин, потом Сейдж и, наконец, Ганнер помчались ко мне, потирая глаза и выглядя уставшими.

— Привет! — закричала я, смеясь сквозь плач.

— Сеся! — закричал Ганнер, споткнувшись на гравии и снова поднимаясь, чтобы бежать, только на этот раз всхлипывая из-за маленькой царапины на ладошке. — Сеся! Сеся!

Гевин и Сейдж достигли меня первыми, крепко обнимая и потянув мою футболку своими маленькими ручками.

— Привет, привет, — напевала я, когда они обняли меня крепче, и вытянула руки, чтобы усадить Ганнера к себе на колени. — Все хорошо, ребятки.

— Гевин описал свое кресло, и дяде Алексу пришлось прикрыть его мешком для мусора! — объявил Келлер.

— Это была случайность! — закричал Гевин в ответ, краснея. — Случайности происходят, Келлер!

— О, он прав, дружок, — строго сказала я Келлеру. — Ты бы не захотел, чтобы Гевин над тобой смеялся.

— Я сделала тебе браслет, — сказала Сейж тихо, засунув руку в карман и вытащив нитку с беспорядочно нанизанными бусинами.

— Спасибо, принцесса! — я вытянула руку, чтобы она могла завязать браслет у меня на запястье.

— Малыш? — резко сказал Ганнер в недоумении, надавливая на мой все еще мягкий живот.

— Где Айрис? — закричал Келлер, дернув головой.

Мое лицо болело от того, как широко я улыбалась, когда ответила театральным шепотом:

— Она в доме с дядей Майклом и тетей Лиз.

— Она появилась? — сказал Гевин, широко раскрыв глаза.

— Да!

Дети слезли с меня, и мы повернулись к дому, а затем замерли.

Шейн стоял у закрытой входной двери, полностью разбитый.

— Вы, ребята, собираетесь увидеть Айрис? — спросил он нежно, смотря между нами, но не встречаясь со мной взглядом. — Вы должны вести себя очень спокойно и тихо, чтобы не напугать ее. Она очень маленькая.

Дети дали свое согласие, и он открыл дверь, чтобы мы могли пройти. Я пропустила детей первыми, но когда попытался пройти сама, Шейн задержал меня, схватив за локоть.

— Я сожалею, мишка Кэти, — он наклонился и прошептал мне в ухо. — Я больше никогда не сделаю подобного, — я замерла, когда его дыхание опалило мою щеку, и вздрогнула, когда его губы едва коснулись моих.

Прежде чем я смогла отстраниться, он продвинулся дальше и закрыл дверь между нами.

— Парень тебя любит, — сказал мне Алекс, стоя в полуметре.

— Привет, братец, — сказала я, крепко его обнимая. — Спасибо, что привез детей.

— Он любит тебя, и ты это знаешь.

— Ты еще не видел малышку? — спросила, игнорируя его слова.

— Нет, ждал тебя, — ответил он с дерзкой улыбкой.

— Она великолепна, — расхваливала я, потянув его к гостинной, знала, что там прячутся мои родители. — Лысая, но я слышала, что со временем это уходит...

Я чувствовала себя опьяненной, когда вошла в гостиную и увидела, что мама держит Айрис, окруженная толпой детей, которые пляшут на нее и указывают на различные вещи. Гевин хотел узнать, почему она так крепко замотана, Келлер хотел снять ее чепчик, Сейдж хотела ее подержать, а Ганнер осторожно тыкал в ее лицо снова и снова, приговаривая «нос».

Как будто Рождество, Хэллоуин и все дни рождения, что у меня были, смешались вместе. Это мог быть лучший момент моей жизни.

— Если ты будешь спать здесь, Айрис разбудит тебя, — предупредила я Келлера, когда мы с детьми смотрели на малышку, лежащую на моей кровати. — Она много ест.

— Я смогу покормить ее из бутылочки, — ответил он упрямо.

В комнате шел какой-то фильм по телевизору, и в то время как Сейдж и Гевин ходили туда-сюда, Келлер и Ганнер весь день не покидали меня.

— Время ложиться спать, — сказал Шейн, войдя в комнату, из-за чего Келлер напрягся. — У вас, детки, есть еще пятнадцать минут.

— Я буду спать здесь, — сказал ему Келлер, бунтуя. — Буду кормить Айрис из бутылочки.

— Эм, не думаю, что Айрис нужны бутылочки, дружок, — сказал Шейн, быстро посмотрев на мою грудь.

— Тогда что она ест? — спросил меня Гевин с любопытством, не отводя взгляда от своей младшей сестренки.

— Ну, она на грудном вскармливании, — спокойно сказала я детям, пытаясь выглядеть

серьезно. В течение дня мне приходилось уходить, чтобы покормить Айрис, потому что не было никакого способа сделать это незаметно, пока мы работали над ее хваткой. Я не хотела сверкать грудью перед Алексом и папой.

— Что? — спросил Келлер в замешательстве.

— Тетушка Кейт кормит ее из своей груди! — Сейдж опередила меня с ответом, ухмыляясь.

— Ужасно!

— Фу!

— Ужасно!

На лицах мальчишек было написано отвращение, и я не могла сдержать смех.

— Как у животных, ребятки.

— Так странно. Я думаю, вместо этого она хочет бутылочку, — сказал мне серьезно Келлер.

— Грудное кормление ей полезно, дружок, — заверила я.

— Ладно, время ложиться спать, — сказал Шейн, стоя у подножия кровати.

Ганнер сразу же начал плакать, как будто его сердце было разбито, и забрался ко мне на колени, из-за чего разбудил Айрис, и она присоединилась к его воплям. Внезапно с моей грудью случился курьез.

— Мокрая, — Ганнер икнул через мгновение, прислонившись к моей груди. — Мокрая, сеся.

Я опустила взгляд и покраснела. Что за удивительное время для появления молока.

— Дерьмо, — прошипела я.

— Дерьмо, — повторил Ганнер.

— Давайте, ребята, — позвал Шейн, пытаясь сдержать смех в голосе. — Пойдемте.

Ворча, Гевин, Сейдж и Келлер отошли от кровати. Я улыбнулась, когда мальчишки скрестили руки на груди в раздражении.

— Я буду здесь, когда вы проснетесь, — заверила я их сквозь плач Айрис. — Идите спать, а завтра сможете помочь мне купать Айрис.

Шейн выставил их за дверь, когда я посадила Ганнера рядом с собой и потянулась за маленьким подгузником на тумбочке.

— Вероятно, она мокрая, — сказала я ему, когда начала поднимать повыше ее маленькую ночную сорочку. — Хотя ей не очень нравится менять подгузники.

— Пипка? — спросил он, когда я вытащила мокрый подгузник из-под Айрис и засунула сухой под нее.

— Да, у нее нет такого. У девочек нет пенисов, как у мальчиков. Ты мальчик, а Айрис девочка.

— Я не думал, что мы будем вести разговор с Ганнером о половых различиях, когда ему еще и двух лет нет, — сказал тихо Шейн с дверного проема.

— Да, ну, малыш любопытный, — ответила я, поднимая Айрис и потирая ее спинку.

— Хочешь, чтобы я его забрал?

Ганнер лежал, засунув указательный и средний палец в рот, опустив глаза.

— Нет, он может остаться здесь, — ответила я, ложась рядом с ним и располагая Айрис между нами. — Мне все еще нужно покормить малышку, и ему будет легче уснуть, если он будет здесь с нами.

Айрис начала поворачивать головку к моей груди, и мое лицо покраснело, когда я

осознала, что Шейн не собирается уходить.

— Не возражаешь? — спросила я раздраженно, приподнимая майку для кормления.

— Совсем нет, — ответил он с улыбкой, проходя дальше в комнату.

Я немного отвернулась, когда приспустила мокрую майку и придвинула головку Айрис к соску.

В комнате было тихо, когда она, наконец, начала сосать, и все мое тело расслабилось на кровати.

— Малыш, — пробормотал Ганнер, все еще держа пальцы во рту, и вытянул другую руку, чтобы коснуться головки Айрис.

— Ты такой большой мальчик, — прошептала я, проводя кончиками пальцев по его ручке. — Время спать, мартышка.

Через несколько минут, он убрал свою ручку и сцепил обе руки на груди, засыпая. Когда пришло время переключать Айрис от одной груди к другой, я засунула палец ей в рот, чтобы убрать хватку от моего соска, перед тем как села.

Посмотрев в бок, я увидела, что Шейн делает фото на свой телефон, и засуетилась, чтобы прикрыть голую грудь. Я знала, что он был там, но игнорировала это, обнимаясь со своими детишками.

— Просто хотел фото Ганнера и Айрис, — сказал он нежно, прежде чем засунул телефон назад в карман. — Давай сменим твою мокрую футболку.

Он схватил одну из моих футболок с кровати и двинулся ко мне, повесив себе ее на плечо.

— Давай, я помогу тебе. Знаю, что у тебя все там болит.

— Я могу сделать это сама, — ответила, потянувшись к футболке у него на плече.

— Просто... Пожалуйста, Кейт, позволь мне помочь.

— Отвернись, — приказала я, отчего его плечи опустились в поражении.

— Я уже все видел, — пробурчал Шейн, прежде чем отвернулся. — Это нелепо.

— Да, ну, тогда я была твоим ковриком для вытирания ног. Больше никаких сисек для тебя.

Он тихо хихикнул, и я закатила глаза, стягивая майку по бедрам, чтобы не касаться ею воспаленной груди.

— Ты никогда не была ковриком для вытирания ног, Кейт, — сказал он серьезно, развернувшись, прежде чем я была готова. — Ты просто... просто любила меня.

Я открыла рот, чтобы ответить, когда Айрис заверещала на кровати.

— Мне нужно закончить с кормлением, — сказала я, отворачиваясь и взбираясь на кровать. Казалось, что у нас с Айрис получалось лучше, если я лежала и притягивала ее к себе, поэтому я приподняла ее и легла между ними с Ганнером. Когда все были расположены по местам, Шейн подошел на несколько шагов ближе и забрался на кровать позади Айрис.

— Какого черт ты творишь? — спросила я в изумлении. Должно быть, у парня стальные яйца.

— Я не собираюсь к тебе прикасаться, — заверил он, его лицо покраснело. — Я просто... просто хотел быть поближе на минутку. Я особо много ее не видел...

Взгляд Шейна встретил мой и затем опустился на крошечного ребенка между нами. Он вытянул руку и провел пальцами по ее шейке, из-за чего она слегка вздрогнула.

— Она очень красивая, — прокомментировал он почти шепотом. — Некоторые дети,

ну, помнишь Келлера? Некоторые дети милые, потому что очень маленькие, хотя выглядят как гремлины.

Я тихо рассмеялась. Келлер был таким невзрачным ребенком.

— Но она правда красивая. Она может быть моделью для детской еды или чего-то подобного.

— Наша дочь не будет моделью ни для чего.

— Ох, черт, нет. Я просто имею в виду, ну знаешь, что могла бы, — он снова встретился со мной взглядами. — Кэти, я...

— Нет, Шейн, — перебила я. — Просто оставь это сейчас.

— Я хочу, чтобы ты вернулась домой с нами.

— Заткнись, Шейн.

— Твой дом с нами. Мы — твоя семья.

— Ох, и ты просто решил это сейчас? — спорила я, стиснув челюсти. — Не так легко справляться с детьми без помощи?

— Это не имеет ничего общего с ...

— Конечно, имеет. Ты не можешь справляться самостоятельно, поэтому надеешься, что я вернусь, и снова буду играть роль няньки. Пошел ты, — зашипела я, когда движения рта Айрис прекратились, и она перестала держать сосок.

Он вытянул руку и крепко, но нежно, обхватил мой подбородок, когда я пыталась отвернуться.

— Я... — его голос дрогнул, когда он уставился на меня, открыл и закрыл рот несколько раз, прежде чем прикрыл глаза в поражении. — Я хочу, чтобы ты была с нами в Сан-Диего, — сказал он мне, когда я отстранилась и прижала Айрис к своей груди, прежде чем встала с кровати. — Мы с детьми хотим, чтобы ты была с нами.

— Удар ниже пояса, — пробурчала я, когда положила Айрис в ее люльку.

— Это не удар ниже пояса. Боже, Кейт. Ты тоже хочешь быть с нами.

— Я не могу вернуться к тому, что было раньше, Шейн. Ты... — я закрыла глаза и сглотнула ком в горле. — Я позволила тебе увезти их, пока они бились и кричали.

— Я не сделаю этого снова, — заверил он меня, делая шаг вперед. — Обещаю.

— Ну, твое обещание очень мало значит для меня, — ответила я ровно. — Ты можешь отнести Ганнера в детскую?

— Да, — он вздохнул и поднял Ганнера с кровати. — Просто подумай об этом, хорошо?

Я кивнула и наблюдала, как он уносит Ганнера в коридор. Затем, слишком ошеломленная, забралась на кровать и прикрыла рот рукой, чтобы заглушить рыдания.

Я не хотела ни о чем думать. Я последую за своими детьми в Калифорнию.

Просто боялась, что потеряю то, что от меня осталось, оказавшись там.

— Думаешь, это хорошая идея? — спросила меня мама, когда помогала паковать одежду Айрис. — Почему ты не подождешь пару недель, а затем мы с отцом отвезем вас...

— Не хочу быть вдали от детей так долго, — пробормотала я, застегивая сумку с памперсами.

— Ну, почему бы им не остаться здесь с тобой? Затем мы все можем поехать.

— Мам, — перебила ее, — на следующей неделе у Сейдж и Келлера начинаются занятия. Они должны вернуться в Оушенсайд.

— Я не понимаю, почему ты, по крайней мере, не можешь полететь назад. Ты не готова к такой долгой поездке. Ты только что родила, ради всего святого.

— Айрис еще не может находиться с таким количеством людей вокруг. Ее иммунная система не готова для этого.

— Это просто нелепо, — пыхтела мама, застегивая один из чемоданов.

— Привет, привет, привет! — закричала Анита, входя в комнату. — Так ты, правда, уезжаешь?

— Да, мы поедем утром. Рано. Надеюсь, дети проспят первые пару часов, — ответила я, обнимая и опуская лоб на ее плечо. — Я уже истощена.

— Бьюсь об заклад. Как дела у моей малышки сегодня?

— Изумительно. Папа понес ее в гостиную. Думаю, он вместе с детьми смотрит фильм.

— Эм, папа и старшие дети шли к ручью, когда я приехала сюда.

Я посмотрела на Аниту в изумлении и обошла ее, выходя из комнаты и направляясь по короткому коридору в гостиную. Оказавшись там, мое сердце начало дико колотиться в груди.

— Мне стоит украсть ее у папашки, — пробормотала Анита, похлопывая меня по спине, когда прошла мимо.

Шейн сидел на кресле папы с Айрис на своих коленях. Он полностью вытащил ее из одеяла и почти раздел.

— Извини, — пробормотал он, когда я подошла ближе. — Я пытался следовать твоей воле, но просто захотел подержать ее.

— По этой причине она почти голая? — спросила я тихо, когда достигла их.

Лицо Шейна покраснело, когда он неуклюже засовывал ее ручку в распашонку.

— Я просто хотел проверить. Посчитать пальчики и все такое. У меня на самом деле не было шанса... Ну, я еще особо не рассмотрел ее.

Я наблюдала, но не сделала ни движения, чтобы ему помочь, когда он застегивал заклепки, пропуская маленькие кнопки и вынуждая повторять действия. Он запеленал ее как профи, когда закончил, и прижал ближе к груди. Я осторожно села на диван.

— Ты еще не держал ее на руках? — спросила тихо, смотря, как он нежно потирает ее спинку.

— Я не думал, что ты хотела этого.

— Я не возражаю.

— Спасибо. Знаешь, я так много всего пропустил с детьми, — он посмотрел на меня, и я кивнула. — Не хочу больше ничего пропускать, если могу помочь. Она была здесь, а я не хотел взбесить тебя, но хотел... Мне нужно было ее подержать. Она, вероятно, даже не знает,

кто я.

— Она не знает, кто есть кто. Ей всего четыре дня.

— Она знает тебя, — спорил он.

— Потому что у меня есть кое-что нужно ей, — сказала я, указывая на грудь.

— Нет, она узнает твой голос и запах. Мгновенно успокаивается, когда ты с ней. Это самая крутая вещь, которую я только видел.

— У тебя есть еще четыре ребенка, это не новый феномен.

— Знаю, — сказал Шейн тихо, встречаясь со мной взглядом. — С Ганнером то же самое. В минуту, когда ты его держишь, он счастлив.

— У Сейдж, Келлера и Гевина то же самое было с Рейчел.

— Полагаю, я не обращал внимания, — он грустно улыбнулся и покачал головой. — Я не обращал внимание на многое, на что должен был.

— У тебя было много забот.

— За последние два года у меня было больше забот, чем прежде, и, тем не менее, я помню точные моменты, когда ты входила в комнату. Я видел каждый раз, когда ты в шутку дула на животик Гевина, издавая при этом смешной звук, или помогала Сейдж делать домашнюю работу.

— Ты был более осведомлен о вещах, потому что...

— Я не мог оторвать от тебя взгляда, — сказал он, прежде чем я произнесла еще хоть слово.

— Тетушка Кейт! — закричала Сейдж, когда вбежала в комнату. — Келлер упал в ручей!

— Засранец, — пробормотала я себе под нос, вставая. — Где он?

— Дедуля снял его одежду снаружи, потому что он весь грязный.

— Ладно, — я повернулась к Шейну. — Подержишь ее? — спросила, кивая на Айрис.

— Да.

— Я наберу ванну для Келлера. Должно быть, он весь испачкался.

Шейн ласково улыбнулся мне и кивнул, прежде чем снова повернулся к Сейдж, которая пыталась получше разглядеть Айрис. Я не знала, что означала эта улыбка, и у меня не было времени все это обдумать. Келлер вбежал в комнату в трусах, его лицо и руки были покрыты зеленой слизью, а на губах растянулась широкая улыбка.

Позже этим вечером я кормила Айрис, пока Брам расхаживал туда-сюда по комнате, а Алекс откинулся в папином кресле.

— Это херня, Кейт, — шипел Брам. — Ты не должна ехать в машине весь путь до Калифорнии. Особенно с этим мудаком.

— Он будет осторожен, — сказал Алекс, растягивая слова и делая глоток пива.

— Да, потому что он был так осторожен в прошлом, — спорил Брам, повернувшись ко мне. — Нечего добавить?

— Кажется, вы двое неплохо справляетесь, — ответила я с улыбкой. Мои братья говорили об этом уже почти час. Брам все больше напрягался, а Алекс расслаблялся.

— Почему ты это делаешь? — спросил Брам, остановившись. — Он обращался с тобой как с дерьмом, Кэтрин.

— Ох, он использует твоё полное имя, — сказал Алекс в изумлении.

— Заткнись на хрен, Александр.

— Успокойся, Абрахам.

— Вы, ребята, издеваетесь? — я пыхла в раздражении. — Вам по тридцать. Повзрослейте.

— Нам тридцать один, — ответили оба одновременно, прежде чем повернулись к друг другу, смотря в раздражении.

— Точно, заткнитесь уже.

— Ты ведешь себя как идиотка, Кейт, — сказал сердито брат, делая шаг вперед.

— Оставь ее в покое, Брам, — сказал Шейн, входя в комнату в паре спортивных штанов.

— Заткнись на хер, — ответил Брам, указывая на Шейна. — Ты не часть этого разговора.

— Интересно, а звучит так, будто я тема этого разговора.

— Я не надрал твою задницу, потому что отец просил не делать этого, — сказал Брам в предупреждении, скрещивая руки на груди.

Хоть в комнате и повисло напряжение, я не смогла сдержать смех, который вырвался из моего рта. Наконец, я знала, почему парни скрещивали руки, когда их что-то раздражало.

— Над чем, черт побери, ты смеешься? — спросил Брам с оскалом.

— Ладно, пора это заканчивать, — сказал Шейн, обходя диван между Брамом и мной. — Держи ее крепко, детка.

Я прижала Айрис ближе, когда Шейн наклонился и взял меня на руки. Он не поморщился, когда Брам начал разглагольствовать, просто кивнул Алексу, который ухмылялся, и понес нас по коридору.

Я оглянулась на своих братьев, когда мы оказались у комнаты. Алекс положил руку на плечо Брам, вцепившись пальцами в его фланелевую рубашку. Он сказал что-то, я не расслышала, но что бы это ни было, Брам немного расслабился и кивнул.

— Твой брат — сумасшедший, — пробормотал Шейн, когда тихо закрыл дверь за нами и посадил меня на кровать.

— Он просто беспокоится обо мне, — ответила я, убирая раздражающую накидку для кормления, которую использовала, когда была со своими братьями.

— Я, черт побери, не обижу тебя, — прохрипел Шейн, опускаясь рядом со мной и проведя рукой по голове.

— Ты уже это сделал, и Брам запомнил.

Шейн встретился со мной взглядом и едва кивнул.

— Мне жаль.

— Да, ты это говорил.

— Именно это я и имею в виду.

— Ты всегда имеешь это в виду, Шейн, — сказала в раздражении, когда Айрис, наконец, перестала есть с небольшой отрыжкой. Я встала и понесла ее к колыбели, радуясь причине держаться подальше от него.

— Я пытаюсь, Кэти, — сказал Шейн, опустив руки на колени.

— Не уверена, чего ты от меня хочешь, — я встала по центру комнату, сжав руки в кулаках по бокам.

— Я просто хочу тебя.

— Почему? — спросила тихо. — Я уже согласилась уехать с тобой. Ты получил то, чего хотел.

— Иди сюда, — пробормотал он.

— Нет.

Он встал с кровати, отчего мое сердце забилося быстрее.

— Почему мы так себя ведем? — спросил он, подходя ко мне и останавливаясь в полуметре.

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Понимаешь.

— Ты облажался, — прошептала я, мои глаза наполнились слезами.

— Я облажался, — согласился он, вытянув свою большую руку, чтобы обхватить мою шею сбоку. — Не хочу повторять это.

— Именно это ты сказал в последний раз.

— Помнишь, когда ты показала мне свой живот? — спросил он, проводя большим пальцем по моему горлу. — Ты начала поворачиваться и нервничала, что я увижу тебя.

Я кивнула, тяжело сглотнув.

— Я подумал: никто не был так прекрасен, как ты в тот момент, — он поднял другую руку и провел пальцами по моему лицу.

Я оскалилась.

— Я причесывалась и красилась, когда знала, что мы будем разговаривать по «Скайпу». Обычно я выгляжу как дерьмо.

— Ты прихорашивалась ради меня? — спросил он с небольшой улыбкой.

— Ты не понимаешь. Это была не я. Я не крашусь. Ненавижу делать прически, и обычно у меня все равно нет на это времени, — попыталась отстраниться, но он опустил руку с моего лица и обнял меня за спину, притягивая ближе.

— Понимаю, — пробормотал Шейн, улыбка не сходила с его лица. — Ты была еще красивее в больнице, когда родила Айрис.

Я была поражена, так как не видела его там.

— Что?

Мрачный взгляд появился на его лице, стирая улыбку.

— Я приехал как смог, а ты спала. Ты все еще была немного потная... — я поморщилась, вспоминая, насколько отвратительно выглядела.

— Лицо было опухшим, а на щеках появились маленькие красные точки, — он вытянул руку и провел пальцами под моими глазами. — Ты выглядела истощенной.

— Так и было.

— За всю свою жизнь я не видел более красивой женщины.

— Я выглядела отвратительно, — спорила я.

— Нет. Ты выглядела так, будто только что родила мне дочь.

Мое сердце ускорило ритм, и я, наконец, выбралась из его хватки.

— Чего ты добиваешься?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты не... Я не могу продолжать это, — тихо крикнула я. — Ты должен перестать это делать со мной.

Он посмотрел на меня в замешательстве.

— Кейт? Что...

— Убирайся из моей комнаты, — прохрипела я, отступая к кровати. — Увидимся утром.

— Что не так? — спросил он, делая шаг вперед. — Что я сделал?

— Я еду в Калифорнию, чтобы находиться рядом с детьми, но думаю, что ты заблуждаешься, — сказала резко, поднимая руки, чтобы остановить любое его поползновение. — Я больше не могу играть с тобой в эти испорченные игры. Я не какая-то исполняющая роль жenuшки для тебя: забочусь о твоём доме и временами делаю минет. Я не Рейчел...

— Не примешивай ее в это, — приказал он, ступая вперед, чтобы резко остановиться.

— Убирайся.

— Кейт...

— Увидимся утром, Шейн, — сказала сурово, пялясь на него, пока он не развернулся и не вышел из комнаты.

Мои руки дрожали, и я рухнула на кровать, как только Шейн ушел. Часть меня была воодушевлена, что я, наконец, постояла за себя, но другая часть была в ужасе от того, как все стало хуже между нами. Он сказал правильные слова, и, боже, он мог быть таким милым, но все длилось недолго, прежде чем он снова обращался со мной как с дерьмом, и я не могла больше с этим мириться.

Когда Шейн уезжал, все было намного проще. Он стал моим лучшим другом, слушал мое ворчание и все время флиртовал, но это не было настоящей жизнью. Мне было почти тридцать, и у меня были дети, о которых стоило задуматься. Больше нельзя терять разум из-за Шейна.

После того, как в четыре утра я расцеловала своих родителей и братьев на прощание, мы отправились на юг. Слава богу, что тетя Элли, дядя Майк и Тревор попрощались с нами за день до этого, поэтому мы смогли уехать, не останавливаясь у их дома.

Дети капризничали, мы набились в новый арендованный фургон, как сардины, и я знала, что вскоре Айрис начнет плакать. Не прошло и часа в поездке, а я уже боялась следующих двух дней путешествия.

Слава богу, что в фургоне была встроенная система DVD-проигрывателя, и это отвлекало детей на какое-то время, но я знала, что это не продлится долго. Для четверых оживленных детей, как мои, сидеть два дня в машине было пыткой, особенно когда за неделю до этого они совершали подобную поездку. Не уверена, как Алекс выжил в дороге на север.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Шейн нежно, хоть на всех детях и были надеты наушники.

Я уставилась в окно, когда начался рассвет. Мне уже было скучно, и я была на грани, ожидая, когда проснется малышка.

— Какая у Айрис фамилия? — внезапно сказал он.

Я повернулась к Шейну. Его руки крепко сжимали руль, но он продолжал смотреть на

меня в ожидании ответа.

— Я не была уверена, что ты... — пробормотала я.

— Эванс? — спросил он, его плечи поникли.

— Нет, — ответила я тихо. — Андерсон.

Он кивнул, уставившись прямо, когда тяжело сглотнул.

— Спасибо.

— Айрис Рейчел Андерсон.

— Хороший выбор. Ей бы понравилось, — сказал он, потирая рукой нижнюю часть лица.

— Вероятно, нет, учитывая, что я трахнула ее мужа, — ответила сухо. — Не думаю, что ее бы это порадовало.

Он посмотрел на меня, как будто я была безумна.

— Поначалу мне было тяжело это принять, — сказал он, переходя на другую полосу и выезжая на автостраду. — Черт, чувство вины съедало меня изнутри.

— Да, помню, — я обратно отвернулась к окну.

— Мне потребовалось много времени, чтобы во всем разобраться, — сказал он, прежде чем затихнуть.

Я не хотела развивать эту тему. Понимала, что Шейн пытается включить меня в разговор и хотела проигнорировать его, но все равно спросила:

— Разобраться в чем?

— Что Рейчел похер, — сказал он прямо, проверяя зеркало заднего вида, чтобы убедиться, что дети все еще заняты. — Я скучаю по ней. Боже, иногда, когда один из детей делает что-то забавное, или когда Сейдж улыбается, я думаю, что никогда не перестану по ней скучать.

Я кивнула, потянув свитер на внезапно замерзших руках.

— Но она умерла, Кейт. Никогда не вернется. И ей похер, что я делаю сейчас.

— Шейн... — мои голосовые связки перестали функционировать. Я едва знала, что сказать. Согласна ли я с ним? По большей части. Я думала, что где бы ни была Рейчел, ее заботило, что с Шейном, но не в том смысле, который он имел в виду. Рейчел любила Шейна, она хотела бы, чтобы он был счастлив и в безопасности. Не думаю, что ревность следовала за нами в загробную жизнь.

— Не думаешь, что это было тяжело и для меня? — наконец, спросила я, разрывая тишину.

— Я не знал, как ты себя чувствовала, Кейт, — сказал он серьезно. — Ты ничего не говорила.

— Что я должна была сказать, Шейн? — спросила умоляюще. — Ты не хотел иметь со мной ничего общего. Мне стоило рассказать тебе, как плохо я себя чувствовала, когда ты был склонен меня во всем обвинять?

— Я извинился за это.

— Ты, может, и извинился за то, что вел себя как придурок, но это не значит, что ты смирился с ситуацией, — спорила я.

— Что ты хочешь от меня услышать, Кейт? Ответь мне, и я скажу тебе. Я чувствовал вину. За десять лет я не был ни с кем, кроме Рейчел, как вдруг, трахнул тебя в гостиничном номере. Я был слегка ошеломлен.

— Да, ну, добро пожаловать в клуб, — парировала я. — Я не обращалась с тобой как с

куском дерьма.

— Если бы я мог вернуться и все изменить, то так бы и сделал, — сказал он, вздохнув и откидываясь на сиденье. — Я бы справился со всем лучше.

— Не думаю, что кто-то из нас справился с этим хорошо.

— Не надо, Кейт.

— Я была слишком занята, вновь проживая секс в своей голове, — сказала ему с удовлетворением.

— Ты можешь быть серьезной на одну гребаную минуту?

— Кто сказал, что я не серьезна?

Он нахмурился и замолчал. Через пару минут Айрис начала вошкаться.

— Мы дома, — сказала я маме, опускаясь на лавку на заднем дворе. Поездка в Калифорнию заняла три дня из-за остановок ради туалета, перекусов и просто ради перерывов. Это были самые долгие три дня в моей жизни. — Никогда не поеду так снова.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она, посмеиваясь. — Как дети?

— Они ненавидели каждую секунду, и когда мы проехали Six Flags^[3], я была готова выпрыгнуть из фургона, пока он ехал по автостраде со скоростью восемьдесят километров в час.

— А Шейн?

— С ним все хорошо. На удивление был терпелив. Он уехал, чтобы отвезти фургон в место проката.

— Вы разобрались во всем?

— Не в чем разбираться.

— Кэтрин, — сказала она в предупреждении.

— Мы поладили, мам, хорошо? — пыхла я, покачивая автолюльку Айрис ногой, когда она зашевелилась. — Я устала и не хочу сейчас ни о чем переживать.

— Вам двоим нужно...

— Мам! — зашипела я, потирая свою шею из-за напряжения. — Оставь это.

— Ладно, — проворчала она. — Думаю, Брам готов переехать в Калифорнию.

— Он ведет себя как придурок.

— Он просто беспокоится о тебе.

— Почему он не может больше походить на Алекса?

— Не сравнивай своих братьев, это несправедливо по отношению к обоим.

— Дерьмо, — я откинула голову назад, пока мое лицо не было направлено в небо. — Знаю, просто я растеряна.

— Они с Анитой разругались сразу после того, как вы уехали.

— Что? Почему? Келлер, держись подальше от бассейна.

— Кто знает этих двоих? Они как вода и масло. В итоге Алекс закинул Аниту на плечо и понес в дом.

— Почему ты не остановила их?

— Ты знаешь, мы всегда пытались позволить своим детям решать и договариваться в

своих проблемах самостоятельно.

— Они взрослые.

— Еще больше причин так сделать, — пробормотала она.

— Черт, мам, я пойду. Ганнер только что засунул что-то себе в рот, — я встала со своего места и бросила телефон на лавочку, крича Ганнеру выплюнуть, чтобы это ни было. Как только достигла его, он выплюнул ком грязи и разрыдался.

— Все хорошо? — спросил Шейн, вынося Сейдж изнутри. Ее худые ноги были обернуты вокруг его талии.

— Да, — сказала я, поднимая Ганнера. — Ганнер засунул грязь в рот, и теперь пожалел об этом.

Я понесла малыша в дом, но остановилась, когда Шейн вытянул руку и коснулся меня.

— Уже пора ложиться спать, — сказал он, вытирая слезу из-за расстройства с моего лица. — Я наберу ванну, хорошо?

— Со мной все хорошо. Мне просто нужно... — я не хотела, чтобы он вмешивался. Но, черт побери, что я буду делать здесь, если не заботиться о детях?

— Я наберу ванну, Кейт, — сказал он решительно, прежде чем крикнул мальчиков.

Айрис выбрала этот момент, чтобы проснуться, крича, и я сдалась без слов. Мне нужен был один день, чтобы прийти в норму. Утром я почувствую себя лучше.

— Мне жаль, — сказала я, поморщившись, когда Шейн зашел в мою комнату и закрыл дверь за собой позже этой ночью. — Не знаю, почему она это делает, раньше подобного не было.

Слезы лились по моим щекам, когда я расхаживала туда-сюда. Айрис кричала уже двадцать минут, но казалось, что несколько часов. Я понятия не имела, что делать. Я покормила ее, сменила подгузник и крепко запеленала, как ей нравилось. Не было никакой причины для ее истерики.

— Ты хоть поспала? — спросил он так тихо, что я чуть не пропустила его слова.

— Да, около часа, прежде чем она снова проснулась. Малышка не позволяет мне положить ее в кроватку, поэтому продолжаю ее держать, — сказала я, рыдая. Я так чертовски устала.

— Иди сюда, — сказал он нежно, протянув руки к Айрис. — Ты пробовала дать пустышку?

— Я... я еще не использовала ни разу ее на ней.

— У тебя она есть? — спросил он, нежно раскачивая Айрис, пока та кричала.

— Думаю, может быть, в ее чемоданчике. Мама купила несколько, пока мы были в больнице, — я открыла чемодан и начала в нем копать, наконец, достав пару пустышек в полиэтиленовом пакете. — Она даже стерилизовала их.

— Дай мне одну, — сказал Шейн тихо, протягивая руку.

Ему потребовалось несколько минут, пока он дразнил Айрис пустышкой, прежде чем она захватила ее ртом, и я с облегчением выдохнула, когда комната погрузилась в тишину. Мои глаза жгло, а веки потяжелели от всего этого плача, и мне потребовалась вся сила воли,

чтобы не вытянуть руки и потерять их как ребенок.

— Забирайся в кровать, — пробормотал Шейн, обращаясь ко мне, но смотря на Айрис.

Я забралась в кровать, вздохнув и расслабившись. Несколько минут спустя, Шейн открыл дверь и выключил свет, погрузив нас в темноту. Я повернулась набок и засунула нижнюю руку под подушку, когда он расположил Айрис спереди моего тела.

Я перестала дышать, когда он обошел кровать и забрался позади меня.

— Знаю, что между нами не... — он вздохнул и подвинул тело вперед, обнимая меня. — Я больше не хочу спать без тебя.

— Это не очень хорошая идея, — прошептала я в ответ, смотря на проблески света, поступающий через дверь.

— Просто спи, детка, — сказал он нежно, убирая волосы с моего лица и шеи. — Она скоро снова захочет есть. Немного отдохни.

Не думала, что смогу спать, пока он обнимал меня сзади, но прошла минута, прежде чем я отключилась.

— Шшш, — я проснулась и услышала, что Шейн шепчет рядом с изножьем кровати. — Папочка сменит твой подгузник, чтобы ты была чистенькой, прежде чем поешь. Ты же не хочешь завтракать в мокром подгузнике?

Я слегка приоткрыла глаза и увидела, что Шейн пытается натянуть чистый подгузник на Айрис. Было не очень легко, когда она извивалась и сгибала ножки.

— Да ладно тебе, сис. У нас получится. Мне нужно, чтобы твоя мамочка была счастлива со мной. Ты же поможешь мне немного?

Я прыснула, и Шейн поднял голову. Когда он встретился со мной взглядом, то покраснел.

— Как долго ты не спишь?

— Не очень долго, — прохрипела я. — Мои груди тяжелые.

— Да, она спала почти четыре часа. Должно быть, вымоталась ночью, — сказал Шейн, неся Айрис ко мне.

Я возилась с небольшой лямкой на передней части топа и опустила ее, когда Айрис начала кричать. Мои глаза были едва открыты, когда Шейн положил ее ко мне, и я была поражена, почувствовав прикосновение холодного пальца к соску.

— Они потемнели, — сказал Шейн хрипло, поворачивая ко мне Айрис.

— В яблочко, — пробормотала я, наконец, используя одну руку, чтобы расположить Айрис и начать ее кормить.

Шейн тихо хихикнул, и я улыбнулась. В таком состоянии между сном и бодрствованием все в мире было правильным.

— Она похожа на тебя, — пробормотал он, проведя пальцем по щечке Айрис. — Глаза и носик.

— У нее твоя кожа, — ответила я, устало закрывая глаза. Четырех часов сна было недостаточно.

Через некоторое время я проснулась, когда Шейн убрал Айрис от одного моего соска и сказал мне повернуться на другой бок. После небольших манипуляций, я была на другом боку, и Айрис снова кушала.

— Все хорошо, детка, — сказал Шейн, когда я пыталась держать глаза открытыми. — Просто спи.

— Ты останешься? — спросила, когда расслабила свою голову на подушке.

— Я никуда не уйду, — ответил он, когда я уснула, пока Айрис вонзила свои крошечные пальчики в кожу моей груди.

— Я проснулась, — пробормотала я, когда на следующее утро Сейдж появилась в комнате.

— Папуля готовит завтрак, — объявила она радостно, забираясь на кровать. — А Ганнер обкакался во сне. Оно было повсюду. Мерзко.

— Ты счастлива вернуться домой, Сейдж-Рейдж? — спросила я, притягивая ее ближе и обнимая.

— Да, теперь, когда ты здесь.

— Твой отец пытался сделать то, что, по его мнению, было лучше для вас, — сказала я, слегка ее сжимая. — Ты ведь это знаешь?

— Да, но это отстойно.

— Согласна, малышка.

— Тетушка Кейт? — спросила она тихо.

— Да, принцесса?

— Кто папа Айрис?

Дыхание перехватило у меня в горле, и я была ошарашена ее вопросом. Прошли месяцы с тех пор, как кто-то из детей упоминал отца Айрис, но мне не стоило предполагать, что у меня есть больше времени. Сейдж было почти девять, она вряд ли больше купится на ерунду.

— Я папа Айрис, — осторожно сказал Шейн из дверного проема. — Но ты, вероятно уже догадалась?

Он зашел в комнату и сел с нами.

— Да, так я и думала, — сказала она спокойно. — Ты ведешь себя как ее папа.

— Ничего не могу поделать с этим, — сказал Шейн с небольшой улыбкой.

— О чем думаешь, Сейдж? — спросила я, после того как она молчала пару минут.

— Вы поженитесь?

— Нет, — ответила я решительно, прежде чем Шейн мог заговорить. Он оскалил зубы, и я видела, как сильно напряглись его челюсти.

— Можно рассказать Келлеру?

— Эм, наверное, — пробормотала я. Мне стало неудобно.

Сейдж слезла с кровати и побежала к двери, прежде чем развернулась со странным взглядом на лице.

— Получается, Айрис — моя сестра?

— Да, — сказал Шейн решительно.

— Круто, — ответила Сейдж, слегка пританцовывая, прежде чем побежала в коридор.

— У Келлера возникнут вопросы, — пробурчала я, садясь в кровати.

— Вероятно.

— Что мы ему скажем? — спросила я, нервничая.

Шейн встретился со мной взглядом.

— Что я папа Айрис, а ты мама. Все просто, Кэти. Ему не нужно больше.

— Он будет сбит с толку, — спорила я.

— Думаю, он понимает больше, чем ты от него ожидаешь.

Мы сидели в тишине, когда услышали, что множество детских ножек бегут по лестнице. Очевидно, Сейдж поделилась новостью. Я приготвилаь к атаке.

Я выжимал из себя все силы, когда пробежал мимо бензоколонки в нескольких милях от нашего дома, и выругался себе под нос, когда один из моих наушников выпал из уха.

У меня не было времени замедлиться, чтобы засунуть его обратно. Кейт осталась дома с детьми, и я ненавидел тот взгляд, который она мне послала, когда я вышел за дверь. Она была истощена, по хорошей причине, и я понимал, она боялась, что следующим утром я уйду рано на работу. Я использовал столько времени, сколько мог, но долг зовет, по крайней мере, следующие две недели.

Я должен был вернуться и разобраться во всех делах, прежде чем смогу взять свой отпуск. Не было никаких поблажек, и я ненавидел это. Мой командир проявил снисходительность, когда я рассказал ему, что произошло, но его терпение было на исходе.

Мой желудок сжался, когда подумал о том, через что прошла Кейт за последнюю неделю. Черт, за последние месяцы. Я увяз в своих собственных проблемах, в том, как себя чувствовал, полностью пренебрегая единственной женщиной, которая любила меня больше, чем приемная мать.

Боже, когда Брам бросил видео с родами Кейт на стол, я, по правде сказать, подумал, что упаду в обморок. Я ужасно вел себя с ней, обращался так, будто она не имела значения, хотя это было далеко от правды, и, тем не менее, она звала меня. Она нуждалась во мне, а я был в Сан-Диего, ведя себя как самодовольный мудака. Боже, когда осознал, что Ганнер просил мармеладки, а не называл Кейт мамой, я хотел провалиться сквозь землю от стыда, но подумал, что слишком поздно менять линию поведения.

Брам спросил меня, как я собирался все сделать правильно? Я не смог ответить. Я знал, что не было никакого способа все вернуть или изменить то, через что она прошла. Агония на ее лице, когда она кричала, подарила мне ночные кошмары.

Я покачал головой и развернулся, побежав назад в дом. Я не мог изменить прошлое, но, черт побери, если не стану тем, кто нужен Кейт сейчас. Я хотел убедиться, что она ест и достаточно отдыхает. Хотел забрать мальчиков на улицу, чтобы у нее было немного времени для себя, и приготовить завтрак, чтобы она не вылезала из кровати.

Впервые в жизни я хотел делать больше, чтобы она делала меньше.

Меня убивало то, что я не испытывал к Рейчел подобного. Во время женитьбы я пришел к заключению, что если я обеспечиваю семью, то ответственность Рейчел — забота о наших детях. Не то чтобы я никогда не помогал... Помогал, когда было время. Но это не было моим приоритетом, и так как она никогда не поднимала эту тему, я не осознавал, как тяжело, должно быть, ей было.

Или, может, Рейчел не было тяжело так же, как и Кейт. У Рейчел было трое детей и лучшая подруга, которая, очевидно, бросила все, чтобы помогать, когда она чувствовала себя изможденной. У Кейт было пятеро детей, и ей было не на кого положиться, кроме мудака, которому она не доверяла. Она наблюдала за мной с подозрением каждый раз, когда я занимался детьми, и мне было так стыдно, что я притворился, будто этого не вижу.

Я забрался к ней в кровать ночью, как щенок, который умолял о внимании, игнорируя то, как она каждый раз вошкалась, пока, наконец, истощенно не засыпала.

Из всех моих знакомых, Кейт была тем человеком, который всегда прощал, и меня тошнило, вспоминая все разы, когда ей стоило выгнать меня из своей жизни...

— Что ты делаешь? — захихикала Рейчел, когда я провел губами по ее шее.

Мы были в паре метров от костра, который разожгли с парнями на краю заднего двора. Впервые за год все дети Харрисов и Эванс были дома, вернувшись с различных военных баз, и мы решили отпраздновать это пивом и разжечь костер.

— Целую тебя, — пробормотал я, проведя губами по ее подбородку. Черт, она была самой сексуальной девушкой, и я фантазировал о том, как заберусь к ней в трусики уже два дня, с тех пор как Кейт привезла ее. Они проводили все время вместе до сегодняшнего вечера, и как только Кейт вернулась в дом, чтобы взять свитер, я набросился на Рейчел.

— Я думала, вы с Кейт... — пробормотала она, протестуя, но полностью противореча себе, наклоня шею, чтобы дать мне лучший доступ.

— Что насчет нас с Кейт? — спросил я отвлеченно, увидев, как Анита и Кейт выходят из гущи деревьев. Я выйду из себя, если узнаю, что Кейт что-то наговорила этой девушке.

— Она говорит о тебе все время, — сказала Рейчел, когда я опустил руки к ее заднице. — Я думала, может...

Я прервал поток ее слов, когда Кейт и Анита оказались в паре метров от нас.

— Между мной и Кейт ничего нет, — сказал я напротив ее рта, когда Кейт резко остановилась, и наши взгляды встретились. — Она увлечена мной, но я никогда не испытывал ответных чувств.

Я прижался губами к губам Рейчел, застонав, когда она скользнула языком в мой рот. Мой взгляд не покидал Кейт, даже когда она остановила Аниту от приближения к нам.

Кейт подошла к огню, слезы текли по ее щекам, а я закрыл глаза, наслаждаясь тем, как бедра Рейчел терлись об мои...

Насколько я знал, Кейт никогда не говорила Рейчел ничего плохого обо мне. Через шесть месяцев я уговорил Рейчел переехать в Сан-Диего вместе со мной, и еще несколько месяцев спустя мы поженились. Я игнорировал Кейт, когда она переехала после нас. Правда, немного беспокоясь, что она следовала за мной, но она никогда не сказала ни слова. Через пару лет моя настороженность превратилась в безразличие, и тот факт, что, казалось, Кейт зависала с Рейчел всякий раз, когда меня не было рядом, больше меня не беспокоил.

Если она планировала рассказать Рейчел какой я мудака, полагаю, сделала бы это до свадьбы.

Годами я игнорировал ее присутствие в наших жизнях, меняя тему разговора каждый раз, когда Рейчел ее упоминала, и притворялся, что ее не существует.

Оглядываясь в прошлое, не могу понять, как делал это. Кейт, черт побери, освещала любую комнату, в которую входила. Она была такой счастливой и веселой. Не уверен, как смог игнорировать ее так долго.

Я очень упорно пытался не сравнивать их с Рейчел. Было несправедливо так поступать, но не мог ничего поделать, замечая различия между женщинами.

Рейчел была скрытной, а Кейт общительной. Рейчел предпочитала сидеть с детьми и смотреть мультфильмы, а Кейт приносила закуски и делала домик из одеял. Рейчел никогда не говорила мне, если что-то не так, вместо этого предпочитая разобраться самой или полностью отстраняться от меня, пока я не разберусь, что натворил, и как это исправить. Кейт говорила напрямую, если ее что-то беспокоило, и затем жила дальше, и это было слишком быстро для меня, чтобы что-то исправить.

Те небольшие отношения, что были у меня с Кейт, настолько отличались от того, что было у нас с Рейчел, что первое время мне было сложно подстраиваться. Кейт просто

продолжала возвращаться. Я любил это в ней. Она была очень упорной, когда о ком-то заботилась.

Также я ненавидел в ней это. Ненавидел то, что был таким мудаком, и то, что она позволяла мне это.

Последние несколько ночей, когда лежал рядом с ней, после того, как она засыпала, и знал, что она не могла меня услышать, я обещал, что ей больше не придется меня прощать, если она сделает это в последний раз.

Наконец, я закончил пробежку и прошел последнюю четверть мили пешком до нашего дома. Странно, но джип Майлза был припаркован на моей подъездной дорожке.

— Я дома, — закричал, когда открыл парадную дверь. Прошел через дом, никто не отвечал, Кейт и Майлза я обнаружил за столом в патио. Они смеялись и наблюдали, как дети играют.

Мой желудок перевернулся, но когда потянулся к ручке раздвижной стеклянной двери, замер. Я чертовски вонял.

Развернулся и вбежал вверх по лестнице, срывая с себя одежду, как только достиг своей комнаты. После быстрого душа, напялил баскетбольные шорты и футболку, даже не утруждаясь трусами. Я хотел выйти в патио и разобраться над чем, черт побери, смеялась Кейт.

Когда достиг коридора, услышал плач из комнаты Кейт. Она, черт побери, оставила Айрис в доме?

— Все хорошо, принцесса, — позвал я нежно, проходя через дверь и увидев, что Айрис яростно дергает ручками и ножками в своей колыбельке. — Мама оставила тебя тут одну?

Я поднял ее и с минуты потирал спинку, пока она икала.

— Папочка здесь, — пробормотал у ее лысой головки, раскачивая из стороны в сторону. — Давай сменим тебе мокрый подгузник.

Положил ее на кровать и взял подгузник с комода Кейт, разговаривая все время.

— Не знаю, о чем твоя мама думала, оставляю мою принцессу здесь одну, — ворковал я, каким-то образом мой голос успокаивал Айрис. — Она на улице с твоими братьями, сестрой и папочкиным другом — Майлзом. Он придурок. Ты будешь держаться от него подальше, хорошо?

Я улыбнулся, когда Айрис замерла, будто внимательно слушала.

— Папочка был не очень хорошим, — сказал я, стягивая ее маленькие штанишки по ножкам и расстегивая боди. — Я не был там, когда ты родилась, и очень сожалею об этом. Но твоя мама все равно поехала со мной домой, и ведь это означает шанс, верно? Так долго, как Майлз будет держать свой «сама знаешь что» в штанах.

Айрис подняла ручку к лицу и попыталась засунуть ее в рот. Ее взгляд был расфокусирован, пока я болтал.

— Ты так хорошо себя ведешь, принцесса. Посмотри на себя, не плачешь, пока я меняю твой подгузник. Такая большая девочка, — я закончил одевать и притянул ее к своей груди. — Думаешь, твоя мама полюбит меня снова? — спросил, целуя ее щечку. — Вероятно, нет, ага? Нам нужно продолжать добиваться этого, чтобы ты всегда могла жить с папочкой.

Я вздохнул и взял грязный подгузник с кровати, покидая комнату. Медленно спустился по лестнице, наслаждаясь несколькими минутами, пока был наедине с Айрис. Так как в доме было много людей, и половину своей жизни Айрис была связана с грудью Кейт, у меня было не так уж много времени с ней тет-а-тет.

Я выбросил подгузник в мусорку и беззаботно вышел с ней на улицу, обнаружив, что Кейт и Майлз пялятся прямо на меня.

Замер, пытаюсь разобраться, на что они смотрят. Я помнил, что надел шорты, пока Кейт не подняла руку.

Держа гребаную радионяню.

Майлз прочистил горло.

— Поздравляю, придурок, — сказал он тихо, давая мне знать, что они слышали каждое слово.

Черт подери. Мне казалось, что внезапно мое лицо и шея загорелись.

— Я бы не оставила Айрис одну, — сказала тихо Кейт позже ночью, когда я забрался на кровать позади нее. — И я никогда не заберу ее у тебя.

Я не ответил. Что я мог сказать?

— Я не могу быть каким-то заменителем Рейчел, — прошептала она, отчего мое сердце ухнуло в желудок. — Я не она. Не хочу быть ею, — всхлипнула девушка, и я пододвинулся ближе, молча обнимая ее рукой. — Хочу быть собой.

— Я не прошу тебя об обратном, Кейт, — пробормотал я, притягивая ее к своей груди. — Просто хочу получить шанс.

— Шанс на что, Шейн? Шанс переспать со мной? Шанс на еще один минет? Я уже мама, я уже сделала эту часть. Так чего в точности ты хочешь?

— Хочу быть с тобой, — я запинался на каждом слове, мои мысли стали еще запутаннее, и я пытался озвучить их.

Я просто хотел ее. Даже без детей, я хотел ее. Дети просто делали связь в миллион раз крепче. Хотел, чтобы она смотрела на меня так же, как когда мы были глупыми подростками: как будто я мог сделать что угодно. Хотел увидеть все изменения ее тела после рождения Айрис. Хотел очертить изгибы своими пальцами и знать, когда у нее начинаются критические дни, потому что я с ней так долго, что могу узнать признаки. Хотел мелочей и чего-то большего.

Но она никогда не поверит, если бы я попытался сказать ей это.

Я так долго отталкивал ее, что не осталось никакого фундамента, на чем можно было строить отношения. Только кучка разбитых кусков, которые я раздавливал кувалдой каждый раз, когда она пробиралась ко мне ближе, чем мне было комфортно.

Я не знал, как быть с кем-то вроде Кейт. Она потребовала бы от меня больше, чем кто-либо прежде, и это приводило меня в ужас. Даже история между нами доказывала, что она никуда не денется, но я выучил в жизни, что люди уходят.

— Ты хочешь домохозяйку, а я наиболее удобна для этой роли, — прошептала она, тряся головой у подушки. — Тебе даже не нужно жениться на мне. Ты знаешь, что мы с Айрис никуда не денемся. Зачем искать кого-то еще, когда у тебя есть...

— Не заканчивай это предложение, — зарычал я, от ее слов моя кровь закипела. — Ты наименее удобный человек, с которым я когда-либо встречался.

Я отстранился от Кейт и опрокинул ее на спину, чтобы забраться на нее, оседлав ее

талию. Наклонился, пока наши носы не коснулись друг друга.

— Я не знаю, что делаю, Кейт, — сказал нежно, ища ее взгляд. — Но знаю, что хочу тебя. Помоги мне.

— Я помогала тебе с тех пор, как мы были детьми, Шейн, — ответила она, устало пожав плечами. — Не думаю, что осталось что-то еще.

— Осталось, — прошептал, опираясь на локти, чтобы мог коснуться ее губ. — Я знаю, что осталось. Знаю.

— Я в ужасе от мысли, что однажды проснусь, а ты снова решишь их забрать, — призналась она дрожащим голосом. — Что ты решишь, что тебе нужен кто-то другой, и для меня не останется места.

— Нет, Кэти, — сказал хрипло, зажимая ее голову между своими руками. — Этого не случится.

— Откуда ты можешь знать? — спорила Кэйт. Ее глаза наполнились слезами. — Вот что ты сделал меньше, чем две недели назад.

Я прижал свой лоб к ее и вдохнул с дрожью.

— Этого не случится. Нет никого, кроме тебя, Кейт.

Она закрыла глаза, и слезы покатались из уголков.

— Я не могу тебе доверять.

— Я думал, что поступаю правильно, — шептал яростно, целуя ее лицо, пока она пассивно лежала подо мной. — Это не ты. Это я. Эгоист. Я хотел, чтобы они были со мной и все испортил.

— В этом и суть, — ответила она пораженно. — У тебя есть власть. У меня нет прав на детей, и ты можешь выкинуть меня из их жизни, будто меня и не существовало.

— Я так не сделаю. Я думал, что ты последуешь за нами. Клянусь. Думал, что это займет немного времени, пока не появится Айрис. Я никогда не планировал...

— Я тебе не верю.

Ее слова были как удар по лицу. Она все еще не смотрела на меня, и я ненавидел, что она отгораживалась от меня. Я окружил ее, прижимался своим телом, но она, тем не менее, находила способ держаться на расстоянии.

— Я докажу тебе это, — сказал решительно.

Она открыла глаза, и я уловил проблеск Кэти, которую знал раньше, прежде чем ее взгляд снова стал обеспокоенным, каким был с момента рождения Айрис.

— Пожалуйста, докажи, — прошептала она тихо в ответ, поднимая руку и кладя ее на мои ребра. — Не знаю, что буду делать, если ты не докажешь.

Мы оба тяжело дышали, когда я наклонился и прижал губы к ее, скользнув языком между ними.

За последние шесть месяцев это был первый раз, когда я по-настоящему ее целовал, и в считанные секунды стал твердым, как скала. Мой разум понимал, что мы не зайдём дальше, но остальная часть моего тела, казалось, воспевала: «Кейт, Кейт, Кейт», когда она медленно скользнула рукой по моей груди и обернула ее вокруг моего горла. Я не был уверен, почему она это делала, но действие одновременно заводило меня и странно сосредотачивало.

В конце концов, я отстранился, когда Айрис начала хныкать в своей кровати, и сразу же почувствовал себя виноватым, что не даю Кейт спать.

— Я возьму ее, — сказал, наклонившись, чтобы всосать губу Кейт в рот еще один раз, прежде чем слез с кровати.

Когда потянулся к Айрис, то не смог сдержаться и бросил взгляд на Кейт.

Она снова лежала на боку, маленькая сонная улыбка растянулась на ее губах. Она ждала, когда я принесу к ней малышку. Половина ее топа для кормления уже была расстегнута и поднята кверху, и в какой-то момент, когда я был поверх ее, одеяло задралось на ее бедрах, открывая проблеск фланелевых пижамных штанов, которые она надевала в кровать, и мягкость живота над ними.

Мне было плевать, даже если потребуется целая жизнь, чтобы доказать ей, что я никуда не собираюсь. Так долго, как она будет позволять мне переворачивать ее посреди ночи и видеть, что она выглядит точно так же, как сейчас.

На следующее утро я проснулся до будильника, стремясь уйти подальше от Кейт.

Она убивала меня, и после того как я поцеловал ее, у меня осталось эрекция, которая опустилась достаточно, чтобы позволить мне спать, но я снова стал твердым, как только начал мечтать. Это было безумием.

Я вернулся в свою старую спальню и в спешке снял шорты, прежде чем сел на край кровати и обхватил член в кулак.

Ох, черт, я был таким твердым, что это причиняло боль.

Вероятно, мне следовало пойти в душ, чтобы позаботиться о себе, но мне не хотелось ждать, пока нагреется вода. Я должен был кончить еще шесть часов назад. Больше не мог ждать.

Я закрыл глаза, думая о том, что тело Кейт стало более округлым после рождения дочери, тяжело дыша, представляя, как трахаю ее сиськи, как в нашу первую ночь.

Мое дыхание перехватило, и я сдержал стон, когда мой член дернулся.

— Шейн, ты...

Я не видел, что Кейт вошла, но распахнул глаза, когда она замолкла и закрыла за собой дверь.

— Ох, черт, — выдохнула она, опуская взгляд на мою руку, а затем посмотрела в мои глаза. Ее лицо покраснело.

Мне стоило остановиться. Это был самый достойный поступок, после того как тебя поймали. Но я не мог остановиться и перестать жестко проводить рукой по своему стволу. Не тогда, когда она стояла передо мной в белом топе, что ничего не скрывал, наблюдая. Я сильнее стиснул руку и задвигал ею быстрее, мгновенно ощущая, как мои яйца подтягиваются, когда ее соски затвердели под топом, а руки сжались в кулаки по бокам.

Я наблюдал, как она облизала губы, и в этот момент оргазм накрыл меня, напрягая мышцы моих ног и задницы, когда сперма покрыла мою руку.

Если бы не наблюдал за лицом Кейт, то пропустил бы низкий стон, который она издала, и то, как в ее глазах загорелось пламя, пока она наблюдала за моими движениями. Потому что как только я закончил, она вылетела за дверь и захлопнула ее за собой.

Бл*дь.

Время пролетает быстро, когда ты занят настолько, что ни на чем толком не можешь сконцентрироваться и, прежде чем я осознала это, у меня была четырехклассница, ребенок, посещающий подготовительный класс, четырехлетний, двухлетний и двухмесячная.

Это было утомительно, в самом лучше смысле этого слова. Пока Айрис росла, я чувствовала, что становлюсь все больше похожей на прежнюю себя и даже с помощью электронной почты начала восстанавливать свои прежние бизнес-контакты. Я благодарила Бога, что смогла накопить сбережения во время командировки Шейна, потому что когда вышла на постельный режим, то отправила письма всем своим клиентам с контактной информацией о других веб-дизайнерах, которым доверяла. Я не могла работать месяцами, и хотя была экономной, мои накопления уменьшались.

Я не была уверена, что уже готова вернуться к работе, мы все еще пытались привыкнуть ко всему происходящему, но я была уверена, что, в конце концов, мы выработаем расписание, и у меня появится свободное время.

Я пела Айрис, пока укладывала ее в люльку, которую перенесла на кухню, затем развернулась, чтобы поднять Ганнера с пола и протанцевать с ним вокруг кухонного стола. Я была в нелепо хорошем настроении. Не могла сдерживаться.

Был вечер пятницы, домашняя работа доделана, старшие дети играли, у Ганнера был трехчасовой сон, после которого он очень повеселел, а я была готова сделать домашнюю пиццу для своей семьи, пока солнце сияло через окно кухни.

Я пела, раскачивая Ганнера из стороны в сторону, когда он хихикал.

Я дошла до припева, когда Шейн прошел через дверь, вернувшись из гаража, и не могла сдержать смех, когда Ганнер подбросил руки в воздухе и закричал:

— Папочка!

Шейн улыбнулся, пока я продолжала петь, его глаза были прикованы к моему лицу.

— Красавица, — сказал он беззвучно, не отводя взгляда от моего лица, когда старшие дети ворвались в кухню.

Я покраснела и разорвала зрительный контакт, покружив Ганнера.

Казалось, мы с Шейном танцевали вокруг друг друга, отталкивая и притягиваясь, когда приходили к общей рутине. Прежде мы никогда не жили вместе, что казалось странным, когда я думала об этом. Я родила ему ребенка, и мы ходили вокруг да около целый год, тем не менее, врезаться в него в ванной каждое утро было новым, и немного смущало.

Он так упорно пытался вернуть мое хорошее расположение, что это было милым. Он возился с детьми и набирал мне ванну после того, как большие дети засыпали, заботился об Айрис, чтобы у меня были минуты отдыха. Он называл меня красавицей, когда я чувствовала себя неполноценной.

Мне нравилось то, что он пытался, но я не могла избавиться от ощущения, что он упускал то, что я пыталась ему сказать. Я не злилась на него. Больше нет. Нет, все было гораздо глубже. Я любила Шейна, всегда любила, даже когда мне хотелось его придушить. Но глубоко внутри меня была усталость от всего происходящего прежде, от которой я не могла избавиться.

Как бы ни старалась, не могла перебороть страх, что он может снова уйти и забрать детей. Я не думала, что смогу это пережить.

Поэтому держала его на расстоянии вытянутой руки, хоть и видела, как Шейна это изводило. Независимо от того, как он этого хотел, я не могла позволить ему преодолеть это расстояние.

Мы находились в тупике, оба изнывали по одному и тому же, но не могли это заполучить.

— Дети, идите в гостиную, пока тетя Кейт готовит ужин, — сказал Шейн, после того как все рассказали ему о том, как прошел их день. Бедняжка Гевин смог внести свой вклад, только рассказав, как нашел огромного паука на стене дома снаружи.

Я поставила Ганнера на ноги и смотрела, как он неуклюже бежит за своими братьями и сестрами, прежде чем повернулась к Шейну.

— Пицца подойдет?

— Звучит отлично, — сказал он хрипло, отчего мое сердце заколотилось быстрее. — Иди сюда.

Я, молча, покачала головой, пока его губы растянулись в небольшой улыбке. Он кивнул, делая шаг ко мне.

— Я должна начать готовить, — пробормотала, замерев на месте.

— Ты можешь подождать десять минут.

— Дети... — он вытянул руку ко мне, прежде чем я смогла закончить предложение, и внезапно я оказалась крепко прижатой к его груди.

— Ой, — зашипела, отстраняясь.

— Что не так? — спросил он озадаченно, когда я подняла руки, прикрыв груди.

— Айрис не хотела есть около трех часов, — сказала ему, покачав головой. — Я просто немного... переполнена.

— Я буду осторожен, — он развернул меня так, что мы оба оказались лицами к кухонному окну, и начал раскачиваться из стороны в сторону. — Я хочу потанцевать со своей женщиной.

— С твоей женщиной? — фыркнула я.

— С мамой моей малышки? — сказал он, тихо хохотнув.

— Так-то лучше.

У меня перехватило дыхание, когда его руки переместились с моих бедер, чтобы обнять меня.

— Я люблю, когда ты поешь детям, — прошептал он мне в ухо, отчего по шее побежали мурашки. — Одна из моих любимых вещей.

— У тебя есть список? — сказала я, задыхаясь, когда он начал проводить большим пальцем по нижней части моей груди.

— Ммм-хмм, — прогудел он, прежде чем начал тихо напевать мне на ухо. — Мой голос оставляет желать лучшего, — сказал Шейн, когда закончил петь первый куплет, держа меня крепче, пока я пыталась повернуться к нему лицом. — Ничего общего с твоим.

— Мне нравится.

— Лгунья, — засмеялся он, отпуская меня.

— Нравится, — настаивала я, повернувшись к нему лицом.

— Я иду в душ, — сказал он неловко, рассмешив меня.

— Ты краснеешь как маленькая девчонка, — подразнивала я, подпрыгнув, когда он сделал шаг ко мне.

— Я не краснею, — спорил он.

— О да, краснеешь. Ты красный как помидор.

Я вскрикнула, когда Шейн двинулся ко мне, и истерически рассмеялась, пока он преследовал меня вокруг стола.

— Держи ее! — закричал Келлер, вбегая в комнату.

— Эй! — закричал Шейн, схватив меня за бедра и задвинув за спину, прежде чем Келлер мог врезаться в меня. — Сегодня никакого баловства с тетушкой Кейт, хорошо?

— Ну, почему?

— Знаю, я не прав. Папочка не должен был ее преследовать, — ответил Шейн серьезно, посмотрев на меня через плечо и послав коварную улыбку. — Я иду в душ. Почему бы тебе не узнать, можешь ли ты с чем-нибудь помочь тете Кейт?

Шейн вытянул руку позади меня и слегка шлепнул по бедру, прежде чем покинул кухню. Я пялилась на его задницу, пока он не скрылся из виду. Черт.

Покачала головой и улыбнулась Келлеру, который наблюдал за мной со странным выражением на лице.

— Святое дерьмо, — застонала я в душе позже этой ночью. Дети, наконец-то, легли спать, а Айрис уснула сразу после кормления. С того момента прошло несколько часов, поэтому я поговорила с медсестрой по телефону, которая знала меня по имени после всех разговоров, что я звонила насчет Ганнера, она заверила меня, что Айрис может продержаться больше двух часов между кормлениями.

К сожалению, у моей груди не было такой способности. Они были чертовски твердыми, и так сильно болели, что я расплакалась. Взяла молокоотсос, посмотрела на него и осознала, что эта штука не должна быть рядом с девушкой, когда ей так больно. Согласно словам медсестры, теплый душ был следующим подходящим действием, поэтому я позволила горячей воде скользить по моему телу, надеясь, что грудь освободится от небольшого количества молока, и мне станет легче. Казалось, что это не помогло.

— Кейт? — позвал Шейн, испугав меня. Я зашипела, когда коснулась рукой одной из своей груди. Боже, это агония.

— Да? — крикнула дрожащим голосом.

— Ты там уже долго, детка. Все хорошо? — его голос становился ближе.

— Да, я выйду через минуту, — отозвалась я.

Должно быть он услышал что-то в моем голосе, потому что через секунду отдернул шторку немного и просунул голову в укутанную паром душевую.

— Что не так?

Я повернулась к нему и прикусила щеку изнутри, когда его глаза расширились.

— Иисус Христос! — сказал он. — Какого хрена?

— Айрис не голодна, — шмыгнула я носом. — Они так болят.

Он скрылся за занавеской и через минуту залез в душ голый, уставившись на мою грудь.

— Внимательно смотри, — пошутила я, указывая на «девочек». — Ты больше никогда не увидишь их такими торчащими, — последнее слово было почти сопровождено рыданием.

— Боже, они выглядят....

— Отвратительно, — перебила я, кивнув. Голубые вены ярко выделялись на бледной коже. Казалось, будто я нарисовала их острым карандашом.

— Болезненно, — поправил он тихо. — Ты говорила с медсестрой?

— Она сказала принять горячий душ, — ответила я раздраженно, отпрянув, когда он поднял руку, чтобы прикоснуться ко мне. — Очевидно, от этого нет толку. Ты, возможно, захочешь уйти. Я не брилась... Боже, не знаю... Уверена, что «девочки» скоро взорвутся, отчего кровь и молоко будут по всей ванной.

— Уверен, что они не взорвутся, — сказал он в ужасающем изумлении.

— Я даже не уверена, что смогу заставить Айрис есть в таком состоянии. Они останутся такими навсегда, — я покачала головой. — И у меня ужасное чувство дежавю. Такого не было прежде?

— Другой душ, — сказал он серьезно. — И в последний раз ты наблевала мне на ноги.

— Всегда, пожалуйста, — сказала я сухо. — Боже, это так позорно.

— Нет, рвота — позорно. А это нет.

— Столь же позорно.

— Нет. Дерьмо. Ты, правда, не брилась, — сказал он, глядя вниз.

— Боже, Шейн! Убирайся! — зашипела я, прикрывая промежность руками и поморщившись, когда внутренние поверхности моих рук коснулись груди сбоку.

— Перестань, — нахмурился он, убирая мои руки, не отрывая от меня взгляда. — Твои волосы там рыжее.

Он провел пальцами по моей лобковой кости и мой желудок сделал сальто.

— Сосредоточься, Дирк Дигглер^[4]

— Я сосредоточен, — он снова посмотрел мне в глаза. — Что мы делаем?

— Не знаю! Я торчала в этом гребаном душе вечность, — я подняла руку со сморщенной от воды кожей к лицу. — Мои пальцы могут никогда не восстановиться.

Он поцеловал мои пальцы, в его глазах плясали озорные огоньки.

— Стой неподвижно, — пробормотал он, поднимая руки и нежно проведя пальцами по моей груди. Не было больно, но я все еще была напряжена и не двигалась, просто на всякий случай.

— Ауч, — сказал он тихо, подняв голову, чтобы посмотреть мне в глаза.

— Есть что-то похуже, чем «ауч»?

— Гребаный сукин сын.

— Да, очень хорошо описывает, — слегка хохотнула я.

Он скользил пальцами в ложбинке, между моими грудями, и наклонился, чтобы медленно меня поцеловать, обнимая меня. Я так сильно хотела к нему прильнуть, но понимала, что это будет невероятно больно.

— Стой неподвижно, — напомнил он мне в губы, затем отстранился.

Прежде чем я осознала, что происходит, Шейн обхватил ртом один из моих сосков. Я дернулась, но его руки держали меня, когда он медленно всосал сосок несколько раз. Когда он, в конце концов, отстранился, я видела, что на его лице играла улыбка триумфа. Затем он наклонился к другому соску и повторил свои действия.

Когда он закончил, молоко медленно стекало по моему туловищу, смешиваясь с охлажденной водой из душа.

— Святое дерьмо.

— Я все исправил, — сказал он гордо, поднимая руку и нежно массируя мою грудь.

— О, боже мой, уже намного лучше, — застонала я, в облегчении закрыв глаза. — Спасибо. Было очень странно, но спасибо.

— Почему странно? — спросил он со смехом, и мои глаза почти вылезли на лоб.

— Ты только что сосал молоко из моей груди.

— В отличие от сосания его из других мест? — спросил он, приподняв бровь.

— О нет. Грудное молоко. В твоём рту.

— И?

— И что? Грудное молоко в твоём рту! — чем больше я говорила, тем больше мое лицо краснело.

— Кэти, мое лицо было у твоей киски, — ответил он резко, и моя челюсть в шоке отвисла. — Мой рот был повсюду на твоём теле. Немного грудного молока ничего не значит.

— На что оно похоже? — спросила я почти бессвязно.

— Немного сладко, — сказал он, склонив голову набок. — На самом деле ни на что.

— Ха.

— Чувствуешь себя лучше?

Я подняла руку, чтобы потереть грудь.

— Да, черт. Гораздо лучше, — выдохнула я.

— Хорошо.

Он быстро наклонился и страстно меня поцеловал, его пальцы опускались по моему телу, пока не достигли волос между моих бедер.

— Так чертовски сексуально, — пробормотал он, немного дальше скользя рукой между моих ног. — Какого хрена это так сексуально?

— Потому что ты едва ли видел женщину с лобковыми волосами? — спросила я, пытаясь удержать равновесие, когда его пальцы нашли мой клитор.

— Ты такая чертовски сочная сейчас, — застонал он, облизывая мой рот. — Боже, как только ты перестанешь кормить грудью, я сделаю так, что ты снова забеременеешь. Мне нужно больше времени с тобой, когда ты такая.

— Полегче, приятель, — ахнула я, задрожав, поскольку вода стала из прохладной холодной. — У нас уже пять детей. Достаточно.

Он потянулся позади меня и выключил душ, прежде чем я закончила говорить, затем вытянул руку и отдернул занавеску.

— Больше нет? — спросил он тихо, когда помог мне вылезти из душа и начал сушить меня.

— Боже, я не могу думать о большем количестве прямо сейчас.

— Так это может быть?

— Мы можем отпраздновать первый день рождения Айрис? Я все еще восстанавливаюсь после родов.

Шейн побледнел и быстро посмотрел вниз.

— Нет! — выплонула я. — Там все зажило.

Он рассмеялся.

— Приятно знать.

— Я не имела в виду...

— Ага.

— Размечтался, — сказала я высокомерно, прежде чем распахнула дверь ванной, в то время как он все еще стоял мокрым.

— Дерьмо, Кейт! Холодно!

Я рассмеялась и на цыпочках прошла из комнаты Шейна в свою. Я использовала ванную в главной спальне с момента, как забеременела Айрис, и не перестала этого делать даже после возвращения Шейна. Не то чтобы он спал в этой комнате, каждую ночь он оказывался рядом со мной в гостевой спальне.

Айрис проснулась, но, слава богу, не плакала, когда я зашла в спальню. Я закрыла за собой дверь, сбросила полотенце и подняла ее, почти закричав от радости, когда она, наконец, повернула головку и обхватила мой сосок. Ах, блаженство.

— Хорошая девочка Айрис, — сказал Шейн, когда проскользнул в мою комнату, закрыв за собой дверь.

— Она не собака, — ответила я, закатив глаза.

— Да, но она опустошит тебя, а это значит, что ты не проснешься от боли в течение... Черт побери, ты выглядишь невероятно, — выдохнул он, пялясь на меня.

— Мои волосы...

— Ты голая и кормишь грудью, — перебил он. — Ты выглядишь как какая-то богиня плодородия.

— Ну, я забеременела после первой ночи секса. Это довольно плодородно.

Он фыркнул, покачав головой.

— Моя суперсила — делать детей.

— Ты довольно хороша в этом, — добавил он, вздернув брови, когда ложился на кровать рядом со мной.

— Черт, — я рассмеялась. — Я напросилась на это.

— Я счастлив, — произнес Шейн, довольно вздохнув, когда перевернулся на спину.

— И я, — я опустила взгляд на Айрис и увидела, как она смотрит на меня. — Безмерно счастлива.

— Я делаю тебя счастливой? — спросил он нежно.

— Ты и наши дети.

— Я всегда буду делать тебя счастливой, — пообещал он, вытянув руку, чтобы положить мне на бедро.

— Пока не будешь оставлять свою вонючую одежду для пробежек на полу ванной, — ответила я уныло.

— За исключением этого.

— Думаю, смогу жить с этим, — я перевернула Айрис на другую сторону, а затем вернула ее в кроватку. Слава Богу, она спала почти всю ночь, и это значит, что у меня будет полноценных шесть часов сна, прежде чем она снова меня разбудит.

Я направилась к комоду, но хриплый голос Шейна остановил меня.

— Не надевай ничего.

— Это будет безответственно, — прошептала я смущенно. — Вдруг пожар?

— Я одену тебя, прежде чем мы пойдем спать, — пообещал он, сев в кровати.

— Ты оденешь меня?

— Ты слишком устанешь, чтобы делать это самостоятельно, — сказал он уверенно, встретившись со мной взглядом, прежде чем снова переместить его на мое тело.

Мои соски затвердели от его слов, а его глаза вспыхнули в ответ.

— Иди сюда, Кейт.

Я направилась к нему без задней мысли, и когда оказалась рядом, он притянул меня

меж своих раздвинутых бедер.

— Ты хочешь меня? — спросил он нежно, проводя руками по наружной части моих ног.

— Я не брила ноги, — ответила я, отталкивая его руки. Боже, почему это дерьмо происходит со мной?

— Перестань, Кейт, — приказал Шейн, убирая мои руки, чтобы вернуть свои на мои бедра. — Перестань переживать о своих ногах. Они в порядке. Мягкие.

Я оставила руки по бокам и встретилась с ним взглядом.

— Ты хочешь меня? — снова спросил он, его руки переместились на внутреннюю поверхность моих бедер.

— Да, — прошептала я, мое сердце ускорило свой бег. Боже, прошла вечность с тех пор, как у меня был секс. Потребность в соединении почти перекрыла мое чувство самосохранения. Шейн видел меня в худшие периоды. Черт, он видел меня по утрам, прежде чем я успевала почистить зубы, но все еще хотел меня. Он знал все мои секреты и причуды. Но, тем не менее, я все еще боялась заниматься с ним сексом.

Я знала, что как только мы снова перешагнем эту грань, ничего нельзя будет вернуть.

— Ты готова для меня? — спросил он, выискивая мой взгляд, пока очерчивал руками изгибы моей талии и мой небольшой животик.

— Нет, — ответила я, мои глаза наполнялись слезами.

— Все в порядке, детка, — сказал он нежно, хотя я слышала разочарование в его голосе. — У нас есть время всего мира.

— Извини, — застонала, вытянув руку, чтобы дотронуться до его коротких волос. — Я просто....

— Не готова, — закончил он с кивком.

— Я смехотворна.

— Нет, ты осторожна. Я понимаю, мишка Кэти.

— Чего я жду? — пробурчала я, когда он скользнул руками вокруг меня и положил их на мои ягодицы.

— Я не знаю, детка, — ответил он серьезно. — Но ты поймешь, когда это произойдет.

— Я устала, — сказала я, опустив руки по бокам.

— Тогда давай спать, — он встал с кровати и шлепнул меня по заднице, обходя, чтобы взять ночнушку и трусики с моего комода.

Он аккуратно одел меня и поцеловал в лоб.

— Я же сказал, что одену тебя.

Как только мы снова оказались в кровати, Шейн обнял меня и быстро уснул, но я еще долго не могла заснуть. Я чувствовала себя плохо из-за того, что снова его обломала, но от мысли заняться сексом с Шейном, глубоко в моем животе зарождалась паника, которую я не могла игнорировать.

Я доверяла своему чутью.

— Что за фигня, Келлер? — кричала я раздраженно две недели спустя, зная, что должна снизить тон, но не могла успокоиться.

Я уставилась на письмо, которое он принес домой из школы, и не могла поверить в то, что читала.

Мой мальчик, мой милый, чувствительный мальчик, который защищал Ганнера и Айрис, будто они его собственные дети, был задирой в школе.

— Что происходит? — спросила я, немного смягчая голос.

Он стоял передо мной, скрестив руки на груди, что, кстати, уже не было милым, и отказывался говорить. Вместо этого смотрел на меня так, будто не мог вынести одного моего вида. Я не понимала, что происходит.

Первый месяц в школе был тяжелым для Келлера. Ему не нравилось весь день находиться вне дома, и казалось, он не завел много друзей в классе. Но я думала, что это адаптационный период. Он перестал быть трусишкой и стал игривым смельчаком, которого мы все знали и любили.

— Ну? — спросила я гневно, указывая и злобно смотря на Гевина и Сейдж, которые пытались подглядывать из-за угла, прежде чем снова повернуться к Келлеру. — Твоя учительница сказала, что ты плохо себя вел по отношению к другим детям. Что ты обзывал их. Это правда?

Он нахмурился, сведя брови вместе.

— Отвечай мне, — приказала я.

После пары минут молчания я, правда, не понимала, что делать. Хотела отправить его в комнату, но знала, что это не было наказанием. Игрушки в спальне Гевина и Келлера были разбросаны с одной стороны до другой, в итоге я бы просто отправила его поиграть.

— Хорошо, — пробубнила, подходя к кухонному стулу и потащив его к стене. — Садись.

Келлер не сдвинулся с места, и, в конце концов, отвела его силой, потянув за руку, борясь с его напряженным телом, пока он не сел.

— Ты можешь оставаться здесь, пока не будешь готов поговорить, — сказала раздраженно.

Я проверила Ганнера, который тихо играл на полу, и Айрис, которая спала в своей люльке, прежде чем села за столом, за которым могла проверить электронную почту и следить за Келлером.

Он не двигался. Просто сидел, пялясь на стену.

На протяжении часа.

Затем двух.

К моменту возвращения Шейна я была почти в слезах от растерянности. Не знала, что делать. Не хотела заставлять его сидеть там, но также не хотела идти у него на поводу.

— Папочка дома, — прокричал Шейн, проходя через входную дверь.

— У Келлера неприятности! — объявил Гевин, его голос немного дрожал.

— Гевин, тише! — зашипела Сейдж.

Я не могла видеть Шейна, но, должно быть, он повлиял на них, потому что они успокоились. Вскоре Шейн вошел на кухню.

Он увидел, что Келлер сидит на стуле, затем посмотрел на меня, вздернув бровь.

— Сколько это продолжается?

— Несколько часов, — сказала я расстроено.

Должно быть, он неправильно понял тон моего голоса, потому что внезапно разозлился.

— Поднимайся в свою комнату, приятель, — сказал он Келлеру, повернувшись ко мне лицом. — Я буду там через минуту.

Келлер подпрыгнул с места и побежал в комнату, послав мне победный взгляд, проходя мимо. Я была шокирована.

— Какого хрена, Шейн? — зашипела, вставая.

— Забавно, что это должен быть мой вопрос, — ответил мужчина, расстегивая форму. — Часов, Кейт?

— Ты сейчас издеваешься? — спросила я, понизив голос.

— Ему шесть лет, и он сидел на деревянном кухонном стуле несколько часов? — спросил Шейн насмешливо, снимая рубашку. — Ты немного перестаралась, не думаешь?

Мое сердце ускорилося, пока я наблюдала, как он прошел по кухне, положил бумажник и часы на стол, прежде чем повернулся лицом ко мне. Я не могла говорить. Слова застряли в горле.

— Не делай так больше, — сказал Шейн, когда я так и не ответила ему в течение пары минут. Он направился из кухни, и я вспыхнула:

— Ты — гребаный придурок, — слезы брызнули из глаз. — У него был шанс встать. Нужно было просто со мной поговорить.

— Что?

— Не могу поверить, — я покачала головой, захлопнув крышку ноутбука и засунув его под мышку. — Келлер сидел здесь, потому что упрямылся. Ему нужно было просто сказать, почему учительница отправила домой записку из школы, в которой говорилось, что Келлер задирает детей.

— Какого черта? — спросил Шейн, дернув головой.

— Да, у меня была такая же мысль, — ответила я. Положила ноутбук в шкаф над столешницей, где дети не могли до него дотянуться, и схватила ключи. — Я в магазин. Только что покормила Айрис, ей хватит на какое-то время.

— Кейт, — позвал Шейн, но я не остановилась, когда прошла через гостиную, попрощавшись с детьми. Я так злилась, и мне нужно было уйти, прежде чем сказала бы что-то непоправимое.

Я не торопилась в продуктовом магазине. Я очень не торопилась в продуктовом магазине.

К тому времени, когда вернулась домой, дети уже легли спать, и была уверена, что Шейну пришлось подогреть немного грудного молока, которое я оставила для Айрис в холодильнике. Меня не было несколько часов.

Моя злость превратилась в чувство бессилия, которое стало болью. Хотела сказать, что не могу поверить, что Шейн повел себя так, будто я бессердечная сука за то, что наказала

Келлера, но я не могла. Он давно дал ясно мне понять свою точку зрения, и так как у нас не было другого соглашения на эту тему, я позволила себе забыть об этом.

Было тяжело снова вернуться к реальности.

Я припарковала свой внедорожник на подъездной дорожке и закрыла верхний люк перед выходом. Мои плечи поникли от мысли заносить все это в дом, но я схватила огромную упаковку туалетной бумаги и два галлона молока по пути внутрь.

Я ненавидела ездить в магазин с детьми, но не могла отрицать тот факт, что было легче, когда они помогали мне разгрузить машину.

— Привет, — сказал Шейн, выключая телевизор, когда я прошла мимо гостиной.

— Привет, — ответила, поставив молоко на стол, а бумагу на пол, прежде чем развернулась. — В машине куча покупок из магазина.

Он кивнул и последовал за мной наружу, забрав половину покупок за одну ходку. Мы молча двигались рядом, раскладывая продукты. Я слишком устала, чтобы разговаривать с ним.

После того как разложили все по своим местам, не сказав ни слова я отправилась в спальню. Впервые закрыла за собой дверь. Если детям понадобится что-то среди ночи, Шейн позаботится о них.

Я разделась до футболки и нижнего белья, прежде чем проверила Айрис, которая мирно спала в своей кровати. Затем залезла в кровать.

Меня просто одолело уныние. Это было подходящее слово для описания. Мы так долго со всем справлялись, что я успокоилась. Не думала дважды, перед тем как посадить Келлера на стул. Я ненавидела это, но черт, ему нужно было просто заговорить. Мой желудок ухнул вниз, когда подумала о том, как он вел себя в школе. Что с ним происходило? Все было нормально, пока не спросила его о записке из школы. Я что-то упустила? Что сделала не так?

Дверная ручка дернулась, и я посмотрела в сторону двери, прежде чем закрыла глаза и натянула одеяло до плеч. Мне просто хотелось уснуть и начать все на свежую голову с утра. По утрам все выглядит гораздо лучше.

Через несколько минут слышала еще звуки у двери, и в неверии смотрела, как она распахнулась, а свет с коридора осветил голый торс Шейна.

— Ты не должна так делать, — сказал он тихо, проходя вперед и закрывая дверь. — Ты спишь со мной, даже когда злишься.

— А я не хочу спать с тобой, — ответила спокойно, неподвижно лежа под одеялом. Если он думал, что я просто проигнорирую события вечера, то сильно заблуждался.

— Когда ты зла, ты больше не должна уходить, — он обошел кровать и лег спиной ко мне, нас разделяла пара сантиметров.

Я фыркнула.

— Думал, что мы заодно, Кейт, — сказал Шейн. Раздражение сквозило в его голосе.

— Да, ну, я тоже.

— Что это должно означать? — он перекатился на бок и приподнялся на локоть, чтобы видеть мое лицо.

— Забыла о твоём нежелании, чтобы я наказывала детей, — ответила горько. — Никаких проблем, босс.

— Нет. Не начинай. Я, бл*дь, пытаюсь поговорить с тобой.

— Ты, вероятно, должен был сделать это прежде, чем заставил меня чувствовать себя

полным дерьмом, — сказала я, тихо проклиная свой голос за дрожь. — Я не хотела, чтобы Келлер оставался на стуле, Шейн. Но если бы отпустила его, он бы понял, что может снова повернуть подобное.

— Я не знал...

— Ты не спросил. Просто пришел и выставил меня плохой, снова перечеркнув все мои слова. Я думала, что мы преодолели это. Какая я дура.

— Извини! — зарычал он. — Но ты не спасла ситуацию, когда просто ушла. Тебя не было несколько часов, Кейт!

— Ну, мне нужна была гребаная минута, чтобы привести мысли в порядок.

— Мне бы понадобилась помощь с нашим шестилеткой, который хранил гребаное молчание все время, что я пытался с ним поговорить, — его голос повышался, когда он подскочил на кровати, и внезапно плач Айрис заполнил комнату.

— Я возьму ее, — пробурчал мужчина, отбрасывая одеяло, прежде чем я смогла встать с кровати.

Его голос стал успокаивающим напевом, когда Шейн положил малышку на кровать и поменял подгузник, а у меня в горле образовался ком размером с Техас, когда он передал ее мне и лег... повернувшись спиной.

— Он ничего не сказал, когда ты пытался с ним поговорить? — спросила я через пару минут тишины.

— Нет. Просто уставился на меня, будто я придурок, — ответил он ровно.

— Боже, я задаюсь вопросом, что с ним? — Айрис выплюнула мой сосок, причмокнув. Я полагала, что она не голодна, просто зла, что папа ее разбудил.

Я положила ее назад в кроватку и забралась на кровать к Шейну, уставившись на его спину. Хотела вытянуть руку и коснуться, но все еще была зла и разочарована его отношением, когда он вернулся домой.

— Иногда я говорю херню, прежде чем подумать, — сказал он тихо, в его голосе звучало извинение. — До меня доходит это, и я извиняюсь. Но не могу сделать это, когда тебя нет, Кэти.

Я закусила внутреннюю сторону щеки, когда в глазах образовались слезы.

— Мне нужно, чтобы ты поддерживал меня в воспитании детей, Шейн. Без исключения. Он не повернулся ко мне.

— Я буду. Если инстинкт говорит мне вмешаться, то тяжело остановить себя. Особенно, когда касается детей. Ужас, который я видел в приемных семьях...

Значение его слов ударило меня будто кувалдой, и я стиснула кулаки так сильно, что ногти впились в кожу. Я переместилась вперед и обняла его за талию, прижимаясь к спине.

— Я доверяю тебе, Кейт. Мне жаль, что делаю поспешные выводы....

— Я понимаю, — пробормотала, целуя его спину. — Извини, что ушла.

— Пожалуйста, больше так не делай, — от боли в его голосе у меня перехватило дыхание.

— Не буду, — пообещала, снова целуя его спину.

— Я устал, — наконец, сказал он, поднимая свою руку, чтобы накрыть мою на животе. — Давай разберемся насчет Келлера утром.

Я кивнула и закрыла глаза, вдыхая запах мужчины передо мной.

Келлер лишился всех электронных гаджетов, но все еще отказывался говорить со мной или Шейном о том, что произошло. Я не знала, что с ним делать.

На какое-то время все вернулось к своей рутине.

Затем, как-то, когда я складывала белье после стирки на диване, раздался звонок в дверь.

Келлер и Сейдж все еще были в школе, Ганнер и Айрис дремали, боже, как я любила время дневного сна, а Гевин тихо сидел за журнальным столиком и раскрашивал. Я встала с дивана и практически побежала к двери, боясь, что в дверь позвонят снова и разбудят малышей, испортив тишину, которой я наслаждалась.

— Какого черта? — счастливо завизжала, когда мой кузен Генри обнял меня и покружил.

— Привет, мишка Кэти! — сказал он, широко улыбаясь.

— Какого черта вы, ребята, здесь делаете?

За ним я увидела Брама, Аниту и Тревора с сумками у их ног.

— Приехали праздновать твой развратник-тридцатник, — объявила Анита, проходя вперед и отталкивая Генри с пути, чтобы обнять меня. — Теперь скажи мне, где моя прекрасная племянница? — она протолкнулась мимо меня в дом, и я пустила ее, потому что Брам и Тревор обнимали меня в приветствии.

— Я не могу поверить, что вы здесь, — вскрикнула я, хватая сумку Аниты, прежде чем Брам вырвал ее из моих рук. — Это замечательно. Входите.

Ребята вошли в дом следом за мной, как раз когда Анита спустилась с Айрис.

— Она проснулась, — сказала та радостно, строя гримасы малышке.

— Ты такая негодяйка, — рассмеялась я, чувствуя радость из-за неожиданной компании.

— Дядя Брам! Дядя Трев! — закричал Гевин, подскакивая со своего места на полу.

— Привет, маленький чувачок, — сказал нежно Брам, притягивая Гевина на руки.

Я оглядела вход, полный толпы, такая радостная, что не знала, что делать. Мои любимые люди были в одном месте. Если бы Алекс приехал с ними, это было бы идеально.

— Алекс хотел приехать, но у него нет отпуска, — Генри прочитал мои мысли, обнимая меня за плечи. — Теперь, в этом доме есть пиво или только апельсиновый сок и грудное молоко?

Я легонько толкнула его в грудь и повела на кухню.

Я не могла дождаться, когда Келлер и Сейдж выйдут из автобуса во второй половине дня.

— Во сколько Шейн приходит домой? — спросил Тревор, когда вся компания расположилась за кухонным столом.

Я проигнорировала хмурость Брама, когда достала остатки пива из холодильника. Даже не была уверена, как долго оно там стояло. Мы с Шейном редко пили.

— Обычно он приходит домой между пол пятого и пятью часами, — ответила я. — Он в курсе этого?

— Черт, нет, — проворчал Брам, ставя Гевина на ноги, когда выбрал место за столом.

— О, боже. Он будет в восторге, — воскликнула я, хлопнув в ладоши.

— Сомневаюсь.

— Перестань, Брам, — нахмурилась, но в моем голосе было немного тепла. Я не могла поверить, что все они сидели на моей кухне и подшучивали. Я, черт побери, обожала это.

— Так какие планы на твой день рождение? — спросил Генри, откидываясь на спинку своего стула. — Есть хорошие бары поблизости?

— Понятия не имею, — захихикала я. — Я не часто куда-то ходила, и до этого жила в Калсбад.

— Мы найдем. Караоке-бар? — спросила Анита, ухмыляясь.

— Никогда, — сказал хмуро Тревор.

— Фу на тебя!

— Детский сад, Ани.

Мы сидели за столом следующие два часа, когда проснулся Ганнер, и мальчишки бегали как сумасшедшие вокруг. К нам редко приходили на ужин, кроме семьи Камдена и Майлза. Я не была уверена, что кухня могла вместить столько людей за раз.

Сейдж и Келлер были одинаково рады, когда вышли из автобуса и увидели свою тетю и дядей на крыльце. Я счастливо вздохнула, когда Келлер дурачился с Тревором и Брамом на переднем дворе, его смех разносился на все окрестности.

Нам нужно было это, и я не осознавала насколько сильно, пока не увидела, как счастливы дети.

Анита и Генри взяли Сейдж в магазин, чтобы купить все для вечера. К тому времени, как Шейн приехал домой в тот вечер, на плитке кипела огромная кастрюля спагетти, а мое лицо болело от улыбки.

— Какого черта? — спросил он, смеясь, когда вошел. Он немедленно нашел мой взгляд через комнату. — Что за суета?

— Привет, мужик! — позвал Генри, вставая с дивана. — Давно не виделись.

— Как, черт возьми, ты тут оказался? — спросил Шейн в изумлении, когда они обняли друг друга и проделали эти странные похлопывания по спине в стиле парней.

— Появилось время, решил использовать его и проведать свою любимую кухню, — ответил Генри с улыбкой. — Пытаемся базироваться где-то здесь рядом. Посмотрим, получится ли.

— Кейт будет чертовски без ума от этого, — сказал Шейн с кивком.

Шум в комнате нарастал, пока все болтали друг с другом, а я расслабилась, прижавшись к брату на диване. Я была так невероятно счастлива, что могла закричать об этом.

— Вы остаетесь здесь? — спросила я всех, оглядываясь вокруг. Кто-то лежал на полу, кто-то на диване.

— Я говорила им, что это плохая идея, — крикнула Анита с того места, где расположила голову на животе Тревора. Они выглядели как огромная «Т», занимая половину пространства пола. — Никто не слушает меня.

— У нас не так много кроватей, — сказала я нежно, смотря туда, где разговаривали Шейн и Генри.

— Диван! — одновременно закричали Брам и Тревор, ища себе место на ночь.

— Мило, парни, — проворчала Анита. — Настоящие гребаные джентльмены.

— Я могу спать где угодно, — сказал Генри, смеясь. — Пол будет как гребаная перина.

— Ани может поспать в моей комнате, — сказал Шейн, наклоня свое пиво в ее сторону.

— Какого хера? — зарычал Брам, смотря между мной и Шейном.

— Я не собираюсь спать там с ней, придурок, — огрызнулся Шейн, с дерзкой улыбкой на лице. — Мы больше не используем эту комнату.

Анита приподняла и опустила брови, когда я на нее посмотрела, и я покачала головой в раздражении. Моя радость из-за их визита медленно исчезала.

Детям все еще нужно было в школу утром, и так как они пропустили свое время, когда необходимо ложиться спать, то утром будут настоящими монстрами. Как я смогу собрать их школу, когда на всех пригодных поверхностях дома будут спать люди?

— Будем укладываться, — внезапно произнес Шейн, увидев панику на моем лице. — Я покажу тебе, где ты будешь спать, Ани.

Все согласились, что пора ложиться, и начали тихо перемещаться по дому, готовясь ко сну. Слава богу, одеял и подушек хватило на всех, и вскоре свет был погашен, а Ани, я и Шейн поднимались по лестнице.

— Ты не спишь в главной спальне? — тихо спросила Анита, когда я привела ее в спальню Шейна, пока он проверял детей.

— Нет, — ответила просто. — У меня есть своя комната.

— Звучит так, что Шейн спит там?

— Да.

— Это странно, — размышляла она, закрывая дверь, чтобы переодеться в пижаму.

— Я не сплю здесь, — пробурчала я, направляясь в ванную почистить зубы.

— О, да, — сказала Анита, следуя за мной. — Я бы так же не захотела спать в комнате Рейчел.

Я выдавила пасту на щетку и засунула ее в рот, без ответа. Не знала, что сказать. Шейн убрал все, что принадлежало Рейчел задолго до своей командировки, и комната выглядела так, будто всегда принадлежала только ему. Но я была здесь с Рейчел больше раз, чем могла сосчитать.

— Не то чтобы это что-то важное, — пробурчала я с белой пеной изо рта. — Эта тема никогда не поднимается, и я точно не хочу быть инициатором. Полагаю, если бы он хотел, чтобы я была здесь, он бы уже попросил.

— Так что, вы просто оставите главную спальню пустовать? Это не имеет смысла.

— Черт, не знаю, — я сплюнула и прополоскала рот водой из крана.

— Сейчас между вами все хорошо? — спросила Ани, повторяя за мной и сплевывая свою пасту.

— Наверное.

— Что ты имеешь в виду?

— Кейт, ты готова ложиться? — спросил Шейн, просовывая голову в спальню.

— Да, — я повернулась к Ани и крепко ее обняла. — Я так рада, что ты здесь.

— Я тоже.

Шейн открыл дверь, чтобы я могла пройти мимо него, затем последовал за мной в мою спальню.

— Не могу поверить, что они все здесь, — сказала я с улыбкой, встречаясь взглядом с Шейном, когда стягивала свои лосины.

— Я не могу поверить, что они все остались в нашем доме, — фыркнул Шейн, стягивая футболку через голову. — Я думал, что голова Брама взорвется, когда я сказал Ани, что она может занять мою кровать.

— Ты сделал это целенаправленно, — я закатила глаза.

— Черт, да. Твой братец такой мудака.

Айрис завопала, и мы оба замерли, переместив взгляд к ее кровати, которая стояла между нашей кроватью и стеной. Она подергала ручками, прежде чем снова их опустила, и как только затихла, мы осторожно забрались в кровать и легли лицом друг к другу.

— Он просто провоцировал, — прошептала я, когда Шейн притянул меня к себе.

— Он в моем гребаном доме, — ответил мужчина скептически.

— Да, дурные манеры, — тихо хихикнула я, вытянув руку, чтобы погладить его короткие волосы. Он только сделал новую стрижку, и мне нравилось, как его волосы ощущались на моей ладони.

— Мне нравится эта майка, — сказал внезапно Шейн, его ноздри раздулись.

— Что? — я опустила взгляд на одетую на мне майку для кормления. У меня их было четыре, и я их носила все время, поэтому они выглядели немного поношенными.

— Просто нужно немного потянуть... — он скользнул пальцем под кнопку у моей ключицы.

У меня перехватило дыхание, когда я наблюдала за выражением его лица, когда пальцы застегивали и расстегивали лямку. Мы ходили по тонкому льду, иногда залезая в постель практически источая сексуальное напряжение, но у нас еще не было секса.

Наконец, он отстегнул лямку и посмотрел на мое лицо, стянув ткань.

— Что ты делаешь? — сказала я, задыхаясь.

— Я весь вечер наблюдал за тобой, — ответил Шейн нежно. — Такая великолепная. Улыбалась и смеялась. Ты использовала накидку для кормления, поэтому я даже не мог подгляднуть....

Ткань коснулась моего соска и, наконец, оказалась под моей грудью.

— Ах, вот она, — выдохнул Шейн, проводя пальцем по моему соску.

— Думаю, это больше связано с выпитым тобой пивом, — сказала я, тяжело сглотнув.

Шейн выбрал этот момент, чтобы наклониться и обхватит мой сосок ртом, из-за чего мои бедра дернулись вперед. Из его рта вырвался гортанный стон, когда он слегка потянул мой сосок, в то же время вытянув руку, чтобы закинуть мою ногу на свои.

Я приподняла шею, когда он скользнул рукой между нами, и ахнула, когда Шейн коснулся внутренней части моего бедра. «Я должна была надеть пижамные штаны в кровать», — подумала, когда его пальцы проскользнули под резинку моих трусиков.

— Думаю, это не очень хорошая идея, — пыталась сказать, едва его пальцы коснулись моего влагилица.

— Фантастическая идея, — пробормотал Шейн у моей груди. — Посмотри, какая ты влажная. Просто позволь мне... — он перестал говорить, когда скользнул в меня пальцем, отчего мы оба застонали.

— Черт, — ахнула я, покрутив бедрами. Прошло так много времени, и мне казалось, что все мое тело накроет пламенем от этого небольшого контакта.

— Вот так, — прошептал Шейн в ответ, поднимая голову, чтобы впиться в мои губы

своими, добавив второй палец.

Он провел языком по моим губам, когда я начала дрожать, и я целовала его, пока, наконец, не смогла сконцентрироваться на его руках и рту в одно и то же время.

— Жестче, — приказала я, стиснув зубы, и задаваясь вопросом, не раскрошатся ли они.

— Черт побери, — простонал Шейн, посасывая мое плечо, когда подводил меня все ближе и ближе к краю.

Я яростно пыталась коснуться его тела, ногти одной руки вонзились в одно из его предплечий. Он согнул пальцы во мне, и каждый раз, когда дергал рукой, его ладонь потирала мой клитор.

Я кончала жестко, уткнувшись ртом в его шею, чтобы не издавать звуков.

— Я не могу.. — начала я, когда Шейн, наконец, высунул свои пальцы из моих трусиков, положив влажную руку мне на нижнюю часть живота.

— Я знаю, детка, — сказал он, тяжело дыша. — Черт, это все, чего я хотел.

Я недоверчиво посмотрела на него, и он усмехнулся, прежде чем застонать.

— Я не ожидал ничего другого.

— Ну, теперь я чувствую себя дурой, — пробурчала, отчего мужчина фыркнул.

— После всего ожидания я не буду трахать тебя в доме, заполненном нашей семьей, — сказал он, покачав головой. — Плохой выбор времени.

— Ну, а что не так? — спросила я, когда он отстранился, слез с кровати и схватил салфетку, чтобы вытереть руку.

— Я знаю, что смогу сдерживать тебя, и ты будешь тихой, но сам вряд ли справлюсь, — сказал он мне с озорной улыбкой, вставая на кровати на четвереньках.

— Я довольно хороша в сексуальной молчанке, — ответила серьезно, расслабляя свое тело на кровати.

На мгновение на его лице было удивление, затем он расхохотался, улегшись на свою сторону кровати.

Я наблюдала за ним, хихикая над тем, как он держался за живот.

— Ты, да, — согласился он сквозь смех.

Я даже не могла злиться, когда Айрис проснулась и начала лепетать в своей кроватке.

И не могла вспомнить, когда в последний раз у меня был такой восхитительный день.

Кейт практически прыгала по дому, когда я вернулся домой в пятницу во второй половине дня. Они с Анитой решали, что наденут, когда мы отправимся праздновать ее день рождения вечером.

На самом деле тридцать ей исполнится только в понедельник, но так как все, кого Лиз и Элли метко, но неоригинально называли детьми, хотя мы и были взрослыми, работали, могли приехать только на выходные.

Кейт переживала о няне, после того как первая радость об их визите улеглась, но я пообещал позаботиться об этом. Тревор отвел меня в сторонку и дал знать, что сюрпризы для именинницы еще не закончились.

Кейт сидела за кухонным столом с Анитой, косметичка лежала перед ними, когда взволнованные крики заполнили переднюю часть дома.

— Что? — спросила Кейт в замешательстве, ее лицо осветилось, когда она увидела новоприбывших.

— Святое дерьмо! — закричала она, подсакивая на ноги.

— С днем рождения, — закричала Лиз, поднимая руки и тряся ими из стороны в сторону.

— Не могу в это поверить! — девушка притянула свою маму в объятия, и послала мне огромную улыбку через ее плечо.

Она смотрела на меня так, будто я изобрел лекарство от какой-то смертельной болезни, хотя я не имел никакого отношения к тому, что происходило. Плевать, припишу себе эту заслугу, если она будет смотреть на меня подобным образом.

Кейт обняла моего приемного отца Майка, Элли и Дэна, пока они счастливо болтали.

— Привет, сынок, — сказал Майк, подходя к тому месту, где я прислонился бедром к столу. — Скучал по тебе.

— Я тоже скучал, — ответил, обнимая его. — Вы надолго?

— О, только до воскресенья, — заверил он меня, ухмыляясь. — Хотя Элли и Лиз останутся подольше. Хотят провести больше времени, когда остальные уедут.

— Вы останетесь здесь? — нервно спросила Кэти сквозь шум.

— Почему мы должны оставаться здесь, если можем заехать в гостиницу с обслуживанием номеров? — спросил ее отец, смеясь.

— Ну, все остальные остановились здесь...

— Абрахам! — сердито сказала Лиз, смотря на сына. — У твоей сестры и так хватает забот.

— Мы здесь только несколько дней, — проворчал Брам.

— Я пыталась сказать ему, — наябедничала Ани.

— Вот тебе на, — выпалила Элли, направляясь ко мне. — Мы не растили вас, ребятки так, чтобы вы вели себя как кучка саранчи. Ну же, иди сюда, — приказала она, протягивая ко мне руки.

— Привет, мам, — сказал я тихо, наклоняясь ее обнять.

— Как дела?

— Хорошо, — ответил, кивнув.

— Да?

Я оглянулся на Кейт, которая смеялась со своим отцом, и улыбнулся.

— Да.

Позже этим вечером мы загрузились во внедорожник Кейт, пока Анита и Генри скулили о том, что сидели на самом заднем сиденье. Я не знал, почему они удивлялись? Как самым младшим им всегда доставался последний кусок пиццы или самые худшие места в машине.

— Караоке! — кричала Анита, когда я отъехал от дома.

— Ты знаешь караоке-бар поблизости? — спросила радостно Кейт, повернувшись ко мне.

— Ты хочешь туда? — спросил, беря ее за руку.

Обычно мы не демонстрировали привязанность на публике. Кейт всегда нервничала из-за подобного, как будто имело значение, что люди думали о наших взаимоотношениях. Поэтому я удивился, когда она повернула голову и переплела свои пальцы с моими.

— Да!

— Хорошо, я знаю один. Вот, — я вытащил телефон из кармана. — Позвони Майлзу и скажи, куда мы едем.

— Я отлично провожу время, — сказала она, прокручивая контакты в моем телефоне.

— Мы едва покинули дом, — рассмеялся я.

— Не имеет значения, — Кейт улыбнулась, поднося телефон к уху. — Это уже самый лучший день рождения.

Тревор согласился быть «трезвым водителем», и к тому времени, как я выпил пару бутылок пива, понял, что это плохая идея.

Девчонки были счастливы, распевая песни восьмидесятых, каждый раз как называли их имена. Между их очередью, что подходила каждые полчаса, они, смеясь, танцевали по всему бару.

Я следил за Кейт, пока она веселилась, но чем дольше мы оставались и чем больше алкоголя употребляли, тем сильнее атмосфера за столом накалялась.

Майлз сидел рядом со мной, наблюдая, как Анита трясет своей задницей, совершенно не обращая внимание на мужчину, который наблюдал за ним.

— Итак, вы с Кейт, — произнес Генри весело сквозь шум толпы. — Не замечал, что это назревало.

— Да, — пробормотал я, когда Брам перевел взгляд с Майлза на меня.

— Как, черт побери, это случилось?

Я посмотрел на Кейт, которая смеялась над чем-то, что сказала Анита, и проигнорировал вопрос. Я не собирался рассказывать, окруженный сотней незнакомцев в

баре. К тому же это было не дело Генри.

— Он трахнул ее, — сказал Брам гадко, после неловкого молчания. — Напоил и обрюхатил.

— Закрой на хрен рот, Абрахам, — зарычал я, отказываясь смотреть в его сторону.

— Это правда, — пьяно рассмеялся он. — Ни много ни мало, в годовщину смерти Рейчел. Отличный выбор времени.

Кейт посмотрела на меня, и ее глаза расширились, когда я резко встал из-за стола.

— Закрой свой гребаный рот, — сказал я этому придурку через стол.

— Да ладно тебе, Брам, успокойся, — тихо сказал Тревор, когда Брам подскочил на ноги.

— Задаюсь вопросом, сколько ты ждал? — глумился Брам, осматривая меня сверху вниз. — Должно быть, прошло какое-то время с тех пор, как ты совал свой член в дырку. Как удачно, что Кейт была в твоём доме, охотно готовая оказать тебе услугу.

Я перепрыгнул через стол, заваливая Брама на пол всем весом своего тела.

— Ты ничего не знаешь, — сказал я, ударяя его кулаком в челюсть. — Закрой свой гребаный рот!

Он дернулся всем телом, сбрасывая меня, и мы начали кататься по полу, сбивая стулья и столы, пока боролись.

Это не длилось дольше пары минут, но к тому времени, как Майлз оторвал меня от окровавленного Брама, Кейт уже плакала.

— На выход, — закричал вышибала, когда подошел к нам.

— Да, мужик, мы уходим, — заверил его Тревор, кивнув Генри, который держал Брама в медвежьей хватке.

Майлз оттолкнул меня, когда я пытался пробраться к Кейт.

— Не здесь, мужик. Дождись, пока мы выйдем на улицу, — тихо предупредил он, выводя меня из бара.

Я вытер кровь под носом тыльной стороной ладони и последовал за ним, когда Анита выводила Кейт впереди нас. Они тихо разговаривали, пока Кейт вытирала слезы с лица.

— Майлз, ты отвезешь Шейна? — спросил Тревор, когда мы оказались на улице.

— Ох, черт, нет, — сказал я, направляясь к внедорожнику Кейт.

— Ты точно не сядешь в одну машину с Брамом сейчас, — сказал мне Тревор, качая головой.

— Какого хера, Тревор? Ты слышал ту грязь, что он сказал? — спросил я, встречаясь с ним взглядом.

— Я слышал его. Кулаки придурка чесались с момента приезда, — Тревор потер затылок. — Я не посажу вас двоих в ограниченном пространстве вместе с Кейт и Анитой, мужик. Этого не произойдет.

— Хорошо, — я посмотрел в сторону внедорожника, встречаясь с Кейт взглядом, и вздохнул. Гребаный отличный день рождение. — Поехали, Майлз.

Мы забрались в грузовик Майлза и направились следом за остальными в мой дом.

— Он остается у тебя? — спросил Майлз, покачав головой.

— Да. Все они.

— Что у него к тебе?

— Он, бл*дь, ненавидит меня. Наши отношения с Кейт не всегда были хорошими. Я чертовски облажался, когда...

— Мне не нужно знать деталей, — перебил он.

— Да, ну, как и Брам, но очевидно он знает больше, чем я думал.

Мы остановились у обочины возле моего дома, и я открыл дверь со своей стороны.

— Спасибо, что подвез.

— Мне стоит остаться? — спросил Майлз, когда Брам, спотыкаясь, вылез из внедорожника позади нас.

— Нет, братья удержат его, а их родители в доме с детьми.

— Ты уверен?

— Да, даже Брам не начнет разборки в доме, где дети.

Я помахал, когда направился к передней части дома, останавливаясь снаружи пассажирской стороны внедорожника Кейт. Она отключилась, голова была прислонена к сиденью.

— Хочешь понести ее? — тихо спросил Тревор, когда Анита и Генри повели спотыкающегося Брама внутрь.

— Да, я возьму ее.

Открыл дверцу и отстегнул Кэти, скользя руками под нее, чтобы поднять.

— Брам будет чувствовать себя дерьмово утром, — сказал мне Тревор, закрывая дверь, когда я вытащил Кейт.

— Он испортил ее день рождения, — выплюнул я, крепче прижимая Кейт к груди, когда она обняла меня руками за шею. — Ему нужно держать при себе свое дерьмо. Между нами с Кейт все хорошо. Почему, черт возьми, он продолжает нести эту херню?

Я направился к дому, немного пошатываясь, пока Дэн держал дверь открытой.

— Похоже, она хорошо провела время, — сказал он тихо.

— Да, пока ваш сын не потерял гребаный рассудок.

— Что произошло?

Я покачал головой и понес Кейт наверх, в кровать. Она больше не вошкалась, когда я убрал ее руки со своей шеи, и не сделал ничего, кроме того, что расстегнул ее лифчик и стянул джинсы и обувь. Она будет в отключке до утра.

Схватил влажную салфетку и очистил лицо, пока проверил каждого из детей. Я всегда делал это перед сном, убеждаясь, что каждый из них в безопасности и спит, прежде чем ложился спать. Иногда кто-то из мальчишек оказывался на полу, когда проверял их, и я снова укладывал их в кровать.

Я услышал бормотание голосов, когда закрыл дверь в комнату Сейдж, поэтому спустился вниз.

Брам вырубился на полу гостиной с подушкой под головой. Я хотел пнуть его, но не стал.

— Кофе? — сказала Элли, когда я вошел в кухню.

— Да, спасибо.

Все собрались вокруг кухонного стола, Тревор и Генри уселись на стулья возле стойки.

— Ты в порядке? — спросил Дэн, переводя взгляд с моего лица на окровавленную тряпку в руках.

— Да, все хорошо, — запыхтел я, найдя пустое сиденье и опускаясь на него с ворчанием. Брам пихнул меня во время драки, и я ударился о ножки стола, и уже мог чувствовать синяки на пояснице.

— Какого черта произошло? — спросила Лиз, сведя брови вместе. — Вы двое просто

начали драться?

Я помотал головой, благодаря Элли за чашку кофе, которую она поставила передо мной.

— Брам не следит за своим ртом, — выплюнул Генри яростно, повернувшись ко мне. —

Извини, что я начал этот разговор, мужик. Не думал, что это приведет к подобному.

— Не твоя вина, Ген.

— Я думала, что Кейт прыгнет между вами двумя, — сказала Анита тихо, ее глаза были уставшими и под ними размазался макияж. — Боже, иногда Брам такой мудака.

— Мне не стоило бить его, — сказал я, мой желудок сжался, когда подумал о разговоре, который будет у меня с Кейт, когда она проснется.

— Если бы не ты, то я бы это сделал, — сказал Тревор. — А я даже не пьян.

Разговор перетек к музыкальному таланту девчонок и песням, которые они исполняли, и через какое-то время Элли, Лиз и Дэн ушли, когда остальная группа начала готовиться ко сну.

— Почему ты остался? — спросил я Майка, когда он поцеловал Элли на прощание и вернулся на кухню.

— Хочу присмотреть за Брамом, — сказал он, похлопав меня по спине, когда проходил мимо. — Дэну тяжело, когда он не спит в своей кровати, поэтому ему лучше пойти с Лиз.

— Я не могу поверить, что это произошло сегодня вечером, — сказал я, плюхнувшись на стул. — Он начал ссору, а я поддался.

— Теперь, когда твоя мать ушла, почему бы тебе не рассказать мне, что он сказал.

— Дело даже не в том, что он сказал, а как, — я рассказал отцу, сжимая руки в кулаках. Мои костяшки были разбиты. — Он сказал кое-что о том, что я не совал свой член в дырку, и как Кейт готова была об этом позаботиться.

— Иисус Христос, — сказал Майк в отвращении.

— Остальную грязь я проигнорировал. Он был пьян и вел себя как придурок, но из-за его слов Кейт выглядела жалкой, — я встретился взглядом с отцом. — Она, черт побери, не жалкая.

— Нет надобности убеждать меня в этом.

— Я облажался с Кейт, знаю. Но раз она мирится с моим дерьмом, это не значит, что она какая-то тряпка, о которую можно вытирать ноги.

— Она любит тебя, — сказал Майк тихо. — Из-за любви смотришь на некоторые вещи сквозь пальцы.

— Сейчас у нас все хорошо.

— О, да?

— Да. Думаю, она начинает снова мне доверять. Я правда очень стараюсь все исправить.

— Кажется, это работает. Ранее я слышал о том, как вы готовитесь ко сну.

Я покраснел, а Майк рассмеялся.

— Нет причин для смущения.

— Я не буду говорить с тобой об этом.

— Время требует доверия, сынок, — проинформировал меня Майк с улыбкой. — Просто продолжай, что делаешь, и все будет хорошо.

— Вы с мамой когда-нибудь...

— Черт, я был гораздо хуже тебя, — сказал он серьезно. — Но эта не та тема, которую я обсуждаю со своими сыновьями.

Я поморщился, когда подумал о том, чтобы обсуждать мое прошлое с Кейт с кем-нибудь из детей.

— Достаточно справедливо.

— Тебе лучше пойти наверх и поспать. Я немного посижу над кроссвордом.

На следующее утро я проснулся с Кейт, крепко прижавшейся ко мне, как раз когда кто-то зашел к нам в спальню.

— Я просто заберу Айрис, — тихо прошептала Лиз, на цыпочках подходя к краю кровати. — Чтобы вы с Кейт могли немного поспать.

— Спасибо, Лиз, — пробормотал я, когда она подняла улыбающуюся малышку из кроватки.

Женщина закрыла за собой дверь, уходя, и шум разбудил Кейт достаточно, чтобы она дернула бедром у моего утреннего стояка. Черт.

Утро всегда было самым сложным временем суток для меня. Кейт и понятия не имела, как ворочалась возле меня, перед тем как проснуться. Я прекрасно знал, что мог возбудиться, еще до того, как она позволила бы мне делать все, что я с ней захочу, но не хотел начинать с этого.

По какой-то причине она хотела подождать, и я хотел, чтобы она сдалась, когда будет готова. Трахнуть ее до того, как она начнет мне полностью доверять, будет фантастичным, но только на мгновение. Долгосрочный эффект не будет столь хорош. Она еще не была уверена, а секс не поможет ей принять решение.

Секс мог сделать все бесконечно лучше, но не исправит ничего. Мы все еще будем там, где и начали, если я начну трахать ее каждый день.

Иисус, мне нужно перестать думать о том, как я вошел бы в нее, пока она наклоняет свои бедра ко мне.

— Боже, у меня болит голова, — прохрипела Кейт, наконец, полностью проснувшись. — Слишком много выпивки.

Я поцеловал ее в шею, когда она подняла руку, чтобы прикрыть глаза.

— Да, много, — тихо согласился я. — Как твой желудок?

— Как ни странно, у меня железный желудок, когда твой ребенок не растет внутри меня.

Я знал тот самый момент, когда она вспомнила события прошлого вечера, потому что ее тело замерло.

— Из-за чего была драка? — прошептала она, схватив меня за руку, когда я попытался отодвинуться.

— Просто из-за глупости, — сказал я, снова расслабляясь возле ее тела. — Абрахам перепил.

— Не похоже на него, — спорила она, ее голос был спокойным. — Ты же понимаешь, что я все узнаю, спустившись вниз. Не лучше ли мне услышать это от тебя?

— Лучше тебе вообще не слышать об этом, — пробурчал я, утыкаясь лицом в ее волосы.

— Это было из-за меня, да?

— Не конкретно, — уклонялся я от ответа, не желая ранить ее чувства. — Кажется, он не может отпустить то, что произошло между нами в прошлом.

— Поняла, — вздохнула Кейт. — Я поговорю с ним.

— Нет, — приказал я, переключаясь так, чтобы мог видеть ее лицо. — Между нами все хорошо, верно? Тебе не нужно перед ним защищаться.

Она открыла рот, чтобы спорить, и я накрыл его своей ладонью. Она выглядела такой милой, когда ее глаза с размазанным макияжем расширились от удивления.

— Ты не должна говорить о наших отношениях ни с кем, кроме меня, — сказал я ей, убирая руку, чтобы можно было поцеловать ее в губы. — Это наше личное.

— Думаешь, он извинится? — спросила она хрипло, прочистив горло.

— Это неважно, имеем значение только мы, верно. В конце концов, он либо изменит мнение, либо ему придется заткнуть свой рот.

Она обняла меня за талию и потянула, чтобы я лег на нее, пронзая мою спину своими ногтями.

— Мне жаль, что твой день рождения был испорчен, детка, — пробормотал я в ее рот, когда поцеловал.

— Ты шутишь? Первые два часа я идеально проводила время. Я бы назвала это успехом, — ответила она с огромной улыбкой.

— Родители позаботятся о детях этим утром, — прошептал я соблазнительно, подергивая бровями.

— О, да?

Я несколько раз дернул бедрами в ее, прежде чем отстранился и лег на бок.

— Хочешь свернуться рядом со мной и по-настоящему поспать?

Ее челюсть отвисла от удивления от моих слов, и она захихикала, раскачивая всю кровать.

— О, да, — прошептала Кейт, дерзко улыбаясь.

Мы спали до 10 утра, и это было чертовски потрясающе.

Я наблюдал, как Кейт и Брам тихо разговаривали на подъездной дорожке. Через несколько часов все уезжали домой, и хоть Кейт и вела себя с Брамом как обычно остаток выходных, я знал, что рано или поздно она его прижмет.

Хоть и просил не делать этого.

Но я не взбесился из-за этого. Это был ее брат, их отношения не относились к нашим с Кейт. Если ей нужно было прояснить все между ними, я был согласен. Не хотел, чтобы она переживала из-за этого, а я знал, что так и есть.

Брам вытянул руку и погладил Кейт по волосам во время их разговора, и время от времени кто-то из них кивал. Их маленькое обсуждение не продлилось долго: через пятнадцать минут Кейт ухмылялась Брамму, когда он потирал затылок, явно чувствуя себя некомфортно. Он повернулся уходить и сказал что-то через плечо, что рассмешило Кейт.

Прежде чем Брам осознал происходящее, Кейт запрыгнула ему на спину, отчего он почти рухнул на землю, и поставила ему шелбан, который выглядел очень болезненно,

истерически смеясь.

Если претензии и были, то они полностью исчезли.

Я любил ее.

— Эй, Кэти? — тетя Элли позвала меня с черного входа. — Только что звонили из школы. Они сказали, ты должна приехать за Келлером.

Я дернула головой и оторвалась от своего занятия — опрыскивания мебели патио.

— С ним все хорошо?

— Да, кажется, у него неприятности.

— Черт, — зашипела я и потопала в сторону дома, чтобы выключить шланг.

— Хочешь, чтобы я поехала с тобой? — крикнула мама, когда я взбегала вверх по лестнице. На мне были обрезанные шорты и резиновые тапки. Ни за что не выйду из дома в таком виде.

— Нет! — крикнула я в ответ, подходя к своей комнате. — Я быстро заберу его.

У меня не заняло много времени доехать до школы Келлера и Сейдж, и к тому времени, как вырулила на парковку, я была одновременно взбешена и смущена. Еще не знала, что натворил Келлер, но если сначала они отправляли записку, а теперь просят забрать ребенка домой, я догадывалась, что дела плохи.

Когда дошла до кабинета, увидела, что Келлер один сидит на кресле у стены, его лицо все в грязи и слезах.

— Тетя Кейт! — закричал он, подскочив ко мне. Он обнял меня за ноги и уткнулся лицом мне в талию, когда высокая женщина вышла из кабинета директора.

— Здравствуйте, я Сьюзан МакКоли, — представилась она, вытянув руку для рукопожатия. — Я работаю в школе соц. педагогом.

— Кейт Эванс, — ответила я, выпуская ее руку, чтобы положить ее на плечо Келлеру. — Что произошло?

— Отец Келлера скоро приедет? — спросила она, грубо игнорируя мой вопрос, глядя через мое плечо. — Мне было бы удобнее поговорить с родителем Келлера.

Мне будто дали пощечину, так я была шокирована ее тоном. Какого черта?

— Отец Келлера на работе, — ответила я спокойно.

— Очень важно, чтобы он приехал со мной поговорить. Вы можете, пожалуйста, позвонить ему и попросить приехать? Кажется, у нас в записях нет его номера.

— Вероятно, он может прийти после работы, — сказала я сквозь стиснутые зубы.

— Мы работаем до четырех, поэтому ничего не получится, если он не приедет до этого времени.

— Вы новенькая? — спросила я напрямую, удивленная ее дерзостью.

— Я работаю несколько месяцев, а что?

— Работающие здесь в курсе, что у большинства учеников родители военные. Они не могут приехать посреди рабочего дня.

Я наблюдала за тем, как она выпрямила плечи, а по ее лицу было видно, что она начинает сердиться. Должно быть, девушка младше меня, но вела себя гораздо старше.

— Так во сколько ему будет удобно? — вымучила она из себя, не искренне улыбаясь.

— Скорее всего, около пяти, — ответила я, поднимая Келлера на руки. — Мы закончили?

Я быстро подписала бумагу, что забираю Келлера, пытаюсь удержать его тяжелое тело и свою безразмерную сумку, и через несколько минут мы были в моей машине, направляясь

домой.

— Что случилось, приятель? — спросила я, глядя на Келлера в зеркало заднего вида.

— Я подрался, — сказал он, встречаясь со мной взглядом.

Маска безразличия, которую мальчик носил последние несколько месяцев, постоянно попадая в неприятности, медленно исчезала с лица, и он разразился слезами.

— Почему ты сделал это? — спросила я, вырвав на автостраду.

— Натан называет меня «Сиротка Энни»^[5], — выпалил он, зло проводя рукой по лицу.

— Ну, это нелепо, — твердо сказала я. — Ты не сирота. У сироты нет обоих родителей.

— И я не девчонка!

— Это так же правда, — сказала я, пытаюсь не рассмеяться на отвращение, написанное на его лице. — Но ты не можешь драться, малыш, потому что из-за этого возникают проблемы.

— Папочка будет злиться на меня, — ответил он тихо, из-за чего мое сердце сжалось от боли за него.

Мы молчали остаток пути. Когда, наконец, доехали до дома, Келлер выпрыгнул из машины, забежал внутрь, пока я вытаскивала телефон из сумочки.

— Алло? — ответил Шейн после нескольких гудков.

— Привет, я только что забрала Келлера из школы...

— Дерьмо, — вздохнул он. — Он в порядке?

— Да, в порядке. По его словам, он подрался, потому что какой-то мелкий засранец назвал его «сиротка Энни».

— Ну, это не такое уж большое оскорбление.

— Большое, когда тебе шесть.

— Что сказали в школе? Он отстранен или что?

— Я не знаю. Они не рассказали мне, — ответила я раздраженно, снова разозлившись на социального педагога.

— Что? Почему?

— Социальный педагог хочет поговорить с тобой.

— Но ты была там.

— Она хочет, чтобы ты заехал после работы и поговорил с ней.

— Бл*дь. Я не освобожусь до четырех.

Я вышла из машины, когда моя мама показалась на крыльце.

— Она сказала, что подождет.

— Хорошо, тогда встретимся там примерно в пол пятого. Черт, должен идти. Увидимся через пару часов.

Соединение было сброшено, и я опустила руку. Судя по всему, я буду иметь дело с засранкой Сьюзан МакКоли во второй половине дня.

— Привет, красавица, — сказал Шейн, открывая дверцу, когда я припарковалась. — Как прошел остаток твоего дня?

— Эх. Келлер провел большую часть дня, играя в Лего с тетей Элли. Бедняга выглядел

так, будто ждал палача. Он так боится встречи с тобой.

— Не знаю, почему? Ты можешь вести себя более пугающе, — сказал он, кладя руку мне на поясницу, заводя меня в школу.

— Здравствуйте, мистер Андерсон, я Сьюзан МакКоли, социальный педагог.

— Приятно познакомиться, — вежливо ответил Шейн, вытягивая руку, чтобы пожать ее.

— Почему бы вам не пройти в мой кабинет? — сказала она, махнув рукой в сторону двери справа.

Шейн мягко подтолкнул меня вперед, и Сьюзан едва взглянула на меня, когда мы проходили мимо. Сучка.

— Я попросила вас прийти, потому что, кажется, у Келлера проблемы с поведением большую часть школьного года.

— Что? — спросила я в замешательстве. — У нас была только одна записка.

— Начиналось все с обзывательств, но сегодня перешло в настоящее физическое насилие, — сказала Сьюзан Шейну, полностью меня игнорируя. — Мы не потворствуем насилию, поэтому отправили Келлера домой с мисс Эванс. Но я бы хотела поговорить с вами наедине, чтобы вместе разобраться, как помочь Келлеру.

— Келлер сказал, что мальчишка обзывал его...

— Я тоже слышала эту историю, — сказала Сьюзан с кивком. — Но мы не можем оправдывать насилие из-за небольшого обзывательства.

— У Келлера все руки в царапинах. Второго ребенка вы тоже отправили домой? — спросила я, стиснув руки в кулаки на коленях. Женщина вела себя как робот, я не понимала, как она могла быть соц. педагогом у маленьких детей.

— Мисс Эванс, пожалуйста, позвольте мне поговорить с мистером Андерсоном, — засранка МакКоли пробормотала, ненадолго взглянув на меня, прежде чем перевела взгляд на Шейна.

На его лице было выражение неверия, и он повернулся ко мне.

— Кейт имеет такое же право говорить здесь, как и я, — защищался Шейн, сведя брови вместе.

— В подобной ситуации я считаю более полезно говорить напрямую с родителем, мистер Андерсон, — сказала она просто. — Я не проявляю никакого непочтения.

— Она его мать, — зло сказал Шейн, из-за чего у меня перехватило дыхание. — Не понимаю, почему вы не можете поговорить с ней.

— Ох, — Сьюзан на мгновение опустила взгляд и перебирала бумаги на столе. — Келлер звал ее тетей, когда она забирала его ранее, и я предполагала, что мать Келлера и Сейдж умерла в аварии два года назад.

Я вообще перестала дышать из-за ее беззаботного упоминания смерти Рейчел. Когда она оторвала взгляд от своего стола, ее глаза расширились от выражений наших лиц.

— Да, она умерла, — тихо согласился Шейн. — Но Кейт заботилась о Келлере с момента его рождения. Она его мать в каждом смысле этого слова.

Сьюзан оторопела на мгновение, затем, казалось, взяла себя в руки.

— Я не знала, — сказала она просто, прежде чем сморщила нос, будто учуяла плохой запах. — Ну, иногда нетрадиционные семейные отношения могут быть причиной поведенческих проблем. Возможно, Келлер...

— Всё, мы здесь закончили, — сказал Шейн в отвращении, покачав головой, когда

встал и потянул меня за собой. — Пусть завтра позвонят Кейт и скажут, когда Келлер может вернуться в школу.

— Мистер Андерсон! — крикнула Сьюзан, когда Шейн открыл дверь кабинета. — Мы не продумали никакой план...

— Мы с матерью Келлера решим сами все имеющиеся проблемы с его поведением, — сказал Шейн, поворачиваясь к ней лицом. — Вы вели себя снисходительно и грубо с момента, как мы вошли в школу. И я не должен был вообще приезжать сюда, так как вы могли поговорить с Кейт ранее. Не уверен, в чем ваша проблема, но очень надеюсь, что с детьми вы обращаетесь лучше, чем с их обеспокоенными родителями.

Он схватил меня за руку и повел к машине так быстро, что мне практически пришлось бежать, чтобы поспевать за ним.

— Гребаная сука! — пробурчал он, забирая у меня ключи, чтобы открыть мне дверь. — Ты можешь в это поверить?

— Она вела себя так же, когда я забирала Келлера.

— Какого черта ты меня не предупредила?

Я пожалала плечами и потянулась, чтобы чмокнуть его в губы.

— Ты обо всем позаботился.

Я забралась в машину и начала заводить ее, когда он закрыл дверь.

— Я поеду за тобой, — сказал он, прежде чем направился к своему грузовику.

Мои руки дрожали от адреналина, когда мы выехали с парковки, и я сделала глубокий вдох, чтобы успокоить нервы. Всегда ненавидела конфронтации. Я не любила, когда люди на меня злились, и, зная, что кому-то не нравлюсь, всегда чувствовала себя некомфортно. Наверное, вот почему я пыталась угодить людям в детстве.

Через наш дом прошло так много детей. Детей с такими проблемами в поведении, что Келлер — это еще цветочки. Поэтому я очень рано поняла, как избегать конфликтов. Когда их нельзя было избежать, всегда вступали мои братья, сначала Алекс со своим очарованием, и если это не помогало, то Брам с кулаками.

Когда я повзрослела и попала в мир бизнеса, научилась справляться со своим страхом. Но отвечать по электронной почте недовольным клиентам не имело ничего общего с тем, чтобы сталкиваться с чьей-то неприязнью лицом к лицу.

Я чувствовала себя замершей внутри в этом маленьком кабинете, а мое лицо горело от унижения. Я не сделала ничего плохого этой женщине, но казалось, будто она испытывала ко мне неприязнь. Я чувствовала себя крошечной из-за нее, пока не вступился Шейн. Его слова успокоили меня, как ничто другое.

Он подарил мне чувство уверенности, которое не давал прежде.

Я посмотрела в зеркало заднего вида, чтобы проверить грузовик позади, и уловила, как Шейн подпевает радио с опущенными на глаза солнцезащитными очками. В этот момент все пазлы встали на свои места.

Нежность наполнила меня, когда я срулила с автострады на парковку небольшой бензоколонки.

Шейн едва успел остановить грузовик, а я уже выскочила из машины и направлялась к его двери.

— Что случилось? — спросил он, открывая дверь, и я потянулась к нему.

Ступила на подножку и притянула его лицо к себе, целуя так страстно, что ему пришлось шарить руками и заглушать двигатель.

— Я люблю тебя, — прошептала я.

Одной рукой схватив меня за задницу, когда застонал, другой внезапно опустил рычаг под сиденьем, чтобы оно опустилось, и у меня было место залезть к нему на колени. Я взобралась и оседлала его, и мы оба застонали, когда наши промежности встретились.

— Что на тебя нашло? — спросил он, хватая меня за волосы, чтобы наклонить мою голову и прижаться губами к моей шее. — Бл*дь, игнорируй меня, — прошептал он у моей кожи. — Мне все равно.

Я рассмеялась, задыхаясь, отстранившись от него, и глядя в его расширившиеся глаза.

— Сегодня тебе так повезет, — сказала я, потираясь об него.

— Мне везет каждую ночь, — ответил он нежно, потянув мою голову, чтобы снова поцеловать меня.

— Раздевайся, — приказал Шейн, когда вошел в нашу комнату этим вечером после душа.

— Черт, а ты властный, — подразнила я, завязывая волосы в хвост.

Мы приехали домой вечером раскрасневшиеся и заведенные, но к тому времени как поговорили с Келлером и поужинали с остальными детьми и нашими матерями, напряжение между нами значительно снизилось.

Оно все еще присутствовало, прямо над поверхностью, но жизнь и семья затмили его немного.

— Если ты не разденешься в течение пятнадцати секунд, я нагну тебя над кроватью и трахну в одежде, — ответил он, сбрасывая полотенце с талии. — Я не привередлив в этом.

Я рассмеялась и спустила штаны по ногам, пока он пялился.

— Я побрила ноги, — произнесла с улыбкой, снимая футболку. — Твой счастливый день.

— Чертовски уверен, что да, — выдохнул он, осматривая мое тело сверху вниз.

— Как ты думаешь, наши мамы о чем-то догадывались и поэтому забрали Айрис к себе на ночь? — спросила я, когда он двинулся ко мне.

— Я не собираюсь разговаривать с тобой об Элли и Лиз, когда ты полностью голая и у нас не было секса почти год, — пробурчал он, хватая меня за бедра, чтобы толкнуть на кровать. — Единственное, что тебе позволено говорить: «Трахай меня жестче, Шейн» или «Я забыла, какой у тебя огромный член», — я рассмеялась, когда он забрался на меня. — Ты также можешь молиться: «О, боже мой», это не будет лишним.

— Ты такой большой, — прошептала я хрипло с небольшой улыбкой на лице. — Ох, Шейн, ты точно поместишься?

— Да. Мы это уже проходили, — пробормотал он рассеянно, наклонившись, чтобы прижать свои губы к моим.

Я практически летала от счастья, когда он оперся на локти и скользнул языком в мой рот.

— М-м-м, на вкус ты как чесночный хлеб, — пробормотала я, когда он немного отстранился.

— Черт, — рассмеялся Шейн, опустив голову на мое плечо, все его тело тряслось от веселья.

— Что? — спросила я, толкая его. — Мне нравится чесночный хлеб! — от моих слов он начал смеяться сильнее, и вскоре я начала хихикать, потому что это было заразительно.

— Я когда-нибудь буду чувствовать себя крутым рядом с тобой? — спросил он с широкой улыбкой, когда, наконец, перевел дыхание. — Я использую свои лучшие приемчики с тобой, а ты комментируешь про чесночный хлеб.

— Это были твои лучшие приемчики? — спросила я наивно, из-за чего он снова расхохотался. — Я имею в виду, естественно это были хорошие приемчики. Изумительные приемчики...

— Я так сильно люблю тебя, — перебил он мое бормотание.

— Это хорошо, — пробормотала я, широко открыв глаза.

— Очень хорошо, — подтвердил Шейн, перемещая меня, пока не оказался между моих ног.

— Я тоже люблю тебя.

— Я знаю.

— Итак, как думаешь...

— Больше никаких разговоров, Кейт, — сказал мужчина, страстно меня целуя.

Через секунду я больше ничего не могла говорить, потому что он опирался только на один локоть, а вторую руку использовал, чтобы щипать мои соски.

Я направляла бедра к его и поднимала колени выше, желая, чтобы он был ближе. Кожа Шейна была горячей под моей ладонью, пока я очерчивала его мышцы на руках и спине.

— Боже, ты такая сексуальная, — прохрипел он, отрывая свой рот от моего, чтобы переместиться на мою шею. Затем его губы потянулись к моим соскам, и я ахнула, отчего Шейн усмехнулся и направил пальцы мне между ног. Я насаживалась на его руку, когда он скользнул пальцами внутрь. Его большой палец потирал мой клитор маленькими круговыми движениями.

— Черт, — выругалась я, застонав, когда он убрал руку.

— В следующий раз, — сказал он, прерывисто дыша, — а сейчас я хочу свое удовольствие.

Он расположился на коленях между моих ног и обхватил за бедра обеими руками, притягивая их повыше своих, чтобы моя задняя часть находилась выше головы.

— В этот раз я не могу ждать, — он встретился со мной взглядом, когда приставил член к моему влагалищу. — И я хочу смотреть.

Он наблюдал, когда толкнулся бедрами вперед, и я полностью оторвала спину от кровати, изгибаясь от ощущения того, как он толкается в меня.

Он остановился, его грудь тяжело вздымалась, когда спросил.

— Презервативы?

— Поставила внутриматочный контрацептив, — сказала я, пытаюсь толкнуть бедра навстречу его толстой длине. — У нас все в порядке.

— Слава Богу, — он отстранился и толкнулся вперед несколько раз, прежде чем остановился.

— Какого хрена, Шейн? — спросила я в раздражении, опираясь на локти.

— Мне нужно, чтобы ты была ближе, — пробубнил он, просунув руку под мою спину и приподняв меня к своей груди. — О, черт, — застонал он, когда толкнулся глубже в меня. —

Да, вот так.

Я вытянула руку, оборачивая ее вокруг его горла и чувствуя, как он тяжело сглотнул у моей ладони, встретившись со мной взглядом. Он начал двигаться, и я поощряла его, слегка крутя бедрами, так что мой клитор потирался о его лобковую костью с каждым толчком бедер.

— Трахай меня жестче, Шейн, — сказала я с улыбкой, повторяя его слова. — Я забыла, какой у тебя огромный член. Это не будет лишним.

Он широко улыбнулся и толкнулся жестче.

Не прошло много времени, прежде чем я начала царапать его спину, кончая.

— О, боже, — у меня перехватило дыхание.

Пот стекал по его вискам, когда он положил меня на спину пару минут спустя, и полностью игнорировал шум, который издавал, когда снова и снова толкался бедрами, отчего кровать вбивалась в стену позади нас, пока он, наконец, не кончил с глубоким, удовлетворенным стоном.

— Святое дерьмо, — пробубнил Шейн, опускаясь как валун на меня.

— И, правда, отличные приемчики, — ответила я сонно, закрывая глаза, когда он захихикал.

Несколько часов спустя мы все еще бодрствовали, тихо разговаривая обо всем и ни о чем: начиная с наших любимых сексуальных поз и заканчивая смешными историями из детства.

— Уверена, если наши матери не догадывались прежде, сейчас они знают, чем мы занимаемся, — сказала я со стоном, когда Шейн очерчивал несколько растяжек на моем животе.

— Мы были немного громкими в конце, — спорил он, наклонившись, чтобы скользнуть губами по низу моего живота.

— Что? Мы? Это все ты. Я вела себя тихо.

— Да, да.

— Боже, мне нужно начать делать зарядку, — проворчала я. — Мои ноги чертовски болят.

— Бедра или лодыжки? — спросил он, приподнимаясь.

— Да, — ответила я, вызвав у него улыбку.

Он вытянул руку и начал массировать мои ноги, начиная с бедер.

— Мы должны продать дом, — сказал он через несколько минут.

— Что? — я оперлась на локти, чтобы взглянуть на него.

— Мы не пользуемся главной спальней, — он посмотрел на меня, прежде чем перевел взгляд на действия своих рук с моими ногами. — Нам нужен свой дом.

— Ты уверен? Я имею в виду, я знаю, что ты не хочешь использовать ту спальню, но...

— Вот что ты думаешь? — спросил он, глядя на меня удивленно. — Мне плевать, в какой мы комнате. Но в самом начале я прощмыгивал сюда по ночам и молился, чтобы ты не выпнула меня. Я не собирался давить на тебя, прося переехать в другую спальню.

— Ох, — тихо ответила я.

— Все, что есть у меня, твое, Кэти, договорились? Я больше не хочу никаких недопониманий насчет этого.

— Не знаю, просто это немного странно, — я пожала плечами, чувствуя себя некомфортно. — Вероятно, это не должно было меня беспокоить.

— Но беспокоит.

Я кивнула, слегка улыбнувшись.

— Поэтому нам стоит обзавестись собственным домом, — сказал он, переходя к другой ноге. — Хотя, вероятно, займет время продать этот.

— Я не тороплюсь, — заверила я его.

Мы затихли, оба потерянные в своих мыслях.

Я пережила чувство того, что была заменой Рейчел. Мои отношения с Шейном были очень мало связаны с ней, но иногда ощущалось странным, когда я находилась в их спальне или использовала душ, или находила кое-что из ее покупок в задней части шкафа. Я разобралась, что подобное пройдет со временем.

— Иногда мне кажется, что я всегда нашел бы свой путь к тебе, — сказал тихо Шейн, когда растянулся рядом со мной. — Из-за чего херово себя чувствую.

— Нет причин думать о таком, — прошептала я, скользя рукой по его обнаженной груди и вокруг шеи.

— Я бы никогда не променял Айрис на Рейчел, — сказал он тихо. — Я не променял бы Айрис ни на что.

— Шейн, — сказала я, мое горло стиснуло из-за эмоций. — Если бы Рейчел не умерла, ты бы и не узнал Айрис. Проведение подобных сравнений бессмысленно. Не думай об этом.

— Я люблю тебя. Люблю нашу жизнь. Не думаю, что мог бы вернуться назад, — сказал он хрипло.

— Это даже не вариант, поэтому забудь.

Он крепко зажмурил глаза, и я скользнула рукой по передней части его горла, когда он сглотнул.

— Почему ты делаешь это? — спросил он, медленно открывая глаза, когда потянулся обхватить мое запястье.

Мое лицо покраснело, когда я потерла большим пальцем его шею, прочистив свое горло.

— Когда ты впервые показался у тети Элли и дяди Майка, ты был таким тихим, — сказала я, смотря в его глаза, искрящиеся эмоциями. — Обычно я могла читать людей, но ты.. я не могла сказать, о чем ты думал. Наблюдала за тобой.

Он кивнул, улыбаясь.

— Ну, и, наконец, я заметила, что когда ты расстроен или зол, или даже счастлив, ты тяжело сглатываешь. Иногда всего раз, но так происходит. Я узнала это, наблюдая.

— Странно, — прошептал он.

— Я понимала, что ты делал, когда поймала тебя, целующего Рейчел, потому что ваши лица были так близко, но на секунду ты поднял голову, и я увидела, как ты тяжело сглотнул.

— Это был такой дерьмовый поступок.

— Да, ты вел себя как маленький засранец, — не спорила, проводя рукой по его груди, чтобы ущипнуть за сосок.

— Ай! — закричал он, перехватывая мою руку и снова притягивая ее к своей шее.

— Я кладу свою руку на твое горло... — движения следовали за словами, — потому что даже если ты ничего не говоришь, я физически могу ощущать твои эмоции. В миллион раз лучше, когда я знаю, что эта эмоция для меня.

— Выходи за меня, — хрипло прошептал он, всматриваясь в мои глаза, когда положил руку поверх моей, и я почувствовала, как его адамово яблоко дернулось. — Будь моей женой.

— Согласна.

— Расскажи мне опять, зачем ты нанесла всю эту штукатурку на лицо? — сказал я своей девочке, перестраиваясь на другую полосу, чтобы съехать с дороги.

— Потому что тетя Кейт мне разрешила! — ответила Сейдж, глядя на меня. — Раз это особенный вечер.

Кейт усыновила мальчиков и удочерила Сейдж меньше чем через месяц после нашей свадьбы, и младшие мальчики сразу же начали звать ее мамой, вероятно, из-за того что так делала Айрис. Келлеру потребовалось больше времени, чтобы чувствовать себя комфортно, но, в конце концов, и он начал. Сейдж очень ясно помнила свою маму, и когда она продолжила говорить «тетя Кейт» спустя время после удочерения, мы не стали заикливаться. Это было ее решение. Неважно, как она называла Кейт, их связь была прочной.

— Не понимаю, зачем тебе нужен макияж в кофейню, — пробурчал я. — Там все равно темно.

— Потому что я девочка, а девочки красятся, — сказала она, теряя терпение.

— Не в тринадцать.

— Ты можешь просто закрыть эту тему? Блин, пап!

— Хорошо, — сказал я, вырвав на парковку, где уже было полно машин.

Я вылез из грузовика и обошел его, чтобы помочь Сейдж выйти. Она ненавидела, когда я так делал, но я не мог удержаться. Она была моей маленькой девочкой, и я надеялся, что если продолжу открывать ей двери и буду ходить с внешней стороны тротуара, она вспомнит это, когда начнет встречаться с парнями и будет решать, какой из них стоит ее внимания.

— Ты такой странный, — сказала она, когда взяла меня под руку.

— Не обманывай, ты считаешь меня потрясающим, — спорил я, открывая дверь и пропуская ее внутрь.

Мы нашли столик сбоку, и я улыбнулся, когда Сейдж оглядывала подростков вокруг нас. Она была немного младше большинства из них, и я знал, что она слегка нервничала, так как находилась здесь со своим отцом.

— Привет, ребята, могу предложить вам что-нибудь выпить? — молодой паренек в фартуке спросил нас, прямо после того, как мы уселись, убрав челку со лба, глядя на Сейдж.

— Можно мне горячий шоколад? — тихо сказала Сейдж, покраснев.

Ох, черт, нет.

— Черный кофе, — рявкнул я, а паренек подпрыгнул.

— Эм, конечно, — пробурчал он, отступая назад, прежде чем развернуться.

— Серьезно, пап? — зашипела Сейдж, оглядываясь вокруг.

— Что? — я точно знал, что она имела в виду. Я вел себя как придурок, но не собирался объяснять, что этот паренек заценил мою тринадцатилетнюю дочь прямо передо мной. Лучше ей не знать эффекта, который она оказывает на противоположный пол.

— Привет, Сан-Диего, — раздался знакомый голос в акустической системе. — Как ваши дела сегодня вечером?

Помещение заполнилось возгласами, а лицо Сейдж осветилось, когда она посмотрела на сцену.

— Разве вы не милашки? — прохрипела Кейт со смешком. — Я люблю приходить

играть для вас. Вы раздуваете мое эго.

Возгласы толпы стали громче, и я не мог остановить улыбку, которая расползалась по моему лицу.

— Если вы новенький на нашем вечере открытого микрофона, то по помещению будем перемещаться банка из-под кофе. У кого она? — она сделала паузу. — Хорошо, видите парня в зеленой рубашке? Подними руку, Колби. Вот, этот парень. Когда банка окажется у вас, бросьте туда пару долларов, если можете, и передавайте ее дальше.

Толпа зааплодировала, и Кейт снова рассмеялась сквозь звуки акустической системы.

Звуки гитары раздались в колонках, и я наблюдал, как Сейдж замерла, а вся комната погрузилась в тишину. Даже баристы за прилавками оставили свои дела и наблюдали за сценой, когда Кейт запела.

Мои глаза были прикованы к Сейдж, когда звук голоса Кейт ошеломил меня как всегда.

Даже после пяти лет вместе, у меня перехватывало от нее дыхание, когда она пела. Кейт была невероятной. Наконец, я перевел взгляд с восторженного лица Кейт в цветастом красном платье. Ее губы и глаза были подкрашены темным цветом. Она точно знала, что делает, и дети в этом помещении безумно ее любили.

Она не пела на публике долгое время после рождения Айрис, но чуть больше года назад сказала, что хотела бы возобновить свои творческие выходы. Я всецело ее поддержал.

Что-то в ее уверенности в себе на сцене привлекало меня, и я охотно платил нескольким девчущкам по соседству в нашем новом районе, приглядеть за детьми на час или два, чтобы отводить ее на свидания раз или два в месяц.

Когда мы переехали с Оушенсайд почти через год после рождения Айрис, Кейт переживала, что дети никогда не заведут новых друзей, и мы никогда снова не найдем няньку. К счастью, она ошибалась в обоих случаях. И наш маленьких переулок был заполнен семьями с маленькими детьми и подростками. Это были лучшие соседи, которых мы могли выбрать.

Мы могли выходить куда-то раз в неделю, даже просто на быстрый ужин, и иногда удавалось сходить в кино после него. Но мои любимые вечера, безусловно, когда я наблюдал за своей женой на сцене. Кейт любила выступать, особенно ради благотворительности. И мне нравилось наблюдать за ее весельем. Это было беспроегрышно.

— Довольно круто, да? — спросил я у Сейдж, улыбаясь. Она махнула пареньку, который принес наши напитки, когда он встал между ней и сценой.

— Ш-ш-ш, пап! Кейт репетировала песню Эллы Хендерсон целую вечность. Она полностью замедлила темп. Я хочу послушать!

— Извини, — пробубнил я, слегка хихикнув.

Сейдж не была особо талантлива, когда дело доходило до игры на инструментах, в этом выделялся Ганнер, но у нее был очень хороший слух. Я не понимал большую часть из того, что они с Кейт обсуждали, но очевидно, Сейдж понимала музыкальные составляющие лучше, чем большинство людей в два раза старше ее. Кейт умоляла меня позволить ей купить Сейдж проигрыватель или микшерский пульт, но я тянул время. Мне нравилось, как моя жена меня убалтывала.

Без перерыва Кейт начала следующую песню, а Сейдж подпрыгнула на своем сиденье немного, толкнув стол, отчего наши напитки разлились. Она даже не заметила, пока я взял салфетки, чтобы вытереть.

— Эй, вы, двое в углу! — крикнула Кейт в микрофон, когда я, наконец, убрал

беспорядок. — Ты не слишком старый для нее?

Толпа смеялась, пока они думали, о ком говорит Кейт, а Сейдж накрыла покрасневшее лицо руками, полностью униженная.

Кейт улыбалась так ярко, что заражала этим всех вокруг.

— Это моя маленькая девочка. Разве она не великолепна?

Сейдж подняла голову в изумлении, и толпа рассмеялась и зааплодировала.

— Я хочу знать, кто это парень! — закричала девушка с другого конца помещения, и все рассмеялись.

— А, это просто мой муж, — сказала Кейт спокойно, отчего все люди в толпе усмехнулись.

Она встретилась со мной взглядом, ярко улыбнувшись, и скользнула рукой за гитару, где я знал, у нее была небольшая округлость. Мы еще не сказали никому, что она беременна, решив не спешить и пока насладиться этим секретом вдвоем. Это будет наш последний ребенок, и мы хотели наслаждаться интимностью этого первые несколько месяцев и ни с кем не делиться.

Моя жена подмигнула и послала мне воздушный поцелуй, затем ухмыльнулась, перед тем как отвести взгляд. Она начала новую песню, как будто только что из-за нее мой желудок не сделал сальто.

Я огляделся вокруг и потер лицо руками, останавливая себя от того, чтобы встать и стянуть ее со стула как какой-то пещерный человек. Я так отчаянно пытался не представлять, как увожу ее домой в кровать, где она обхватывает мой член своими красными губами.

Когда Кейт запела припев новой песни, она встретилась взглядом с моим, и ее улыбка стала шире. Она точно знала, что делала, и находила это забавным.

Она заплатит за это позже.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Sage с англ. можно перевести как шалфей

Iris — имя Айрис, так же звучит как Ирис

американская сеть парков развлечений

Порноактер

«Сиротка Энни» — книга Томаса Мизна